This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

MAY 8 1905

Harvard College Library

FROM

The Public Library
Odessa, Russia

over

Slav 3260.8

А. Л. Бертье-Делагардъ.

Къ Исторіи Христіанства въ Крыму

МНИМОЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ.

ОДЕССА,
Типографія С. Мерка, бывш. А. Шульце, Ланжероновская ул. д. №.30.
1907.

А. Л. Бертье-Делагардъ.

A. L. Bert'e-Delagard

Къ Исторіи Христіанства въ Крыму

МНИМОЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ.

ОДЕССА
Типографія С. Мерка, бывш. А. Шульце, Ланжероновская ул., д. № 30.
1908.

Slav 3260.4

MAY 15 1916

The Public Library
Odessa, Russia

Отдѣльный оттискъ изъ XXVIII тома „Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“.

Печатано по постановленію ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ А. Л. Бертье-Делагардъ.
Секретарь А. А. Павловскій.

PRESERVATION MASTER
AT HARVARD

Исторія христіанства въ Крыму весьма близко соприкасается съ исторіею не только этой страны, но и всей Россіи, этимъ самымъ представляя особое значеніе для каждаго изъ насъ. Думали объ этой исторіи и даже намѣчали ея главныя черты издавна, со времени покоренія Крыма, но только трудами нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ послѣдняго времени, хотя и не имѣвшихъ въ виду именно эту исторію, начинаютъ съ достаточною отчетливостью вырисовываться нѣкоторые ея моменты, для полноты же картины еще не достаетъ многаго. Понадобится не мало изслѣдованій по совершенно частнымъ и мелочнымъ вопросамъ; еще болѣе окажется необходимымъ провѣрить уже рѣшенное, при чемъ не мало высказаннаго, какъ простая догадка, но отъ частаго повторенія кажущагося истиною, будетъ отвергнуто; едва-ли многое уцѣлѣетъ изъ положеній, нынѣ признаваемыхъ несомнѣнными, но загромождающихъ лишь путь дальнѣйшему изслѣдованію.

Настоящая статья, вызванная всего болѣе давними воспоминаніями и влеченіемъ автора, изслѣдуетъ мельчайшій вопросъ, прикосновенный къ исторіи христіанства въ Крыму, но сдѣланная въ ней нѣкоторая очистка принятаго, а затѣмъ и сопоставленіе иныхъ, положительныхъ данныхъ, можетъ быть, окажутся не совсѣмъ безполезными, когда настанетъ время писать дѣйствительную исторію церкви и жизни въ ней народовъ, населявшихъ Крымъ.

Вымыселъ и дѣйствительность

въ исторіи

Георгіевскаго Балаклавскаго

монастыря.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Севастополя, на верху высокаго скалистаго обрыва берега къ морю, устроился Георгіевскій монастырь, называемый, по имени сосѣдняго городка, Балаклавскимъ. Каждый, посѣщающій Крымъ, считаетъ неизбѣжнымъ дѣломъ побывать въ этомъ глухомъ уголкѣ, вынося оттуда неизгладимыя впечатлѣнія, навѣянныя рѣдкою прелестью видовъ природы и самой обители.

Наиболѣе далекія и яркія воспоминанія моего дѣтства связаны съ этимъ монастыремъ. Я хорошо его помню еще до Крымской войны; помню добросердечнаго, древняго старца митрополита Агаоангела, управлявшаго монастыремъ; помню многочисленныхъ монаховъ, охотно провожавшихъ или носившихъ меня на рукахъ, подъ сводомъ прохода въ монастырь; помню, какъ я всегда просилъ тутъ остановиться, чтобы полюбоваться едва ли не единственнымъ въ Россіи по красотѣ видомъ моря, скалъ и монастыря; помню то особое, не передаваемое словомъ, впечатлѣніе красоты уединенія, господствовавшаго въ обители. При воспоминаніи теперь всего этого, мнѣ кажется, что тамъ доподлинно могъ бы быть «на земли миръ».

Прошли многіе годы, я вновь сталъ часто посѣщать монастырь и сознавалъ перемѣну не только въ себѣ, но чувствовалъ, что и въ монастырѣ дѣло уже не то: дивную красоту вида испортили, загородивъ сводъ прохода нелѣпой постройкой; монаховъ было мало, да и глядѣли они иначе; появился элементъ совсѣмъ особенный, прежде не бывалый, шумный, пріѣзжіе, а съ ними не мало и всяческаго нестроенія. Все это портило мои старыя впечатлѣнія, хотя къ нимъ и прибавлялись иныя, тоже имѣющія свою прелесть для меня. Занявшись археологіею и исторіею родного Крыма, я прилагалъ свои занятія и къ нашему монастырю, старательно изслѣдовалъ и зналъ и его самого, и все про него писанное. Не могъ я и тогда уже не чувствовать, что темная туча бульварной цивилизаціи надвигается и грозитъ затопить всю прелесть тихой обители, но не думалъ дожить до этого.

Затѣмъ опять пришлось два, три года не бывать въ монастырѣ и вотъ, къ моему несказанному изумленію, читаю гдѣ-то въ газетѣ, что Георгіевскій монастырь собирается праздновать ни много, ни мало, какъ тысячелѣтіе своего существованія, что въ немъ сдѣланы какія-то необычайныя находки древней церкви и многое еще въ такомъ же родѣ. Каюсь, прежде всего я подумалъ, что это просто балуетъ какой-нибудь газетный шутникъ, но вскорѣ оказалось, что тутъ не до шутокъ, а тысячелѣтіе и разныя исторіи и открытія выдаются за нѣчто совершенно точное и несомнѣнное. Удосужившись, наконецъ, въ 1891 году, передъ самымъ празднованіемъ тысячелѣтія, поѣхать посмотрѣть, что дѣлается въ монастырѣ, увидѣлъ тамъ нѣкоего господина, который, будучи въ одеждѣ послушника, назвалъ себя газетнымъ корреспондентомъ. Я понялъ тогда, что вѣками сберегаемая красота обители пускается въ оборотъ, и мнѣ это показалось безмѣрно досаднымъ; думалось тутъ же писать обо всемъ этомъ, но меня удержало разсужденіе плотника, работавшаго въ монастырѣ, котораго я тогда же встрѣтилъ и попросилъ показать, гдѣ найти вновь открытую древнюю церковь. Этого милый человѣкъ не зналъ, но зато взялся показать мнѣ крестъ, тотъ самый, что, «сказываютъ, еще раньше самого Христа тутъ поставленъ», и показалъ. Этотъ случай меня успокоилъ; я подумалъ, что всяческіе вымыслы не особенно опасны, пока жива такая безпредѣльно-наивная вѣра, смутить которую никто не пожелаетъ, а потому и рѣшилъ помолчать, пока все успокоится и затихнетъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, давно истекла земская давность; всякія празднества кончились и забылись, всѣ вымыслы признаются непреложною истиной, цивилизація въ полномъ ходу и даже случилось прочесть, что не то подлѣ монастыря, не то въ немъ самомъ, собираются курортъ устроить, вѣроятно, со всѣми новѣйшими прелестями и усовершенствованіями. Послѣ этого можно, кажется, безъ соблазна сказать и нѣсколько словъ правды; не многіе ее прочтутъ, еще менѣе найдется охотниковъ ей повѣрить, ибо вымыселъ много занятнѣе, зато тѣмъ, кто не понимаетъ красоты безъ правды, старый монастырь, очищенный отъ вымысловъ, покажется, быть можетъ, въ его быломъ видѣ. Пусть же это историко-археологическое изслѣдованіе и будетъ благодарнымъ приношеніемъ моей старости красотѣ и правдѣ Георгіевскаго монастыря моего дѣтства.

Вымыслы.

I.

Георгіевскій монастырь старая, даже, пожалуй, древняя обитель; это мы чувствовали давно, но никогда ничего точнаго въ этомъ вопросѣ не знали, не знаемъ и теперь. Почитая вообще старость монастыря, можно бы праздновать память его основанія, когда угодно и какъ угодно; ничто не мѣшаетъ, въ общемъ смыслѣ, считать ему пятьсотъ, тысячу и даже двѣ тысячи лѣтъ, если послушать монастырскаго плотника. Празднованіе въ такихъ условіяхъ имѣло бы просто значеніе наивнаго, но добросердечнаго почитанія неопредѣленно большой древности; не основанное на историческихъ изслѣдованіяхъ, оно не могло и подлежать исторической критикѣ. Не то было сдѣлано въ нашемъ монастырѣ; время его основанія опредѣлилось, какъ исторически-точно извѣстное событіе, происшедшее именно въ 891 году, а тысячелѣтіе считалось и праздновалось дѣйствительное, не просто почетное; значитъ къ этому случаю, не только можно, но и должно отнестись, какъ и ко всякому историческому событію, съ требованіемъ доказательствъ и съ ихъ критикой. Въ этомъ смыслѣ я и разсмотрю все касающееся этого вопроса.

Опредѣленное тысячелѣтіе существованія какого-либо монастыря дѣло рѣдкое, а въ Россіи (кромѣ Кавказа) даже и вовсе неимовѣрное. Долго владѣемъ мы Крымомъ, исписали о немъ уйму книгъ, но о тысячелѣтіи Георгіевскаго монастыря въ опредѣленномъ, точномъ смыслѣ этого слова, никто изъ сколько-нибудь освѣдомленныхъ писателей ничего и никогда не говорилъ. Не возможно указывать не говорившихъ, пришлось бы перечислить почти всѣхъ писавшихъ. Вспомню лишь одного архіепископа, который указываетъ на большую древность Бахчисарайскаго Успенскаго монастыря и церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи, но ни слова не говоритъ онъ о Георгіевскомъ монастырѣ и его чу-

дотворной иконѣ, а уже, конечно, не этотъ архипастырь и ученый могъ упустить что-либо подобное, изслѣдуя и описывая древніе храмы и монастыри своей епархіи; если же имъ этого не было сдѣлано, то значитъ, для нашего монастыря не нашлось никакого основанія замолвить о немъ слово [1]). Что же такое случилось, вдругъ, въ 1891 году? Можно подумать, что были открыты какіе-нибудь новые источники, древніе надписи, документы, да иначе, казалось бы, и быть не могло въ такомъ чисто историко-археологическомъ вопросѣ. Но оказывается, что ничего ровно не было найдено или открыто, и просто произошло какое-то недоразумѣніе, что ли, не знаю уже какъ и выразиться, о такомъ изумительномъ дѣлѣ.

По поводу празднованія тысячелѣтія нашего монастыря издано нѣсколько брошюръ и написано очень много газетныхъ статей. Всѣ онѣ, въ существѣ, повторяютъ одно и тоже, а потому разсмотрю только главнѣйшія. Начну съ маленькой книжечки открывшей походъ [2]). Тамъ, на 4-ой страницѣ, съ большими подробностями расказывается, какъ именно основался Георгіевскій монастырь въ 891 году, и даже сдѣлана ссылка на источники, будто бы удостовѣряющіе такое событіе. Сколько-нибудь знакомому съ литературой о Крымѣ не трудно однако замѣтить, что не только это мѣсто, но и вся брошюрка о. игумена не что иное, какъ сокращенная перепечатка описанія Георгіевскаго монастыря, сдѣланнаго Ливановымъ много лѣтъ передъ тѣмъ [3]).

Этимъ послѣднимъ издано нѣсколько описаній разныхъ древнихъ мѣстностей въ Крыму; всѣ они, по внѣшности съ большими претензіями на историческую достовѣрность и съ обширными ссылками на якобы источники, въ дѣйствительности ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ изданій для путешествующихъ по Крыму, переполненныхъ тѣми праздными вымыслами, которымъ нѣтъ предѣла не только въ исторической правдѣ, но даже и въ простомъ здравомъ смыслѣ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что въ столь рѣдкомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе тысячелѣтія, не попробовали провѣрить Ливанова, хотя первичный источникъ всего наговореннаго имъ находился подъ руками у монастыря и не могъ оста-

[1]) **Гавріилъ, арх. Херс. и Тавр., Хронолого-истор. опис. церк. епар. Херс. и Тавр. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. II, 197—198.**

[2]) **Никандръ, игуменъ, Тысячелѣтіе Георгіевскаго Балаклавскаго монаст., Севаст. 1891 г. (Перепеч. изъ „Крымскаго Вѣстн" № № 51, 52 того же года).**

[3]) **Ливановъ, Георгіевскій монастырь въ Крыму., 1-ое изд. Москва 1874 и 1875 г. (измѣн. только обложка); 2-ое изд. Петерб. 1891 г. Надо, впрочемъ, правду сказать, изумительная вздорность новѣйшихъ писаній (напр. Протопоповъ, Георгіевскій монастырь въ Крыму, 1905 г.) превзошла даже и Ливанова съ Никономъ и Никандромъ.**

ваться ему неизвѣстнымъ, какъ увидимъ далѣе. Такъ вотъ, на стр. 14-ой (I-е изд.) и 18-ой (2-ое изд.), у Ливанова находится весь разсказъ объ основаніи монастыря, съ указаніемъ тѣхъ же источниковъ, сдѣланнымъ точно въ такомъ видѣ: «*Истор. Сестренцевича, ч. I, стр. 26 и Описаніе Таврической епархіи М. Родіонова стр. 215*». Къ нимъ мы и обратимся.

Сестренцевичъ-Богушъ, сочиненіе котораго долго служило и служитъ еще и до сихъ поръ обычнымъ источникомъ всевозможнаго баснословія по исторіи Крыма, оказывается въ настоящемъ случаѣ, къ немалому моему изумленію, вполнѣ неповиннымъ и не только на указываемомъ мѣстѣ, но и нигдѣ не говоритъ ни слова объ основаніи Георгіевскаго монастыря [1]); на стр. же 26 имъ сдѣлано только географическое замѣчаніе такого рода: «*Мысъ св. Георгія (нѣкогда Парѳеніонъ, Карлюсъ, Козофаръ, Чифуросъ, Уретъ), извѣстный славнымъ въ древности храмомъ Діанинымъ*». Для немногихъ, думается, приходится прибавить, что этотъ совершенно нелѣпый наборъ собственныхъ именъ, не только къ Георгіевскому монастырю, но и ни къ чему не прилагавшійся, никакого отношенія не имѣетъ къ вопросу о времени основанія монастыря. Итакъ, Ливановъ приплелъ Сестренцевича такъ себѣ, только для украшенія, надо думать, полагая, что однимъ вымысломъ болѣе или менѣе для этого писателя, не видно и не обидно.

У о. Родіонова дѣло обстоитъ иначе и на указанной страницѣ имѣется весь разсказъ, но источника, откуда онъ взятъ, никакого не указано, а просто говорится «*гласитъ преданіе такое*», а съ преданіемъ, какъ думаютъ сочинители книгъ для путешественниковъ по Крыму, нечего стѣсняться, а, стало быть, ему можно приписать все, что угодно, да и самому выдумать преданіе, все цѣликомъ, стало почитаться не только не зазорнымъ, но и довлѣющимъ [2]). О. Родіоновъ, впрочемъ, самъ ничего не выдумалъ, а только не безъ основанія, какъ увидимъ далѣе, постѣснился указать источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свой разсказъ буква въ букву. Найти этотъ источникъ не хитрое дѣло. Это ни что иное, какъ брошюра тоже настоятеля того же Георгіевскаго монастыря, архимандрита Никона, напечатанная еще въ 1862 г. [3]) Въ этомъ изумительномъ произведеніи, на стр. 7-ой, впервые изло-

---

[1]) Сестренцевичъ-Богушъ, Исторія о Тавріи, Спб., 1806, т. I, 26; это переводъ съ перваго франц. изд., Hist de la Tauride, Brunsw., 1800.

[2]) Родіоновъ, Статистико-хронологико-историческое описаніе Таврической епархіи, Симферополь, 1872, стр. 15.

[3]) Никонъ, архимандр., Балаклавскій первоклассный монастырь, Черниговъ, 1862. (Былъ настоятелемъ монастыря съ 1860 по 1867 годъ).

женъ всѣми повторяемый разсказъ объ основаніи Георгіевскаго монастыря тысячу лѣтъ тому назадъ; этотъ разсказъ я и приведу цѣликомъ, во всей его неприкосновенной прелести:

«Объ основаніи Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря есть преданіе, гласящее изъ рода въ родъ, что крымскіе греки, имѣя коммерческій промыслъ, во время плаванія по Черному морю, бывъ настигнуты страшною бурею и гонимы волнами къ отторженнымъ отъ гряды горъ чудовищнымъ камнямъ, видя свою неизбѣжную погибель, вопіяли объ избавленіи къ великомученику побѣдоносцу Георгію, и онъ услышалъ вопль ихъ сердечный, явился на большомъ камнѣ, отстоящемъ отъ берега въ десяти саженяхъ, и буря въ тотъ же часъ утихла. Греки погибавшіе, бывъ отъ погибели спасены покровительствомъ великомученика, взяли икону съ камня и, въ знакъ благодарности, близь того самаго мѣста, гдѣ погибали, устроили въ скалѣ, гдѣ нынѣ Георгіевская церковь, съ благословенія скиѳскаго епископа Ветранія, зависѣвшаго отъ патріарха (около 891 года), пещерную церковь и поставили чудотворную икону; болѣе другихъ набожные стали жить при храмѣ постоянно и положили основаніе обители»

Вотъ этотъ именно разсказъ точно перепечатанъ о. Родіоновымъ и, съ нѣкоторыми отмѣнами, Ливановымъ, не безъ основанія нашедшимъ, что преданіе сочинено неудачно; послѣдній исправилъ нѣсколько стиль, сгладилъ кое-какія грубыя противорѣчія, дополнилъ и приспособилъ разсказъ къ своимъ собственнымъ, болѣе широкимъ измышленіямъ. Онъже выпустилъ и стыдливое указаніе на преданіе, прямо говоря «*какъ повѣствуютъ*», и тутъ же придумалъ ссылку на вышеуказанные источники, чтобы невѣжественной выдумкѣ придать видъ прочно обоснованнаго историческаго событія, справедливо, какъ оказывается, разсчитывая, что никто источниковъ повѣрять не станетъ.

Нужно ли говорить, что не только подобнаго преданія, но и какого бы то ни было объ основаніи нашего монастыря никто никогда не слыхивалъ; ссылаюсь не только на безусловно всю обширнѣйшую литературу о Крымѣ, гдѣ не сыщется даже и намека на что-либо подобное, но и на разслѣдованіе, произведенное по приказу Святѣйшаго Синода, о чемъ скажу далѣе. Стало быть, настоящее преданіе не «*гласило изъ рода въ родъ*», а было выдумано единолично самимъ арх. Никономъ. И, странное дѣло, всѣ перепечатывали этотъ разсказъ, но никто не рѣшался указать истиннаго автора глубокомысленнаго измышленія.

Обращаясь къ существу самого якобы преданія, даже свѣтскій читатель съ совершеннымъ, думаю, изумленіемъ, услышитъ, что монастырь, бывшій всего въ двѣнадцати верстахъ отъ своего епархіальнаго города Херсонеса, основывается съ благословенія не своего епископа, а чужого, да еще и какого, скиѳскаго, пребывавшаго въ городѣ Томи (нынѣ Анадолъ-кой, деревня близъ Кюстенджи), южнѣе устьевъ Дуная. До этого епископа, въ тѣ времена, не скоро добрались бы потерпѣвшіе крушеніе, но, и добравшись, были бы повергнуты въ немалое изумленіе, когда бы этимъ не только несчастнымъ, но и грубо невѣжественнымъ людямъ, на просьбу о благословеніи епископомъ Ветраніемъ отвѣтили, что не только такого епископа, но и самой епархіи не имѣется; такая епархія была и такой епископъ точно существовалъ когда-то въ епархіи, но было это еще при императорѣ Валентѣ, царствовавшемъ между 364 и 378 годами, а, слѣдовательно, въ 891 году благословеніе можетъ быть дано имъ только изъ могилы, въ которой епископъ Ветраній покоится уже болѣе пятисотъ лѣтъ. Да и изъ могилы этого нельзя сдѣлать, потому что никакой іерархъ не можетъ благословить построеніе храма въ чужой епархіи, ибо такое обстоятельство предусмотрѣно и возбраняется церковными постановленіями, понынѣ существующими и дѣйствующими, хотя и забытыми авторомъ вымысла о тысячелѣтіи и его послѣдователями [1]). Хороши крымскіе греки, которые не знали, что у нихъ въ самомъ Крыму есть нѣсколько епархій, и въ поиски за епископомъ отправились къ устьямъ Дуная, для чего, конечно, проѣхали черезъ Херсонесъ, сосѣдній съ мѣстомъ совершившагося чуда епархіальный городъ, но тамъ епископа не примѣтили.

Кажется, нѣтъ надобности прибавлять, что и въ житіяхъ св. Георгія также нѣтъ ни малѣйшаго намека на возможность подобнаго разсказа.

О мелкихъ несообразностяхъ этого мнимаго преданія я умалчиваю. Довольно и сказаннаго, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ и разсказъ, и его сочинителя. Трудно придумать что либо злосчастнѣе этого измышленія, но его подкладка еще хуже.

Архимандритъ Никонъ хотя и говоритъ, что разсказъ основанъ на преданіи, но указываетъ также, откуда онъ почерпнулъ это преданіе, и вотъ тутъ дѣло перестаетъ быть только смѣшнымъ. Такимъ источникомъ указана «*Истор. Р. Іерар. 1827 г. стр. 479*». Это сочиненіе, на-

---

[1]) 2-ое правило 2-го и 8-ое прав. 3-го вселенскихъ соборовъ: «**дабы никто изъ епископовъ не простиралъ власти на чужую епархію**».

писанное ученѣйшими нашими архипастырями, до сихъ поръ не потеряло своего значенія [1]); найти его, однако, не легко, и я, не видя самого сочиненія, долго ломалъ себѣ голову, стараясь додуматься, какъ могли столь крупные ученые и церковные писатели сочинить что-либо, хотя издали, подобное по нелѣпости вышеприведенному разсказу. Когда мнѣ, наконецъ, попалось въ руки сочиненіе епископа Амвросія, то я увидѣлъ нѣчто такое, послѣ чего затрудняюсь даже и описать поступокъ изобрѣтателя тысячелѣтія. Для начала замѣчу, что самъ Амвросій въ общей части своего труда (I-е изд.) ни словомъ не упоминаетъ о Георгіевскомъ монастырѣ, который имъ указанъ только въ простомъ перечнѣ всѣхъ монастырей. Здѣсь онъ названъ даже дважды,—подъ именемъ Балаклавскаго Георгіевскаго и подъ именемъ Георгіевскаго греческаго [2]). Видимо, ученые авторы не подозрѣвали, что эти оба названія относятся къ одному и тому же монастырю. Сказанное ими привожу въ приложеніи; это, съ небольшой прибавкой вначалѣ, дословная перепечатка изъ перваго путешествія Сумарокова (приложеніе XI). Разумѣется, о времени основанія монастыря во всемъ этомъ нѣтъ и намека. Затѣмъ, въ 1827 году, въ Кіевѣ, начало выходить вторымъ изданіемъ то же сочиненіе Амвросія съ большими прибавленіями, а въ ихъ числѣ и все то мѣсто, на которое ссылается арх. Никонъ. Эти прибавленія сдѣланы митрополитомъ Евгеніемъ, знаменитымъ ученымъ іерархомъ (Болховитиновъ, 1767—1837, съ 1822 г. митропол. Кіевскій), принимавшимъ большое участіе въ составленіи и перваго изданія [3]). Указанную страницу и слѣдующую этого изданія сочиненія Амвросія, точнѣе сказать митр. Евгенія, перепечатываю сполна, въ XVII приложеніи, здѣсь-же разскажу ихъ сущность. Ни въ этомъ мѣстѣ, ни въ какомъ либо иномъ указаннаго изданія ни единымъ словомъ, ни просто именемъ, ни же намекомъ не упоминается о Георгіевскомъ монастырѣ, хотя далѣе и сказано о древнихъ крымскихъ епархіяхъ. Въ приводимомъ мѣстѣ авторъ говоритъ лишь о скиѳской епархіи, указываетъ, гдѣ она была (въ Томи), называетъ единственнаго извѣстнаго ему по имени ея епископа (Ветранія), замѣчаетъ, что онъ жилъ во время

---

[1]) Амвросій (Ореатскій), Исторія Россійской іерархіи, Кіевъ, 1827 г., 2-ое изд. т. I; приложеніе XVII.

[2]) Въ 1-мъ изд. (1807—1815 г.) т. II, стр. CXL и т. III, стр. 23, 343 и 688—689 приложеніе XVI.

[3]) Уже и въ немъ все касающееся, исторіи монастырей, составлено Евгеніемъ Болховитиновымъ, (см. Сборн. ст. чит. въ отд. русск. яз. Академ. Н., т. V. вып. I., Въ память митр. Евгенія, стр. 22, 44., указ. 13 и 14); да и весь трудъ главнымъ образомъ принадлежитъ ему-же. Большее значеніе самому Амвросію отводитъ А. А. Титовъ (см Зам. о жизни преосв. Амвросія, 4—5. отд. отт. изъ Душеполезн. Чтенія, 1905, № 5).

царствованія императора Валента, наконецъ, прибавляетъ, что *«въ росписи епархій, составленной импер. Львомъ около 891 года, степень скиѳской епархіи показана второю»*; больше ничего.

Все это изложеніе не достаточно подробно и полно, но правильно и основано на достовѣрныхъ источникахъ. Какъ бы то ни было, скиѳская епархія, находясь, по вѣрнымъ словамъ автора, около устьевъ Дуная, ни малѣйшаго отношенія не имѣла къ Крыму вообще, а тѣмъ болѣе въ частности къ Георгіевскому монастырю какъ, по отдаленности, такъ и потому, что въ Крыму были свои епархіи, которыя и описываются авторомъ вслѣдъ за скиѳской: Херсонская и Сурожская [1]).

Въ этой самой росписи, будто бы времени импер. Льва (886—911), на которую ссылается «*Ист. Рос. Іерарх.*», показаны въ Крыму не только эти двѣ епархіи, а пять: Херсонская, Воспорская, Готская, Сугдейская и Фульская; степени ихъ 16, 29, 34, 35 и 36. Самъ Евгеній, въ письмѣ къ неизвѣстному лицу, время этой росписи опредѣляетъ еще болѣе условно и примѣрно: *«якобы при Львѣ, около 891 года»*. Она позже времени Льва [2]). Но дѣло, впрочемъ, совсѣмъ не въ томъ, и между этими росписями и нашимъ монастыремъ не только нѣтъ какого-либо соотношенія, но и выдумать таковое, казалось бы, невозможнымъ. И, однако, именно отсюда, изъ столь яснаго изложенія, приплетенъ изумительный 891 годъ, якобы годъ основанія монастыря. Для такой догадки недостаточно одной простоты, а приписываніе ея высокоученымъ іерархамъ, къ тому же покойнымъ.—поступокъ, не легко называемый. Хорошо для автора преданія, что Амвросія уже не было въ живыхъ; грозный архипастырь, самъ про себя говорившій, что онъ *«въ экономіи Божіей укусъ*, не спустилъ бы приписыванія ему небылицъ. Во всякомъ случаѣ, епископъ Амвросій, а тѣмъ болѣе митрополитъ Евгеній—не Сестренцевичъ, и взваливать на нихъ крымскія выдумки по малой мѣрѣ не простительно [3]).

---

[1]) Амвросій, Истор. Рос. Іер., 2-е изд., 480—487

[2]) См. выше указан. Сборн. Академ. Н. т. V, вып., I, стр. 63. Это тѣ самыя росписи, что напечатаны у Parthey (Hierocilis synecdemus et Notit. episc.) подъ № I и II; первая для Скиѳской епархіи, вторая для прочихъ; теперь время составленія послѣдней считаютъ въ концѣ XII вѣка, а не при Львѣ Мудромъ. Ср. Васильевскій, Русск. Виз. Изслѣд. Вып. II, CCII и De Boore, Nachträge z. d. Not. Episcop., 316—318.

[3]) Подробности объ Амвросіи (1778—1827) и его сочиненіи: Титовъ, Записки о жизни преосвяб. Амвросія; Венгеровъ, Крит. Біогр. словарь, т. I, 485—491. Хотя здѣсь и не мѣсто, не могу, однако, не замѣтить, что ученые авторы „Ист. Рос. Іер“. сказали о скиѳской епархіи не много. Еще и Le Quien (Oriens christianus, I. 1212—1216. Provinc. Scyth., Ecclesia Tomorum, Paris 1760) зналъ въ ней не одного, а двѣнадцать епископовъ, доведя ихъ до половины VI вѣка; изъ нихъ вышеупомянутый Ветраній считается четвертымъ. О немъ находятся немногія свѣдѣнія у Ермія Созомена (Migne Patrologiae curs. compl., T. LXVIII, 1343—46, l. VI, cap. 21), гдѣ онъ названъ Ветраній (Vetranio) въ латинскомъ текстѣ и Бретаній (Βρεταν(ων) въ греческомъ, и у Ѳеодорита (Ист. церкви,

Послѣ сдѣланныхъ объясненій понятно будетъ, почему о. Родіоновъ постѣснился указать источникъ приводимаго имъ преданія. но ему слѣдовало бы остеречься и вовсе не перепечатывать явно нелѣпый и выдуманный разсказъ, чѣмъ и было бы уменьшено его распространеніе, а не придавать ему своимъ именемъ большаго значенія. Невѣроятно, чтобы Ливановъ, а особенно монастырь не знали брошюры одного изъ настоятелей монастыря; трудно допустить, чтобы вся грубость вымысла этой брошюры не была имъ понятна, а въ такомъ случаѣ слѣдовало провѣрить разсказъ, хотя бы заглянувъ въ указываемый источникъ, въ ученый трудъ Амвросія, послѣ чего стало бы несомнѣннымъ, что мнимое преданіе объ основаніи монастыря нѣчто худшее, чѣмъ простой вымыселъ, и что о немъ всего лучше молчать, а не пускать его въ обращеніе. Многіе знали десятки лѣтъ эту выдумку, но не считали возможнымъ и стоющимъ даже опровергать ее, чтобы не возбуждать къ ней вниманія; нельзя не пожалѣть, что примѣру золотого молчанія не послѣдовали и представители монастыря.

Къ вопросу о времени основанія монастыря я еще вернусь далѣе, а пока прибавлю, что только годомъ ранѣе появленія вымысла арх. Никона другой почтенный духовный писатель (нарочно избираю таковаго), превосходно знавшій Георгіевскій монастырь, пересмотрѣвши архивные документы, говоритъ такъ: «о началѣ Георгіевскаго монастыря, который, безъ сомнѣнія, есть древняя обитель, возбужденъ былъ вопросъ во время управленія имъ (1794 г.) греческаго архіепископа (Реондажскаго) Игнатія»[1]); несмотря на всѣ старанія узнать, «кѣмъ монастырь заведенъ», ничего изъ этого не вышло и «что дознано, неизвѣстно».

тамъ-же, Т. LXXXII, 1193—95, l. IV. cap. 31), называющаго его Бретаній (Bretanio) въ латинскомъ и греческомъ *Βρετανία*, но въ одномъ изъ списковъ есть и Ветраній *Βετρανίωνι*. Несомнѣнно, что у обоихъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же епископѣ, за святость жизни и особенно за обличеніе аріанствовавшаго императора причтенномъ къ лику святыхъ. Ветраній—современникъ императора Валента; точнѣе время его жизни не извѣстно; въ нашихъ мѣсяцесловахъ его смерть показывается въ 377 и 380 г., въ католическихъ въ 380 г, сами отцы церкви, писавшіе о немъ, Созоменъ около 444 г. и Ѳеодоритъ около 449 г., умерли въ 450 и 457 годахъ. (Филаретъ. Истор. ученіе объ отцахъ церкви, III. 127 и 7; Латышевъ, Извѣст. древн. писат. I, 1756 и 772; Лебедевъ, Церковная Исторіогр., 103—104, 192—194). Замѣчательно, что этотъ святой дважды поминается нашей церковью, раздѣльно подъ обоими именами: Ветранъ, епископъ Малой Скиѳіи, 20-го апрѣля, Британній, епископъ Томской, въ Скиѳіи. 25-го января; въ этотъ послѣдній день ему празднуетъ и латинская церковь. (Косоласовъ, Мѣсяцесловъ Православной церкви, 2 изд. 1880 г., 186 и 55, 699 и 694; Le Quien, op. c., 1213; Mas Latrie, Tresore de chronologie, 693, 906). Несмотря на двойное празднованіе и такія ясныя указанія времени его житія, монастырскіе настоятели заставили этого епископа жить, вмѣсто IV вѣка, въ IX и даже точно въ 891 году. Скиѳская митрополія была весьма обширна, ея наибольшій городъ, Томи, стоялъ во главѣ 15 другихъ епископскихъ городовъ, она еще показана въ спискахъ VII и VIII вѣка (Parthey, Notit. graecae episcopatum, Berl. 1866, not. VII, 152; de Boer, Nachträge z. d. Not. Episc., Gotha, 1891, 679.)

[1]) Лебединцевъ, прот., О Ѳеодосійской викарной епархіи, Херс. епарх. вѣд., 1861 г. № 1, стр. 47.

Авторъ этихъ словъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть о преданіи, если бы только таковое существовало. О. Лебединцевъ, повидимому, не зналъ, кѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о началѣ монастыря, и не могъ видѣть всѣ относящіяся къ этому дознанію документы, но мнѣ привелось прочесть все дѣло изъ архива Святѣйшаго Синода, и, такъ какъ въ немъ находятся вполнѣ достовѣрные и любопытные документы, то я и разскажу подробно обо всемъ, что можно извлечь изъ нихъ [1]).

Въ сентябрѣ 1793 года Святѣйшій Синодъ потребовалъ отъ викарнаго епископа Ѳеодосійскаго (жившаго тогда въ Старомъ Крыму) подробнѣйшихъ свѣдѣній о церквахъ и монастыряхъ его епархіи (ихъ мѣстоположеніе, когда устроены, кто настоятель, число монаховъ, какія недвижимыя имѣнія и средства содержанія). Преосвященный Ѳеодосійскій Іовъ (впослѣдствіи Екатеринославскій), посылая нарочныхъ, старательно собиралъ всѣ требуемыя свѣдѣнія и представилъ Святѣйшему Синоду 3-го ноября того-же года двѣ вѣдомости: первую о нашемъ монастырѣ (единственномъ тогда въ епархіи), по ея значенію, привожу цѣликомъ въ VII приложеніи. О времени основанія монастыря въ ней говорится: «когда и кѣмъ заведенъ, надписей и записокъ не сыскано, и никто изъ монашествующихъ о томъ не знаетъ». Вотъ, кажется, былъ случай высказать всѣ преданія, особенно если вспомнить, что въ то время еще былъ живъ, бодръ и крѣпокъ старецъ, отшельникъ Каллиникъ, уже и тогда болѣе 80 лѣтъ подвизавшійся въ нашемъ монастырѣ [2]). Однако, какъ видимъ, никакого преданія не нашлось, а измышлять что-либо тогда, въ такомъ дѣлѣ, не рѣшались. Святѣйшій Синодъ отвѣтомъ Іова не удовлетворился и вновь поручилъ ему «приложить свое стараніе развѣдать о семъ (т. е. о времени устроенія монастыря) отъ грековъ, переселившихся изъ Крыма». Іовъ еще разъ старался узнать, что можно, при посредствѣ маріупольскаго благочиннаго Трифилія Карацоглу и игумена нашего монастыря Анѳима, даже посылалъ нарочнаго въ Маріуполь, но и въ этотъ разъ оказалось «яко никто изъ грековъ не знаетъ» [3]). Затѣмъ, Іову удалось узнать, что о

---

[1]) Дѣло 1794 года, подъ № 41. „О состоящемъ въ Ѳеодосійской епархіи пушеемъ балаклавскомъ монастырѣ". Это дѣло рѣшительно всѣмъ, начиная съ Амвросія и понынѣ, остается вполнѣ неизвѣстнымъ; я могъ его найти, благодаря косвеннымъ намекамъ, сохранившимся въ копіяхъ нѣкоторыхъ документовъ. въ „Сборникѣ архіеп. Гавріила", хранящемся въ библіотекѣ Од. Об. Ист. и Др.

[2]) См. приложеніе XXXVII, ст. Чернявскаго Каллиникъ скончался, 116 лѣтъ отъ роду, только въ 1808 году.

[3]) Донесеніе 6-го октября 1794 года, № 409, въ томъ же дѣлѣ. Благочинный Трифилій, тотъ самый, который былъ экономомъ и правою рукою послѣдняго митрополита Готѳейскаго и Кефайскаго Игнатія (умершаго въ 1786 г.) еще въ Крыму и вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ въ Маріуполь.

монастырѣ заботится правитель Таврической области, сдѣлавшій даже и планъ монастыря, [1]) но справки Іова, обращенныя въ эту сторону, тоже ни къ чему не привели; правитель области отвѣтилъ, что о времени сооруженія монастыря точныхъ свѣдѣній не имѣется, а есть надпись, будто бы 1175 года, на то указывающая, найденная Игнатіемъ, архіеп. Реонтскимъ (или, какъ говорили въ монастырѣ,—Реондажскимъ), получившимъ въ управленіе нашъ монастырь въ 1794 году. Тогда Іовъ послалъ нарочнаго въ монастырь сдѣлать копію надписи и представилъ ее тогда же Святѣйшему Синоду; объ этой надписи рѣчь будетъ ниже, пока скажу, что она надмогильная, конца восемнадцатаго вѣка, и никакого отношенія ко времени основанія монастыря не имѣетъ. Весь этотъ розыскъ, Святѣйшій Синодъ постановилъ хранить для историческаго описанія монастыря, но все-же дѣла на этомъ не кончилъ, а указалъ собрать свѣдѣнія о ризницѣ, образахъ и прочихъ вещахъ, бывшихъ въ монастырѣ; что дознано по этой части, скажу далѣе.

Итакъ, мы видимъ, что долгое (продолжалось два года), тщательное изслѣдованіе, сдѣланное повсюду, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, съ опросомъ стариковъ, знавшихъ монастырь за три четверти вѣка до русскихъ, не привело ни къ чему опредѣленному и ничего не выяснило, не обнаружило никакого достовѣрнаго или даже сомнительнаго преданія, разсказа; оно осталось лишь образцомъ тщательности и осторожности, съ которыми приступали къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ въ былое время. Къ сожалѣнію, мы не сумѣли воспользоваться ни примѣромъ осторожности, показанной Святѣйшимъ Синодомъ, ни документами, имъ своевременно и предусмотрительно собранными. Исторію монастыря стали сочинять на мѣстѣ, отъ скуднаго разума, а затѣмъ оказалось достаточнымъ простой нелѣпой выдумки, переполненной явными несообразностями, чтобы, безъ малѣйшей ея провѣрки или обсужденія, прямо признать и праздновать тысячелѣтіе монастыря.

II.

Взявшись очистить исторію монастыря отъ небылицъ, нельзя ограничиться разборомъ только мнимаго тысячелѣтія, приходится пересмотрѣть и многое другое, при чемъ разумѣется, я не буду подробно останавливаться на мелкихъ ошибкахъ; самое большее, что укажу ихъ при случаѣ.

---

[1]) Слѣдовало бы поискать этотъ планъ въ архивахъ Симферополя. Правителемъ области въ ту пору былъ Жегулинъ (1788—1797).

Въ приведенномъ выше разсказѣ объ основаніи Георгіевскаго монастыря, а вслѣдъ за нимъ и въ брошюрѣ арх. Никона говорится, что спасенные мореходы обрѣли икону великомученика Георгія на камнѣ, лежащемъ въ морѣ передъ монастыремъ, и что эта чудотворная икона именно та самая, которую впослѣдствіи увезли въ Маріуполь въ 1779 году. Авторъ не усомнился даже прибавить, будто и чудотворная икона Божіей Матери увезена тогда-же, тоже изъ Георгіевскаго монастыря, такъ что «обстоятельства времени лишили обитель двухъ небесныхъ драгоцѣнностей» [1]). И въ этомъ онъ опять ссылается на ту же *„Ист. Рос. Іерарх. стр. 41»*, но само собою понятно, что ни на указанной страницѣ, ни на какой либо иной въ сочиненіи преосв. Амвросія и Евгенія ни слова не говорится о какой бы то ни было иконѣ нашего монастыря или какого иного въ Крыму.

Во всемъ разсказѣ Никона несомнѣнно только нахожденье огромнаго обломка скалы въ водѣ близъ монастырскаго прибрежія, очевидно, и ставшаго краеугольнымъ камнемъ всего баснословія. Затѣмъ, нѣкоторую вѣроятность имѣетъ и соображеніе о томъ, что изъ Георгіевскаго монастыря, кажется, вывезли въ Маріуполь икону великомученика Георгія; все остальное есть плодъ воображенія. Говорю: вѣроятно и кажется, потому что о происхожденіи, чудотворности и вывозѣ изъ Георгіевскаго монастыря и даже просто о бытіи тамъ этой иконы ни у кого изъ старыхъ писателей нѣтъ ни малѣйшаго указанія. А что подобныя обстоятельства всегда вызывали усиленное вниманіе, видно изъ того, что тогда же и много разъ до того, начиная съ XV вѣка, все это указывалось для иконы Божіей Матери, вывезенной въ Маріуполь не изъ Георгіевскаго Балаклавскаго, а изъ Успенскаго Бахчисарайскаго монастыря; нѣтъ сомнѣнія, что не упустили бы сказать нѣчто подобное и объ иконѣ св. Георгія, если бы къ тому было основаніе. Архіепископъ херс. и тавр. Гавріилъ, кажется, достаточно надежный судья и свидѣтель, особенно въ этихъ дѣлахъ, описывая переселеніе грековъ изъ Крыма, собирая справки, когда были въ живыхъ еще очень многіе самоличные участники и свидѣтели переселенія, упоминаетъ только объ одной чудотворной иконѣ у крымскихъ грековъ, Пресвятой Богородицы, о нашей-же иконѣ св. Георгія не просто умалчиваетъ, а говоритъ мелькомъ, какъ о рядовой, стоящей надъ могилой Игнатія [2]). Также относится къ ней и протоіерей Серафимовъ, хотя тоже указываетъ ико-

---

[1]) Никонъ, ор. с., стр. 8.

[2]) Гавріилъ, Переселеніе грековъ изъ Крыма. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. I, 203; Тимошевскій, Маріуполь и его окрестности, стр. 101.

ну Богородицы. [1]) Въ сборникѣ рукописей того-же архіеп. Гавріила имѣются подробнѣйшія описанія, по его же вызову составленныя благочинными въ 1836 году и доходящія до совершенныхъ мелочей, всѣхъ церквей грековъ, переселившихся изъ Крыма. Тутъ упоминаются имена причта, бывшаго во время исхода, приводятся преданія, переписываются ризницы, указываются старыя почитаемыя иконы, даже въ маленькихъ деревенскихъ церквахъ, а чудотворная икона Богородицы подробнѣйше описывается, и при всемъ этомъ не сказано ни слова, не сдѣлано даже и намека на икону св. Георгія [2]). Въ самомъ Маріуполѣ, въ старину, эта икона чтилась не болѣе совсѣмъ неизвѣстной иконы св. Харалампія, во имя котораго сооруженъ соборъ, тогда какъ во имя св. Георгія никакой церкви никогда тамъ не было [3]), да и нынѣ есть этого имени только одинъ придѣлъ въ новомъ соборѣ, сооруженномъ въ 1845 году, и тотъ, вѣроятно, сдѣланъ подъ вліяніемъ уже русскихъ или, можетъ быть, воспоминанія объ Игнатіи. Такимъ образомъ, почитаніе иконы св. Георгія чудотворною установилось только въ недавнее время, а о вывозѣ ея изъ монастыря впервые напечатано, насколько знаю, въ «*Статистич. обозр. города Севастополя за 1839 годъ*». [4]) Тоже подтверждаютъ В. И. Григоровичъ и о. Лебединцевъ, но они писали еще позже (въ 1873 и 1883 годахъ) и основывались единственно на собственныхъ соображеніяхъ отъ разума [5]). Впрочемъ, эти соображенія можно считать возможными по общему смыслу всего; отчасти они даже подтверждаются тѣмъ, что на чудесное явленіе иконы въ неопредѣленное время есть указаніе, данное въ самомъ монастырѣ и въ то еще время, когда тамъ, кажется, вымыслами не занимались. Въ 1815 году Броневскому указывали то дерево, на которомъ явился чудотворный образъ св. Георгія [6]). Какъ видно, это дѣйствительно существовавшее преданіе могло бы служить нѣкоторымъ указаніемъ, если бы было достаточное основаніе счесть его идущимъ глубже русскихъ временъ; во всякомъ случаѣ оно ничего общаго не имѣетъ съ разсказомъ о мнимомъ тысячелѣтіи. То дерево, на которомъ указывали явленіе иконы,

---

[1]) Серафимовъ, Крымскіе христіане на берегу Азовскаго моря, Херс. Епарх. Вѣд., 1862, № 3, стр. 155—156 и 160. Тоже отдѣльн. изд., Екатеринославъ, 1901, стр. 18, 24.

[2]) Сборникъ рукописей Гавріила, т. 2, № 67; (въ библ. Од. Общ. Ист. и Др.).

[3]). Гавріилъ, ор. с. 202; Тимошевскій. ор. с. 126 и 73. Въ 1795 г. въ Маріуполѣ четыре первоначальныхъ церкви: Харлампіевская, Маріи-Магдалининская, Рождества и Успенія Пресв. Богородицы. Была и пятая Ѳеодора Стратилата, но скоро сгорѣла. (Сборникъ Гавріила, т 2, Изслѣд. о времени построенія церквей Маріуполя, № 3).

[4]) Журн. Мин. Вн. Д., 1840. № 8, стр, 270; см. прил. XXXIII.

[5]) Григоровичъ, Записки антиквара, о поѣздкѣ на Калку. Одесса, 1874, стр. 9; Лебединцевъ, Столѣтіе церковной жизни Крыма, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XIII, 201.

[6]) Броневскій, Обозрѣніе южнаго берега Тавриды, стр. 23; см. прил. XXIV.

не только теперь не существуетъ, но уже и задолго передъ крымской войной его не было или его не знали въ монастырѣ, и преданіе о явленіи иконы исчезло безслѣдно, мимолетно появившись.

Изъ всего сказаннаго ничего точно опредѣленнаго объ иконѣ св. Георгія нельзя извлечь, но о ея появленіи въ Крыму возможно высказать и иную догадку. Послѣдній митрополитъ Готѳейскій и Кефайскій, Игнатій, прибылъ изъ Константинополя въ Крымъ, въ Балаклаву, моремъ, въ 1771 году, именно въ день памяти св. Георгія, 23-го апрѣля; несмотря на понятную усталость отъ тяжкаго, по тогдашнему, пути, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ не очень близкій Георгіевскій монастырь, гдѣ, вѣроятно, и служилъ впервые на своей крымской каѳедрѣ [1]). Даже можно думать, что именно Игнатій возобновилъ этотъ монастырь или церковь въ немъ, судя потому, что ея антиминсъ, увезенный вмѣстѣ со всѣми образами и ризницею въ Маріуполь, оказался даннымъ тѣмъ-же Игнатіемъ въ 1772 году, никакого болѣе стараго не нашлось; обо всемъ этомъ еще будетъ сказано далѣе [2]). По выходѣ грековъ изъ Крыма икона св. Георгія находилась въ самомъ Маріуполѣ не гдѣ либо въ церкви, а на дому у митр. Игнатія, потомъ на его дачѣ, гдѣ онъ думалъ основать Георгіевскій монастырь и гдѣ скончался. Послѣ смерти митрополита икона св. Георгія была поставлена надъ его могилой въ старой церкви св. Харалампія (нынѣ подновлена и въ 1868 году вновь освящена во имя св. Екатерины), а въ новый соборъ перенесена потому, что старый пришелъ въ совершенную ветхость и былъ послѣ постройки новаго въ 1845 году [3]) заброшенъ. Нельзя не видѣть во всемъ приведенномъ выше особой привязанности митрополита Игнатія ко всему связанному съ именемъ св. Георгія и усиленнаго почитанія, воздаваемаго имъ этому святому, а эти чувства митрополита объяснятся намъ изъ того, что у тогдашнихъ грековъ (да и нынѣшнихъ), было въ обычаѣ считать особымъ покровителемъ рода какого либо святаго и что такимъ, какъ бы семейнымъ святымъ въ родѣ Игнатія (Гозадиновыхъ), былъ и до сихъ поръ почитается именно св. Георгій, мощи котораго издавна и понынѣ хранятся въ этой семьѣ (потомство брата митрополита), въ особомъ ковчежцѣ [4]). Къ этому должно приба-

---

[1]) Замѣтки изъ архива Готѳейской епархіи въ Крыму, Зап. Од. Общ. Ист. и Древн., т. VI, стр. 592. Эти замѣтки были сдѣланы тѣмъ самымъ Трифиліемъ Карацоглу, о которомъ говорено выше; никто не стоялъ ближе къ митр. Игнатію и не зналъ лучше епархіальныхъ дѣлъ; къ сожалѣнію, писалъ онъ кратко и на мало доступномъ, татарскомъ языкѣ, греческими буквами.

[2]) Дѣло арх. св. Синода, 1794 г., № 41, донес. Іова, 10-го августа, 1795 года.

[3]) Серафимовъ, ор. с., стр. 160; Тимошевскій, ор. с., стр. 125.

[4]) Тимошевскій, ор. с., стр. 99 и 137.

вить, что въ описяхъ вещей, хранившихся у Игнатія, но принадлежавшихъ разнымъ церквамъ и монастырямъ, составленныхъ тотчасъ послѣ смерти Игнатія, есть опись и вещей Георгіевскаго монастыря, но въ ней нашей иконы св. Георгія не значится, хотя тогда еще все и у всѣхъ было въ свѣжей памяти. По мѣстному-же преданію иконы, вывезенныя изъ Георгіевскаго монастыря, находятся въ церкви селенія Сартаны (ближайшемъ къ Маріуполю и дачѣ митрополита), въ ихъ числѣ есть и икона св. Георгія, изображеннаго всадникомъ (т. е. поздняго извода), а не стоящимъ, какъ на почитаемой чудотворною [1]). Изъ всего вышеприведеннаго можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключить, что та икона св. Георгія, о которой идетъ рѣчь, была не въ нашемъ монастырѣ, а составляла частную собственность самого Игнатія и имъ же привезена въ Крымъ; послѣднее тѣмъ правдоподобнѣе, что при тѣхъ, болѣе чѣмъ натянутыхъ, даже враждебныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между митрополитомъ подъ конецъ его жизни и его паствою, трудно думать, чтобы оставляли у него на дому не лично ему принадлежащую, особо почитаемую, чудотворную икону, не внесли ее въ монастырскія описи и поставили ее къ нему на могилу, надъ которой ни малѣйшаго указанія не сдѣлали и даже простѣйшій памятникъ (мраморную плиту) соорудили только въ 1868 году.

Какое бы предположеніе изъ двухъ вышесказанныхъ ни оказалось достовѣрнымъ, была ли икона изстари монастырской или привезена Игнатіемъ, но несомнѣнно, что она вывезена изъ Крыма не въ 1779 году, какъ увѣряетъ Никонъ, а не позже сентября 1778 года, когда тронулся въ путь и самъ митрополитъ, предварительно отправивъ всю свою паству [2]).

---

[1]) **Тимошевскій, ор. с., стр. 97 и 99. Несмотря на всевозможныя старанія, я не могъ получить копіи съ описи вещей Игнатія, на которую есть только краткое указаніе у г. Тимошевскаго.**

[2]) **Дубровинъ, присоединеніе Крыма къ Россіи, СПБ. 1885 г. т. II, стр 380, 401, 555, 590, 635, 710, 752, 759; т. III, стр. 194. Первое офиціальное приказаніе Румянцова, полученное въ Крыму еще кн. Прозоровскимъ, о принятіи мѣръ для вывода христіанъ послѣдовало 25-го февраля 1778 года, окончательное же о томъ распоряженіе дано уже Суворову 17.го мая того же года. Черезъ два мѣсяца, 17-го іюля, Суворовъ представлялъ условія, высказанныя христіанами. утвержденныя императрицею только 21-го мая слѣдующаго года; почему и переселеніе, иногда, относятъ къ 1779 году, хотя оно тогда уже было давно закончено. Началось оно около 25-го іюня 1778 года, а 18-го сентября того же года Суворовъ доносилъ объ окончаніи всего дѣла, представляя подробнѣйшія вѣдомости; 7-го октября и самъ Игнатій, вмѣстѣ съ армянскимъ архимандритомъ Маргосомъ, еще ранѣе покинувшіе Бахчисарай, послѣдними выѣзжали изъ предѣловъ Крыма. Самъ Суворовъ, давая краткій формуляръ службы, свою автобіографію, говоритъ: „Того же года (1778)..., вывелъ христіанъ изъ Крыма въ Россію безъ остатку..." (Алексѣевъ, письма и бумаги Суворова, 15). Хартахай (Христіанство въ Крыму, Симф. 1864 г, стр. 62), очевидно, по знакомымъ ему мѣстнымъ воспоминаніямъ, (самъ родомъ изъ бывшихъ крымскихъ грековъ), указываетъ точно и согласно съ офиціальными документами выходъ Игнатія, съ иконою Богоматери, изъ Бахчисарая,**

Важнѣе, чѣмъ принадлежность иконы, было бы опредѣлить время и мѣсто ея изготовленія, но и тутъ ничего точнаго сказать нельзя. Въ этомъ случаѣ указаніемъ должно быть художественное исполненіе иконы, ея стиль, но она стоитъ въ соборѣ г. Маріуполя, куда не такъ то легко добраться, и никогда не подвергалась художественно-археологическому изслѣдованію ученыхъ, да и сдѣлать это нелегко, такъ какъ икона въ сплошной ризѣ (начала XIX вѣка), изъ подъ которой видны только части лика и рукъ. Имѣть возможность снять ризу и близко осмотрѣть со всѣхъ сторонъ икону никому изъ знающихъ дѣло не приводилось, а безъ этого всякое сужденіе будетъ недостаточно обосновано. Приходится довольствоваться немногимъ сказаннымъ объ этой иконѣ компетентными людьми и снятыми съ нея рисунками. Свидѣтельства знатоковъ немногочисленны, насколько я знаю.

Григоровичъ, видѣвшій эту икону въ 1873 году, но, конечно, только поверхностно, не высказался опредѣленно о времени ея исполненія; онъ лишь счелъ ее первостепеннымъ памятникомъ византійскаго искусства [1]).

Г. Покровскій, извѣстный ученый и знатокъ церковной археологіи, довольно подробно описавшій икону, думаетъ, что она идетъ отъ времени XI или XII вѣка, скорѣе перваго; онъ судитъ по фотографіи и самой иконы не разсматривалъ. Вотъ и все [2]).

Рисунковъ иконы печатано довольно много, но, даваемые въ разныхъ монастырскихъ и вообще церковнаго характера изданіяхъ, они не имѣютъ никакого сходства съ подлинною въ смыслѣ ея стиля и художественнаго исполненія, а потому я и не буду ихъ перечислять. Большая и хорошая фототипія съ иконы помѣщена въ монастырскомъ альбомѣ, но здѣсь икона была сфотографирована въ ризѣ, а видимый ея

30-го сентября 1778 года. Экономъ митрополита Игнатія также говоритъ: «въ 1778 году мы вышли изъ Крыма" (Зап изъ арх. Готе. епархій, стр. 593). Караимъ Рабби-Азарья оставившій отъ того времени записки, давая любопытныя свѣдѣнія о выходѣ христіанъ изъ Крыма, тоже пишетъ: „Проходъ ихъ продолжался отъ іюня до ноября мѣсяца 1778 года". (Событія, случив. въ Крыму; перев. Фирковича, Времен. Имп. Моск. Общ. ист. и Древ., 1856 г, кн. 24, стр 128). Очевидно, хорошо знавшій дѣло авторъ печаталъ въ Аѳинахъ въ 1853 г., что выходъ христіанъ рѣшенъ 16-го іюня 1778 г., (*Γ. Λ., Περὶ τῶν ἑλλήνων τῆς μεσημβρίνης Ῥωσσίας*). На могилѣ Игнатія недавно (въ 1868 году) положена мраморная плита, на которой несомнѣнно ошибочно сказано: „извелъ въ 1777". Разные, совершенно нелѣпые, мѣстные маріупольскіе разсказы (напр. о вывозѣ митрополита Игнатія или иконы Богородицы изъ Крыма въ бочкѣ), пріурочивающіе выходъ христіанъ къ 1777 году, несмотря на попытки ихъ соглашенія, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (Тимошевскій, Маріуполь стр. 18). Вышеприведенныя правительственныя и частныя показанія одинаковы, ясны, точны и подробны.

[1]) Григоровичъ, ор. с., 9.

[2]) Археологическ. Извѣстія, 1895, № 6, 225—226.

ликъ ретушированъ до полнаго неподобія. [1]) Рисунокъ иконы безъ ризы есть въ книгѣ г. Тимошевскаго «*Маріуполь и его окрестности*», но сдѣланъ онъ приблизительно, отъ руки и въ очень маломъ видѣ [2]).

Я видѣлъ эту икону нѣсколько разъ, но всегда только въ ризѣ и не имѣлъ возможности осмотрѣть ее близко и подробно, такъ что и мнѣ приходится судить о ней всего болѣе по превосходной фотографіи, безъ ризы, сдѣланной въ 1891 году г. Ивановымъ (фотографомъ) въ Севастополѣ, когда икона туда была привезена для празднованія мнимаго тысячелѣтія. По этой фотографіи исполнена фототипія, прилагаемая здѣсь, что даетъ возможность читателю и самому составить то или иное мнѣніе объ этомъ рѣдкомъ памятникѣ церковнаго искусства; въ ожиданіи его настоящаго художественнаго изслѣдованія и изданія можетъ быть полезна и фототипія, сдѣланная почти въ одну шестую долю подлинника.

Какъ видимъ, это большой образъ, шириной одинъ, а высотой полтора аршина. Онъ раздѣленъ по ширинѣ на три части: въ средней, во всю высоту, изображенъ стоящій воинъ, а по бокамъ, съ каждой стороны, по пяти маленькихъ иконъ, одна надъ другою, въ которыхъ не трудно различить событія изъ исповѣданія вѣры св. Георгіемъ, а стало быть и въ стоящемъ по серединѣ воинѣ слѣдуетъ видѣть того же святого. Всѣ маленькія иконки своимъ порядкомъ и существомъ совершенно точно отвѣчаютъ изложенію страданій св. великомученика Георгія въ Минеи-Четьи. Слѣва сверху: 1) исповѣданіе вѣры передъ царемъ и царицей; 2) избіеніе святого и отводъ его въ темницу; 3) накладываніе тяжелаго камня на грудь; 4) мученіе на колесѣ; 5) закапываніе въ известь (въ сосудѣ); хожденіе въ обуви съ гвоздями пропущено. Справа сверху: 6) бичеваніе воловьими жилами; питье яда пропущено; 7) воскрешеніе мертваго; 8) оживленіе вола, 9) низверженіе идоловъ; 10) усѣченіе главы св. Георгія. Внизу боковыхъ рядовъ еще остаются свободныя мѣста для двухъ иконъ, и неизвѣстно, почему они не заполнены изображеніями двухъ пропущенныхъ событій. Потому ли, что ихъ смыслъ трудно поддается иконографіи, или потому, что они и въ описаніи мученій явились, какъ позднѣйшія вставки.

На сплошной деревянной, довольно толстой доскѣ образа всѣ изображенія вырѣзаны болѣе или менѣе вглубь доски, представляя мѣстами очень высокій рельефъ, затѣмъ все было покрыто слоемъ ма-

---

[1]) Георг. мон.; художеств. альбомъ, изд. Краевскаго, больш. формата, 1898 г. послѣдн. листъ.

[2]) Тимошевскій, ор. с., 126—127.

стики, а по ней краской и позолотой. Это послѣднее именно и не позволяетъ думать, что въ иконѣ мы имѣемъ теперь лишь деревянную матрицу, съ которой сорвана выбитая на ней басма, если и допустить такую технику, очень сомнительную [1]). Слѣды мастики уже мало примѣтны, но дерево сохранилось еще довольно сносно и только значительно побито шашнемъ, что хорошо видно, и на фототипіи. Георгій изображенъ въ древнемъ иконографическомъ типѣ: святой стоитъ, держа въ правой рукѣ длинное копье, а лѣвой опираясь на щитъ упертый ребромъ въ землю; голова непокрыта, и только волосы на ней, сдѣланные въ три ряда завитковъ, могутъ дать поводъ думать (см. у г. Покровскаго), что на головѣ былъ какой то уборъ; одѣтъ онъ въ пластинчатую броню съ выпущенной изъ подъ нее туникой; хламида едва примѣтна; на ногахъ сапоги въ полъ-голени; у лѣваго бока впоперекъ высовывается рукоять меча; щитъ вокругъ по краю обвитъ грубымъ жгутомъ, а по серединѣ, вмѣсто умбона (выпуклости), изображеніе женскаго лица, съ лучами звѣзды вокругъ; повидимому, это совершенно неожиданное воспоминаніе о головѣ Горгоны. Еще замѣчу, что на маленькихъ иконахъ, боковыхъ, святой въ нимбѣ, но на среднемъ, большомъ изображеніи нимба нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, слѣды его не примѣтны. Вдаваться въ большія подробности описанія мнѣ кажется безполезнымъ въ виду приложенной фототипіи, лучше всякаго описанія показывающей, въ чемъ дѣло. Въ общемъ, какъ можно видѣть, работа иконы грубая, почти безобразная, особенно, если вспомнить, что она исполнялась изъ такого легко обрабатываемаго матеріала, какъ дерево: большая голова, топорно сдѣланная, толстое туловище, короткія, тонкія ноги съ едва намѣченными ступнями.

Довольно близкое подобіе нашей иконѣ, мнѣ кажется, въ образѣ св. Георгія въ Ватопедѣ на Аѳонѣ, но его работа несравненно лучше, а стиль его выше; крупнѣйшій авторитетъ въ этихъ вопросахъ, академикъ Н. П. Кондаковъ, относитъ эту аѳонскую икону къ XI или XII вѣкамъ [2]). Еще ближе къ нашей, по нѣкоторымъ чертамъ (сходство суроваго выраженія лица, несоразмѣрно длинный носъ, видъ, а частью и украшенія щита), изображеніе св. Георгія на иконѣ въ Джумати въ

---

[1]) Объ этой техникѣ на Кавказѣ см. Уварова, Матер. по Арх. Кавк., X, 101—102.

[2]) Кондаковъ, Памятн. Искусства на Аѳонѣ, 204. См. также Schlumberger, Epopée Byzantine, Basile II, Seconde partie, 273 приписывающій этотъ образъ X вѣку безъ достаточнаго однако основанія. Одной арочки вокругъ иконы, большей полукруга и опертой на двойныя колонки, перехваченныя узломъ по серединѣ, довольно, чтобы не счесть исполненіе образа ранѣе XII вѣка.

Гуріи, въ храмѣ арх. Гавріила и Михаила [1]). На этой иконѣ есть надписи, упоминающія эристава Вардана Варданидзе (первоначальная) и гуріели Бешкена (позднѣйшая), а по соображенію съ данными грузинской исторіи всего вѣроятнѣе, что первое изъ этихъ лицъ, а стало быть и икона, существовали не ранѣе конца XII вѣка или начала XIII вѣковъ [2]). Наша икона много грубѣе иконы въ Джумати; вѣроятно, она изготовлена еще позднѣе. Вѣтвь съ листьями въ узорахъ поясковъ, между боковыми иконами, также всего ближе XII—XIII вѣкамъ. Близко подобныя иконы имѣются и еще на Кавказѣ, въ Иллиріи, Сори и др.; особенно вся постановка фигуры святого, совершенно тождественна [3]). Изъ только что сказаннаго можно думать, что и происхожденіемъ своимъ, по мѣсту изготовленія, наша икона обязана Кавказу или Трапезунту и близкимъ къ нему мѣстамъ Анатоліи. За это говоритъ не только большое сходство ея съ иконами Кавказа, но также и то, что она рѣзная, чѣмъ старались подражать чеканнымъ. На Кавказѣ весьма распространены были долгое время сплошь чеканныя иконы высокаго рельефа, при чемъ ихъ дѣлали изъ серебра и даже изъ золота. (Очень много указаній на такія иконы съ рисунками у *Кондакова, «Описан. Пам. Грузіи», и Уваровой, „Матер по арх. Кавк.“*) Эти иконы по матеріалу своему были цѣнны, да и по работѣ тоже, а потому въ подражаніе имъ сдѣлали икону рѣзную на деревѣ, покрывъ ее позолотой, слѣды чего и до сихъ поръ примѣтны на нашей. [4])

Итакъ въ настоящемъ положеніи вопроса, время и мѣсто изготовленія иконы остаются подъ сомнѣніемъ; еще менѣе возможно опредѣлить, съ какого времени она находилась въ Георгіевскомъ монастырѣ и даже была ли въ немъ когда либо; несомнѣнно только то, что происхожденіе ея изъ IX вѣка совсѣмъ невѣроятно.

III.

Таже брошюра игумена увѣряетъ, что за время до 1794 года настоятели монастыря неизвѣстны, а въ монастырскомъ архивѣ нѣтъ никакихъ документовъ, а произошло это будто бы оттого, что до ска-

---

[1]) Кондаковъ, Опис. памяти. Грузіи, 107.

[2]) Brosset, Hist. de la Géorgie. Бешкенъ, вѣроятно, тотъ, что упомянутъ подъ 1230 годомъ (I, 528.), а позже съ титуломъ гуріели, древнѣйшее упоминаніе котораго извѣстно около 1244 г. (I. 521, II, 252). Варданъ Варданидзе, и въ надписи на образѣ еще не называющій себя гуріели, конечно, тотъ, что извѣстенъ при Тамарѣ (1184—1212), съ большимъ значеніемъ и титуломъ эристава (I, 402—404, 410).

[3]) Уварова, Мат. по арх. Кавказа, вып. III, табл. VIII, IX, особенно XIII, вып. IV, табл. XLI.

[4]) Тимошевскій, ор. с., 124—125.

заннаго года монастырь зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха; въ его архивъ и отосланы монастырскія дѣла, гдѣ ихъ и видѣлъ не названный французскій аббатъ въ 1885 году [1]). Это утвержденіе, представленное безъ малѣйшаго признака доказательства, всѣми въ точности повторяется, хотя и здѣсь никто не рѣшился указать его источника. Достовѣрно и въ немъ только неимѣніе старыхъ, т. е. писанныхъ ранѣе русскихъ временъ, документовъ въ архивѣ монастыря.

О судьбахъ монастыря въ русское время скажу далѣе, но уже и теперь замѣчу, что въ немъ извѣстны русскіе настоятели не съ 1794 года, а съ 1791, да, вѣроятно, были и ранѣе; цѣлое дѣло, возникшее въ 1793 году, указано выше. Затѣмъ, ни откуда не видно, чтобы нашъ монастырь не только до 1794 года, но и вообще когда либо зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха, т. е. былъ его ставропигіей; болѣе того, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что именно этого никогда не было. О патріаршихъ ставропигіяхъ въ Крыму (да и тѣ исчезли задолго до русскихъ временъ) мы знаемъ въ Ѳеодосіи, Ялтѣ и самомъ Херсонесѣ, но Георгіевскій монастырь нигдѣ и ни въ какое время не упоминается [2]). Лучшимъ доказательствомъ несуществованія ставропигіи въ нашемъ монастырѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, служитъ вывозъ митрополитомъ Игнатіемъ ризничныхъ вещей и образовъ, «всѣхъ безъ изъятно», при переселеніи грековъ изъ Крыма, какъ о томъ доносилъ Святѣйшему Синоду Ѳеодос. преосв. Іовъ (10 Августа 1795 г. № 532) [3]). Если-бы нашъ монастырь былъ ставропигіею патріарха, то Игнатій не только не рѣшился бы начисто обобрать чужой монастырь, но и не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ въ монастырѣ былъ бы неподчиненный ему настоятель, отвѣтственный передъ патріархомъ; въ такомъ случаѣ монастырь, съ выходомъ грековъ въ Маріуполь, не могъ бы быть покинутымъ: его настоятель долженъ былъ оставаться, а съ нимъ и архивъ. Когда монастыремъ занялись русскіе и стали назначать туда настоятелей, то могли это сдѣлать только потому, что монастырь былъ всѣми покинутъ и до тла очищенъ отъ всего, какъ увидимъ далѣе. Одни изъ первыхъ настоятелей монастыря, игуменъ Аноимъ и архіеп. Игнатій (Реонтскій), принимавшіе дѣятельное участіе, какъ указано выше, въ розысканіяхъ прошлыхъ судебъ монастыря, сами родомъ греки, имѣвшіе прямыя и близкія связи съ патріархатомъ, не могли не

---

[1]) **Никонъ, ор. с., стр. 10.**

[2]) **Древніе акты конст. патріархата, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VI, 457, 458, 460 463, 466, т, V., 964.**

[3]) **Дѣло св. Синода, указ. выше.**

знать о ставропигіи и увозѣ архива, если бы что либо подобное было не только въ ихъ время, за которое они были отвѣтственны, но хотя бы на ихъ памяти или памяти монаховъ, особенно Каллиника, не покидавшаго монастыря. Будь что либо подобное, настоятели не имѣли причины не указать этого Святѣйшему Синоду и даже навѣрное поспѣшили бы это сдѣлать или обратились бы за справками въ патріаршій архивъ вмѣсто того, чтобы указывать ничего не значащія надписи или обращаться за свѣдѣніями къ ушедшимъ въ Маріуполь грекамъ и все таки ничего не отвѣтить положительнаго на запросъ Святѣйшаго Синода. Наконецъ, есть и прямыя указанія на то, что митр. Игнатій, прибывъ въ Крымъ, какъ уже говорено, прежде всего отправился въ нашъ монастырь, а затѣмъ далъ туда и антиминсъ; все это онъ едва-ли бы сдѣлалъ, если-бы не считалъ монастырь подчиненнымъ себѣ[1]). Когда затѣмъ, Игельстромъ (тогдашній главный начальникъ въ Крыму), желая собрать точныя свѣдѣнія о церквахъ, оставшихся послѣ выхода грековъ, обратился въ 1783 году за справками въ Маріуполь, то тотъ же Игнатій, представляя подробныя списки церквей своей бывшей епархіи, въ ихъ числѣ прямо показалъ, въ Мангупскомъ кадылыкѣ, и нашъ Георгіевскій монастырь, не дѣлая никакого указанія на патріарха и сообщая разныя свѣдѣнія о монастырѣ, къ которымъ я еще вернусь[2]). Отсюда слѣдуетъ, что Святѣйшій Синодъ поступилъ и правильно и справедливо, отказавъ городу Севастополю и монастырю въ ихъ ходатайствѣ о возвращеніи изъ Маріуполя иконы св. Георгія; икона принадлежала и принадлежитъ не голымъ стѣнамъ покинутой каменной церкви, если даже и была въ ней когда либо, а той живой, собранію вѣрныхъ, которая цѣликомъ и съ пастырями своими была выведена въ другую страну, по естественному да и предоставленному ей праву, взявъ съ собою и все принадлежавшее ей.

Что касается до мнѣнія французскаго аббата, то слѣда о немъ я нигдѣ не находилъ, и, если даже такой аббатъ не цѣликомъ выдуманъ монастырскими бытописателями, а дѣйствительно существовалъ и высказывалъ что либо подобное, то все же придавать значеніе этому едва ли слѣдуетъ. Не думаю, чтобы патріаршій архивъ могъ быть много и долго доступенъ и понятенъ фрянцузскому аббату, неизвѣстному въ наукѣ, и, если онъ все таки тамъ нашелъ документы о нашемъ Георгіевскомъ монастырѣ, значитъ они легко видимы, такъ какъ же случилось, что такіе изслѣдователи и ученые, какъ Миклошичъ, Миллеръ,

---

[1]) Замѣтки изъ архива Готе. епарх., Зап. Од. Общ., т VI, стр. 592.

[2]) Статистическія свѣдѣнія о Крымѣ, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т XIV, стр 136 и 138.

архим. Антонинъ, Саѳа, разбиравшіе патріаршій архивъ, ни о чемъ подобномъ не говорятъ. Найденное ими. касающееся Крыма, напечатано и частью переведено, но въ немъ нѣтъ ни слова о нашемъ монастырѣ [1]). Отсутствіе въ архивѣ монастыря старыхъ документовъ объясняется причинами простыми и вполнѣ понятными: — ничего не осталось потому, что ничего и не было въ убогой и маленькой обители, гдѣ между полудесяткомъ простецовъ монаховъ, я думаю, съ трудомъ и не всегда находили грамотныхъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Не надо забывать, что въ татарское время въ Крыму даже не всѣ священники только-что умѣли читать по-гречески, слабо или вовсе не понимая читаемаго, а писали еле-еле, и то не многіе. Большинство такъ называемаго греческаго населенія говорило и понимало только по татарски, не исключая священниковъ; церковныя книги и самая служба въ церкви у нихъ,-были на татарскомъ языкѣ; самъ митрополитъ Игнатій вынужденъ былъ говорить проповѣди по-татарски, даже въ Маріуполѣ; записки Трифилія, быть можетъ наиболѣе грамотнаго тамъ человѣка, писаны на этомъ же языкѣ. Какъ же при такихъ условіяхъ, въ такой странѣ, ожидать встрѣтить не только монастырскіе архивы, но хотя какое бы то ни было писаніе. а стало быть нѣтъ надобности, въ объясненіе отсутствія документовъ придумывать событія, невѣроятныя сами по себѣ и ничѣмъ не подтверждаемыя. Да, наконецъ, греки, выходя и забирая все съ собою, не могли не взять и изъ архива то немногое, что въ немъ было, и все это исчезло въ пожарѣ дома Игнатія, въ 1780 году въ Маріуполѣ, какъ онъ указывалъ тому-же Прозоровскому. Впрочемъ, если что и осталось, то вѣдь цѣлую кучу рукописнаго и печатнаго хлама въ монастырѣ большею частью сжегъ тотъ же арх. Никонъ, а мало ли что могло быть въ этой кучѣ, если изъ нея же добыли и спасли полную рукопись евангелія XI вѣка. (См. ниже).

Указанія на ошибки брошюры арх. Никона этимъ и заканчиваются [2]).

---

[1]) **Miklosich et Müller, Acta Patriarchata Constantinop., (1315—1402), Vindob.—1860; Древніе акты конст. патріарх., Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. VI., 445 и V, 963;** *Σαθα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη ἐπιστασία,* 1872; *Γ. Γ, Περίληψις Πατριαρχικῶν Ἐγγράφων* (1538—1684).

[2]) **Должно прибавить, что тотъ же настоятель оставилъ по себѣ не забываемую память не только вышеразсказаннымъ. Когда то добрѣйшій старецъ, митрополитъ Агаѳангелъ, истинно святой жизни, десятки лѣтъ самъ ютился въ маленькой лачужкѣ, прислоненной къ скалѣ, но старательно отстраивалъ монастырь; онъ же, возведя особый сводчатый проходъ въ монастырь сверху, съ немалыми расходами, достигъ цѣли, получилъ не только закрытый входъ, но и удивительный, поразительный эффектъ картины природы и вотъ именно это построеніе, загородилъ, а видъ уничтожилъ Никонъ,**

IV.

Въ дальнѣйшемъ дѣло всякихъ баснословій перешло въ руки Ливанова, который, взявъ сущность изъ брошюры арх. Никона, о немъ самомъ тщательно умолчалъ, но нашелъ, что все это слишкомъ слабо и настоящія измышленія взялся показать самъ. Онъ, конечно, могъ свободно говорить, что угодно, но все имъ сказанное непреложно принято монастыремъ, да еще и съ присовокупленіями.

Перепечатывая вымыселъ объ основаніи монастыря, и самъ Ливановъ не счелъ возможнымъ сдѣлать это цѣликомъ, полагая, вѣроятно, что къ вымыслу дозволительно относиться, какъ къ таковому, мѣняя его по произволу. Онъ поправилъ слогъ, непонятное изложеніе явленія иконы написалъ по своему и, находя, что ужъ если выдумывать, то не стоитъ останавливаться на одномъ тысячелѣтіи, а надо, какъ у монастырскаго плотника, брать «раньше самого Христа», совершенно перемѣнилъ соотвѣтствующее мѣсто разсказа. Арх. Никонъ увѣряетъ, что въ 891 году «устроили въ скалѣ . . . пещерную церковь», а потомъ уже со временемъ и монастырь. Ливановъ и всѣ за нимъ поправили это мѣсто въ томъ смыслѣ, что въ 891 г. «основали въ пещерномъ храмѣ монастырь», самъ же пещерный храмъ устроенъ ни много, ни мало, какъ еще св. Климентомъ, а этому и всѣ тысяча восемьсотъ лѣтъ. Не понимаю, почему, повѣривъ на слово Ливанову въ одномъ, не повѣрили въ другомъ и не праздновали прямо тысячевосьмисотлѣтіе пещернаго храма, къ тому же тутъ же будто бы и найденнаго, хотя онъ, какъ покажу далѣе, никогда не существовалъ. Такое празднованіе было бы еще любопытнѣе и даже правдоподобнѣе. Мнѣніе Ливанова, конечно, совершенно нелѣпый вымыселъ, но хорошо хотя тѣмъ, что никого не обижаетъ. Оно основано на

выстроивъ, какъ разъ напротивъ, лично для себя, безобразный домъ, за что великій князь Константинъ Николаевичъ тогда же поговорилъ съ нимъ весьма крупно. Объ этомъ я давно слышалъ отъ вполнѣ достовѣрнаго очевидца, какъ и всѣ, возмущавшагося этимъ дѣломъ. Оно все было такъ досадно и памятно, что, по прошествіи болѣе четверти вѣка, великій князь не забылъ его и я, уже самъ лично, отъ него слышалъ въ Оріандѣ повтореніе рѣзкаго, но заслуженнаго мнѣнія о дѣятельности Никона. Наши путешественники тоже не пропустили безъ замѣчанія такого случая и одинъ изъ нихъ писалъ о немъ въ 1865 году: „Еще не ѣздя въ Крымъ, я слышалъ о вандализмѣ, лишившемъ Крымъ одного изъ чудеснѣйшихъ его видовъ", далѣе прибавленъ должный отзывъ объ арх. Никонѣ и его брошюрѣ (Малюковъ, Нынѣшній Севастополь, Библ. для Чт., 1865, янв., 40, 42 и 43). Этотъ же настоятель уничтожилъ и послѣдній остатокъ древняго монастыря, безъ надобности разломавъ старую трапезную церковь св. Димитрія. Какъ онъ поступилъ съ драгоцѣннѣйшею рукописью XI вѣка, полнымъ евангеліемъ, разскажу далѣе. Будемъ надѣяться, что кто-нибудь изъ будущихъ настоятелей монастыря вспомнитъ его благодѣтеля Агаѳангела, и хотя въ память его снесетъ настоятельскій домъ, чѣмъ и окажетъ монастырю услугу превыше всякихъ вымысловъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ.

такихъ неимовѣрныхъ соображеніяхъ: на мѣстѣ монастыря въ древности былъ храмъ Дѣвы и мысъ Парѳеній; св. Климентъ устроилъ въ Крыму много церквей; значитъ св. Климентъ разорилъ всѣ идольскія капища, въ томъ числѣ и храмъ Дѣвы; а если разорилъ, то непремѣнно построилъ на томъ мѣстѣ церковь, почему то, впрочемъ, пещерную, хотя при такомъ явномъ, всеобщемъ торжествѣ христіанства прятаться въ пещеру, казалось бы, и не зачѣмъ. Почти излишне указывать, что этотъ наборъ вымысловъ, не заключая въ себѣ даже логическаго смысла, въ самыхъ основаніяхъ своихъ не вѣренъ. Дѣйствительно, здѣсь прежде всего требуется, чтобы мысъ, въ древности называвшійся Парѳеній, былъ тождественъ съ Георгіевскимъ монастыремъ, гдѣ нѣтъ никакого мыса. Допустимъ, что дѣло идетъ о сосѣднемъ мысѣ Феолентѣ, который, однако, вовсе не то, что Георгіевскій монастырь. Такое предположеніе дѣлалось не однимъ Ливановымъ, но и очень многими дѣйствительными учеными, еще въ прошломъ вѣкѣ; въ наше время, особенно на немъ настаивалъ Брунъ [1]). Авторы этого предположенія всѣ были кабинетными учеными, не заботившимися ни о географической картѣ, ни о ея мѣрахъ, не знавшими и не желавшими знать мѣстныя условія, въ которыхъ вся сила. Пріурочиваніе древнихъ названій мѣстъ, въ нашемъ уголкѣ, обыкновенно дѣлается на основаніи словъ Стравона, такъ какъ нѣтъ иныхъ источниковъ, столь же подробныхъ и опредѣленныхъ [2]). Стравонъ же далъ намъ, съ одной стороны, превосходное, образцовое топографическое описаніе мѣстности между Херсонесомъ и Балаклавою, а съ другой стороны показалъ несоотвѣтствующія дѣйствительности мѣры разстояній [3]).

Объ этомъ здѣсь не мѣсто входить въ большія подробности, но замѣчу вкратцѣ, что описаніе Стравона, въ прибрежномъ плаваніи даетъ послѣ Херсонеса три бухты, затѣмъ мысъ Парѳеній, потомъ древнѣйшій Херсонесъ, и тогда уже бывшій въ развалинахъ, наконецъ бухту Символовъ, т. е. Балаклаву. Если мысъ Парѳеній принять равнымъ теперешнему Фіоленту, то придется развалины города и порта искать далѣе къ востоку, на скалистыхъ, вполнѣ не доступныхъ берегахъ Георгіевскаго монастыря, какъ и сдѣлалъ Брунъ, ну а это, думаю, даже

---

[1]) Брунъ, Къ вопросу о древней топографіи Ираклійскаго полуострова, Черноморье т. I,63.

[2]) Хорошее сопоставленіе всего извѣстнаго по этому вопросу есть у Петра, „О мѣстоположеніи Дѣвина мыса", Кіевъ, 1895.

[3]) Географія Стравона, кн. VII, гл. IV, Пер. г. Латыш. 123. Подробности по этому вопросу приведены мною въ Извѣст. Арх. Ком., вып. 21, 177—180, ст. „О Херсонесѣ".

и арх. Никонъ призналъ бы совершенно невозможнымъ [1]). Очевидно, что надо вѣрить не разстояніямъ Стравона, которыя добывались только на глазъ, безъ пособія точныхъ инструментовъ и, слѣдовательно, не могутъ не быть ошибочными, а смыслу его разсказа. Такъ посмотрѣвъ на свидѣтельство этого древняго географа, окажется, что по Стравону мысъ Пароеній непремѣнно и обязательно равнозначащъ не Феоленту, а Херсонескому мысу. Прибавлю, что, если разстояніе данное Стравономъ, сто стадій отъ города Херсонеса до м. Пароенія не вполнѣ точно подходитъ къ Херсонесскому мысу, то оно еще менѣе подходитъ къ м. Феоленту [2]).

И такъ, ясно, что мысъ Пароеній Стравона ни въ какомъ случаѣ нельзя приравнять къ м. Феоленту, а, слѣдовательно, нельзя искать ни въ Георгіевскомъ монастырѣ, ни подлѣ него какого бы то ни было храма Дѣвы, а тѣмъ болѣе портового города; стало быть, такой храмъ, здѣсь не существовавшій, не могъ быть разрушеннымъ св. Климентомъ и ничего не приходилось ему устраивать на мѣстѣ разрушеннаго. Въ заключеніе напомню, что въ послѣднее время г. Латышевъ доказывалъ, что и на Стравоновскомъ мысѣ Пароеніи не было никакого храма Дѣвы и что слова древняго географа о мѣстѣ этого храма понимались до сихъ поръ неправильно [3]). Но и помимо географической невозможности, всѣ соображенія Ливанова вполнѣ невѣроятны.

Не входя въ разборъ нашихъ, совершенно легендарныхъ, свѣдѣній о самомъ существованіи св. Климента, а тѣмъ болѣе о его ссылкѣ и дѣятельности въ Крыму [4]), но даже и допуская, что онъ здѣсь былъ и имѣлъ самый рѣшительный успѣхъ въ проповѣди, все же невозможно думать, чтобы уже въ концѣ перваго вѣка христіане пожелали и

---

[1]) Путаница въ этомъ вопросѣ произошла отъ непонятной, но грубой ошибки Палласа; мысъ Айя имъ показанъ у самаго Георгіевскаго монастыря, не только на тринадцать верстъ западнѣе, чѣмъ онъ лежитъ въ самомъ дѣлѣ, но и тамъ, гдѣ никакого мыса въ природѣ нѣтъ вовсе; на эту ошибку Палласа уже указывалъ Муравьевъ (Путешествіе по Тавридѣ, стр. 89—92). что не помѣшало на ней настаивать многимъ до Бруна включительно, искавшаго здѣсь древнѣйшій Херсонесъ, отсюда и выводы самые невозможные. Хорошее понятіе объ этихъ почти недоступныхъ скалахъ до 750 футовъ высотою надъ моремъ, омывающемъ ихъ подножіе, на которыхъ будто бы помѣщался древній портовый городъ, даютъ многіе рисунки, напр. Dubois, Voyage autour du Caucase, II serie, pl. XL, планъ этого мѣста, со всѣми бывшими и по нынѣ существующими развалинами. и видъ съ моря тамъ же, V série, pl. XVI, fig. 4 et 5, гдѣ и названо все храмомъ, якобы, Ифигеніи.

[2]) Въ дѣйствительности отъ Херсонеса изъ его бухты до траверза Херсонесскаго мыса, 74—89 стадій, а до траверза мыса Феолента 151—183 ст., плывя въ одной верстѣ отъ берега и смотря по величинѣ, которую мы примемъ для стадіи Стравона, что и до сихъ поръ подвержено нѣкоторому сомнѣнію.

[3]) Латышевъ, Замѣтки по древней географіи Чернаго моря., Ж. Мин. Нар. Пр., 1892 г., апр., 6.; сравн. Петра, ор. с, 1—8.

[4]) По этимъ вопросамъ много данныхъ. Франко Сьвятий Климент Корсуни, 22, 96, 98, 119, 134 и много другихъ.

имѣли малѣйшую возможность разрушить какой бы то ни было языческій храмъ, гдѣ бы то ни было, во всемъ тогдашнемъ мірѣ, а тѣмъ болѣе всѣ храмы и главную святыню столь упорнаго въ язычествѣ города, какъ Херсонесъ. Доказывать это послѣднее здѣсь не мѣсто, но не мѣшаетъ вспомнить нѣкоторыя событія. Христіанская проповѣдь апостола Андрея, хотя онъ и долго пробылъ въ Херсонесѣ, не имѣла успѣха, такъ какъ объ этомъ молчитъ составитель его хожденія, а о самихъ жителяхъ Херсонеса высказываетъ крайне обидное мнѣніе [1]). Все сдѣланное гдѣ-то вблизи Херсонеса св. Климентомъ, каково бы оно ни было, очень скоро забылось совершенно и, даже двумя вѣками позже, первые епископы Херсонеса, погибшіе въ теченіе короткаго времени въ борьбѣ съ упорно-языческимъ населеніемъ, не напрасно называются священно-мучениками; еще и седьмого изъ нихъ, Капитона, пришлось водворять въ Херсонесѣ, при Константинѣ Вел., подъ защитою сильнаго военнаго отряда [2]). Св. Мартинъ, папа римскій, находясь въ ссылкѣ гдѣ-то подлѣ Херсонеса, всего болѣе жалуется на его жителей, приравнивая ихъ къ самымъ злостнымъ язычникамъ, а это было въ VII вѣкѣ [3]). Въ IX вѣкѣ всѣ чудеса надъ могилою, да и самая могила св. Климента оказываются давно и безслѣдно забытыми, а разспросы о нихъ возбуждали только насмѣшки; жители Херсонеса тогда сами про себя говорили, что все это случилось по ихъ винѣ, что они пришельцы, ничего не помнятъ и не знаютъ; потребовалась настойчивая ревность Константина Философа для отысканія могилы [4]). Не за долго до того, въ половинѣ IX вѣка, Епифаній, составитель хожденія Ап. Андрея, самъ бывшій въ Херсонесѣ, такъ отзывается объ его жителяхъ: «Херсаки-же народъ коварный и до нынѣшняго дня тугп на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра» [5]). Какъ же думать,

---

[1]) Васильевскій, Хожд. Апост. Андрея, Ж. Мин. Нар. Пр., 1877, № 2, 164—169.

[2]) Херсонскіе святители, Зап. Од. Об. Ист. и Др.. Т. VII; Латышевъ, Житія св. еписк. Херс., 73.

[3]) Migne. Patrologiae, t. LXXXVII, 203.

[4]) Подробнѣе все это въ „Раскопкахъ Херсонеса", стр. 58—60. О мѣстонахожденіи могилы, считавшейся могилой Климента.

[5]) Васильевскій, ор. с., 164—169; Петровскій, Сказ. объ апост. проповѣди по сѣверо-вост. Черноморск. побережью, От. изъ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XX и XXI, 214, 277. Въ славянскомъ переводѣ этотъ укоръ звучитъ пожалуй еще сильнѣе: „худовѣр по же племя Корсуняне до днешняго дне и не крѣпки есть на вѣру, лжи въ сему вѣтру впадающе". Замѣчательно, что такой худой славой херсонесцы пользовались издавна. Около 365 года у нихъ вздумалъ укрыться одинъ изъ претендентовъ на византійскій престолъ, Провопій, но скоро бѣжалъ, замѣтивъ, что жители „не заслуживаютъ никакого довѣрія и собираются его выдать" (Зосимъ, у Латышева, Изв. древн. писател. т. I, 798; Lebeau, Hist. du Bas Emp., III, 228). Нѣчто подобное и тоже, повидимому, на гнусной почвѣ предательства, повторялось не разъ и позже, а при Юстиніанѣ II городу пришлось и пострадать жестоко за что то въ такомъ же родѣ.

что вокругъ такого города можно было разрушить всѣ языческіе храмы, уже въ концѣ перваго вѣка построивъ вмѣсто нихъ христіанскія церкви. Но, и допуская существованіе св. Климента и устройство имъ многочисленныхъ церквей, совершенно не возможно понимать это въ буквальномъ смыслѣ построенія особыхъ по виду и назначенію зданій; въ то время такихъ христіанскихъ церквей еще вовсе не существовало нигдѣ на свѣтѣ; церкви времени св. Климента можно понимать только въ смыслѣ устроенія собранія вѣрныхъ [1]).

Все сказанное ведетъ насъ къ тому, что вымыселъ тысячевосьмисотлѣтней пещерной церкви надо покинуть совершенно, не только въ смыслѣ достовѣрности, но даже и простой возможности. Ливановъ, однако, имъ не ограничился, а собравъ все ему извѣстное о первыхъ временахъ христіанства въ Херсонесѣ, все это приписалъ Георгіевскому монастырю, даже всю дѣятельность первыхъ херсонесскихъ епископовъ связалъ съ этимъ монастыремъ [2]). Конечно, разъ что тамъ устроилась церковь, то она непремѣнно подчинялась херсонесскому епископу, а не кому иному, бѣда лишь въ томъ, что на существованіе здѣсь въ то время церкви или монастыря мы не имѣемъ ни малѣйшаго указанія. Единственный намекъ на возможность связать дѣятельность первомучениковъ херсонесскихъ съ Георгіевскимъ монастыремъ даетъ, кажется, одно выраженіе «страданій св. Василея», въ которомъ сказано, что онъ скрывается въ пещерѣ, именуемой Пареенонъ, а такъ какъ Пареенонъ отождествили съ мысомъ Пареніемъ, а этотъ послѣдній съ Георгіевскимъ монастыремъ, то, значитъ, и Василей скрывался именно въ мѣстности нашего монастыря; если тамъ прятался этотъ епископъ, то почему не жить тамъ же и его преемникамъ? Вотъ логика Ливанова, и не думаю, чтобы можно было нагромоздить больше ошибокъ на столь маломъ пространствѣ. Выше я указывалъ, что мысъ Пареній не имѣетъ ничего общаго съ Георгіевскимъ монастыремъ, гдѣ никакого Пареенона не бывало. Впрочемъ, и помимо этихъ соображеній, пещера еп. Василея, именуемая Пареенонъ, не Георгіевскій монастырь уже и потому, что она, какъ то извѣстно, находилась въ самомъ городѣ Херсонесѣ; въ томъ же „страданіи" это опредѣлено настолько ясно, что едва ли остаются поводы къ домысламъ: еп. Капитону отвели для жительства «восточную часть города, отъ малаго торга до мѣста называемаго Пареенонъ» [3]).

---

[1]) Мученіе св. Климента, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. X, 156

[2]) Ливановъ, ор, с., стр. 9—12 (I-ое изд)., II—I5 (2-ое изд).

[1]) Херсонскіе святители, Страданія свящ. муч. Херсонск. еписк. Зап., Од. Общ. Ист и Др., VII, стр. I22—I30. Латышевъ, Житія св. еписк. Херсонскихъ, 50 - 53, 68, 73.

Держась той же системы, Ливановъ и всю дальнѣйшую исторію Херсонеса сводилъ къ Георгіевскому монастырю, утверждая, что имъ управляли всѣ тѣ херсонесскіе епископы, имена которыхъ онъ могъ разыскать; въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, ему въ точности слѣдуетъ игуменъ Никандръ [1]).

Только что утвердивъ многовѣковое существованіе, устроеніе и подчиненіе херсонесскимъ епископамъ пещерной церкви, оба сочинителя тутъ же, къ ряду, начинаютъ вышеприведенный разсказъ, объ обращеніи этой церкви въ монастырь, при-чемъ за благословеніемъ на то посылаютъ не священника церкви къ своему епископу, а потерпѣвшихъ крушеніе, и тоже не къ херсонесскому епископу, управлявшему по словамъ обоихъ авторовъ этою церковью и жившему всего въ двѣнадцати верстахъ, а къ скиѳскому, за тридевять земель, въ противность точнымъ церковнымъ постановленіямъ. Нужно ли еще прибавлять, что все это сплошной вымыселъ, рѣшительно ни на чемъ не основанный и что управленіе Георгіевскаго монастыря херсонесскими епископами столь же баснословно, какъ и самое основаніе или существованіе нашего монастыря, въ такое отдаленное время.

V.

Есть еще вымыселъ, въ которомъ повиненъ уже не одинъ Ливановъ, это утвержденіе о нахожденіи въ Георгіевскомъ монастырѣ многочисленныхъ остатковъ древнихъ сооруженій. Первый пустилъ его въ ходъ Хартахай, говорившій, что въ Георгіевскомъ монастырѣ, будто бы, «сохранились величественныя развадины древняго монастыря, искусная рѣзьба на колоннахъ и другихъ вещахъ» и т. под. [2]) Ему послѣдовали и путеводители [3]), не разобравъ того, что Хартахай, съ такою увѣренностью и рѣшительностью изъяснявшій трудные вопросы исторіи христіанства въ Тавридѣ, имѣлъ о послѣдней самое смутное понятіе и не зналъ, ни гдѣ находится, ни что такое Георгіевскій монастырь; онъ воображалъ, что это древнее названіе обители, нынѣ не существующей, стоявшей на развалинахъ Херсонеса, на мѣстѣ которой теперь устроенъ монастырь св. Владиміра, а потому, услышавъ о находкахъ разныхъ древностей, дѣлаемыхъ въ Херсонесѣ, приписалъ ихъ всѣ нашему монастырю.

---

[1]) Ливановъ. ор. с. 13-14 (1-е изд). 16-17 (2-е изд); Никандръ. ор. с.. 6-7.

[2]) Хартахай, Христіанство въ Крыму, Симферополь, 1864, стр. 11, 23 и 69.

[3]) Головинскій и Вернеръ, Путеводитель по Крыму, изд. 1889 г., стр. 194. Указываю этотъ путеводитель потому, что издавался онъ людьми серьезными и учеными.

Ливановъ въ томъ же направленіи прибавляетъ, что «французы и сардинцы» увезли изъ монастыря множество пьедесталовъ, капителей и колоннъ въ свои музеи; разумѣется, это тоже совершенный вымыселъ уже по одному тому, что никогда ничто подобное не бывало находимо и не хранилось въ Георгіевскомъ монастырѣ, значитъ, и увозить оттуда было нечего; что было находимо, укажу далѣе. Сардинцы, никогда не занимавшіе нашего монастыря, охраняемаго французскимъ карауломъ, не могли ничего изъ него взять, даже если бы тамъ что либо и было.

Хартахай, вообразивъ, что Георгіевскій монастырь находился въ Херсонесѣ, а съ другой стороны, считая, что іерархи херсонесской епархіи жили не иначе, какъ тоже въ Херсонесѣ, заключилъ отсюда, что всѣ они жили въ Георгіевскомъ монастырѣ, а такъ какъ епископы херсонесскіе извѣстны съ первыхъ вѣковъ христіанства, то, значитъ, и монастырь существуетъ съ того же времени и былъ центромъ христіанства въ Тавридѣ. Это изумительное разсужденіе усердно подхватили и развили, пополнивъ именами херсонесскихъ святителей, Ливановъ и его послѣдователи [1]). Вотъ какъ случайная, смѣшная даже ошибка даетъ поводъ къ обширнѣйшимъ и нелѣпѣйшимъ вымысламъ. Въ другой статьѣ [2]). Хартахай не только повторилъ все то же, но и съ изумительною развязностью на одной страницѣ говоритъ о необъятномъ богатствѣ нашего монастыря, будто бы ограбленномъ на 200,000 ефимковъ, на слѣдующей даетъ самые ничтожные размѣры его храма, приводя въ свидѣтели арх. Гавріила и указывая на тѣ его слова, которыми опредѣляются разв. храма св. Георгія въ Ѳеодосіи. Это уже совсѣмъ способъ арх. Никона И такія то измышленія по маломъ времени становятся документами для мало разборчивыхъ читателей.

VI.

Разсмотримъ еще одинъ, послѣдній вымыселъ. Начало ему положено давно легкимъ указаніемъ, но рѣшительно его утвердили недавно, найдя и освятивъ то, чего никогда не бывало,—пещерную церковь, будто бы ту самую, которая устроена тысяча восемьсотъ лѣтъ тому назадъ.

---

[1]) **Ливановъ, ор. с., 1-е изд. 62-е изд.; Никандръ, ор. с., 17.**

[2]) **Хартахай, Истор. судьбы Кр. татаръ, Вѣстн. Европы, 1867, Іюнь, 151—152.**

Мнѣнія о существованіи въ нашемъ монастырѣ пещерной церкви высказывались уже съ конца XVIII вѣка; я приведу какъ эти мнѣнія, такъ и иныя, разумѣется, только данныя очевидцами, т. е. лицами, посѣщавшими монастырь до уничтоженія старой церкви; затѣмъ будетъ видно, что все дѣло здѣсь въ недоразумѣніи. Не трудно доказать, что пещерной церкви въ обычномъ смыслѣ этого слова никогда не бывало въ Георгіевскомъ монастырѣ, а отъ дѣйствительно существовавшей церкви ни малѣйшей части на виду не сохранилось, и даже ея мѣсто было вовсе не тамъ, гдѣ нынѣ показываютъ ея якобы алтарь.

Старѣйшее указаніе пещернаго характера церкви Георгіевскаго монастыря находится въ книжкѣ, напечатанной въ видѣ офиціальнаго путеводителя передъ путешествіемъ 1787 года въ Крымъ императрицы Екатерины II. Тутъ говорится, что въ Георгіевскомъ монастырѣ: «построено нѣсколько келій, а по серединѣ ихъ высѣчена въ горѣ церковь, черезъ двери и два небольшія окошка съ вонной стороны освѣщенная». [1]) Въ этихъ словахъ недостаточно ясно, что именно значитъ «высѣчена въ горѣ».

Яснѣе объ этомъ говоритъ г-жа Гутри: «Келья и часовня высѣчены въ естественной скалѣ». [2]) Это показаніе однако слишкомъ распространено и поэтому сомнительно; уже и выше указано, что кельи были, хотя частью, построены, а не только высѣчены въ скалѣ.

Опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ говоритъ только одинъ Чернявскій: «Церковь въ каменной пещерѣ квадратная въ $2^1/_2$ сажени, съ престоломъ, выдѣланнымъ въ скалѣ». [3]) Это свидѣтельство дано, къ сожалѣнію, по прошествіи почти шестидесяти лѣтъ и въ глубокой старости автора (ему было тогда 83 года); мы ниже увидимъ, что авторъ, ошибся и въ мѣрахъ, да и въ самомъ существѣ своего разсказа, такъ что и его нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Есть еще свидѣтельство, хотя данное и не очевидцами, но, быть можетъ, у нихъ заимствованное и оффиціальное: «монастырь заключалъ въ себѣ небольшую высѣченную въ скалѣ церковь». [4])

Болѣе никакихъ подобныхъ свидѣтельствъ не имѣется, но, казалось бы, и этихъ довольно. Читатель, впрочемъ, сейчасъ увидитъ, что всѣ

---

[1]) **Путешествіе Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи, СПБ. 1786 стр. 76. (Прил. V).**

[2]) **Guthrie, A. tour performed in the years 1795—96 etc. ,London., 1802, 104—106. (см. прил. X).**

[3]) **Чернявскій, Балаклавскій монастырь, фельет. Од. Вѣст. 1850 № 50 (пр. XXXVII).**

[4]) **Статистическое обозрѣніе Севастополя за 1839 годъ, Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1840. № 8, стр. 270 (прилож. XXXIV)**

эти показанія невѣрны и что настоящій случай только лишній разъ подтверждаетъ, съ какою осторожностью надо относиться къ сообщеніямъ такъ называемыхъ очевидцевъ, о которыхъ прежде всего приходится справляться, способны ли они были видѣть, какъ слѣдуетъ и именно то, что надобно; эти качества не такъ часто встрѣчаются, какъ кажется.

По настоящему вопросу мы имѣемъ, кромѣ названныхъ, еще очень много описаній первобытнаго состоянія нашего монастыря; и вотъ оказывается, что тоже очевидцы: Палласъ, Кларкъ, Сумароковъ, Кастельно, Рёльи, Измайловъ, Венцель, Броневскій, описывая Георгіевскій монастырь, ни однимъ словомъ не обмолвились о пещерномъ характерѣ его церкви, а всѣ они на это обстоятельство обращали большое вниманіе, настоятельно указывая пещерныя церкви вездѣ, гдѣ только онѣ были и гдѣ ихъ видѣли эти путешественники. [1]) Мало того Палласъ не только прямо указываетъ на существованіе пещеръ естественныхъ въ нашемъ монастырѣ, но и прибавляетъ, что онѣ обращены, «однѣ въ монастырскія кельи, а другія въ курятники»; кажется, всего скорѣе упомянуть объ обращеніи пещеры въ церковь, если бы таковое было. Позднѣйшіе ученые и археологи Муравьевъ, Дюбуа, Мурзакевичъ, Аркасъ и многіе другіе, могшіе разспрашивать очевидцевъ древней церкви, обращавшіе тоже особое вниманіе на пещерные храмы, ничего подобнаго не указываютъ по отношенію къ Георгіевскому монастырю. Но, и не зная, какая именно была церковь въ монастырѣ, можно утверждать, что она не могла быть такою пещерною, какъ мы привыкли понимать это слово вообще, а особенно въ Крыму, судя по сохранившимся, очень многимъ, пещернымъ церквамъ Инкермана, Мангупа, Черкесъ-Кермана и друг. Дѣло въ томъ, что пещерныя церкви могли строиться и строились только тамъ, гдѣ для того находился удобный матеріалъ; напр., у насъ въ Крыму, большія скалы плотнаго, мягкаго известняка, который легко обработывается и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо сопротивляется атмосфернымъ перемѣнамъ, такъ что въ немъ скорѣе, проще и дешевле выдолбить помѣщенія, чѣмъ построить таковое, изъ того же, но наломаннаго камня, а затѣмъ и самое помѣщеніе оказывается безопаснѣе и долговѣчнѣе. [2]) Вотъ причина, и только она, не что иное, того что мы встрѣчаемъ въ Крыму

---

[1]) Подлинные отзывы всѣхъ этихъ писателей, ученыхъ и путешественниковъ см. приложенія: IX, XIV, XI, XIX, XVIII, XII и XIII, VIII, XXIV.

[2]) Говорю о пещерныхъ храмахъ Бессарабіи, Крыма и Кавказа. Этотъ вопросъ не только вообще, но даже и для одного Крыма слишкомъ сложенъ, такъ что касаться его здѣсь не приходится; одно для Крыма несомнѣнно, позднее появленіе въ немъ пещерныхъ церквей.

пещерныя церкви только тамъ, гдѣ проходятъ гряды мѣловыхъ скалъ (середина Крыма. отъ Инкермана до Карасу-базара) и ихъ не находимъ на крайнемъ западѣ, югѣ и востокѣ Крыма, гдѣ иныя образованія каменной породы, весьма твердой, не допускали вовсе подобныхъ сооруженій или дѣлали ихъ трудно исполнимыми и гораздо болѣе дорогими, чѣмъ обычныя постройки. Между тѣмъ, именно на этихъ окраинахъ Крыма, гдѣ лежатъ Херсонесъ, весь Южный берегъ, Судакъ, Ѳеодосія, весь Боспоръ, всегда и всего болѣе была развита жизнь гражданская и духовная; христіанство здѣсь начиналось, отсюда и распространялось внутрь страны; это были мѣста наиболѣе богатыя и въ нихъ сохранилось всего болѣе слѣдовъ всякихъ древностей, въ томъ числѣ и христіанскихъ, лишь пещерныя церкви безусловно отсутствуютъ или имѣютъ особый характеръ приспособленія естественныхъ пещеръ къ богослуженію. Къ этимъ мѣстностямъ принадлежитъ и Георгіевскій монастырь, такъ какъ его скалы вверху состоятъ изъ грубаго неоднороднаго, твердаго, такъ называемаго степного известняка, того же, что и въ Херсонесѣ или вокругъ Севастополя (геологи его называютъ оолитовымъ по структурѣ и Сарматскимъ по мѣсту и времени образованія); лежитъ этотъ камень въ прослойкахъ различной крѣпости, съ проростями глины и песка, что и дѣлаетъ его негоднымъ для пещерныхъ сооруженій, тѣмъ болѣе, что онъ твердъ болѣе, чѣмъ нужно. Въ этихъ скалахъ попадаются, мѣстами, естественныя пещеры всегда открытыя съ лица, часто приспособляемыя для разной житейской потребы, а иногда даже и для жилья; были и есть таковыя и въ Георгіевскомъ монастырѣ, но вообще изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что здѣсь нельзя встрѣтить настоящей пещерной церкви. [1]) Какъ же согласить, однако, эти разсужденія и молчаніе всѣхъ приводимыхъ выше авторовъ съ показаніемъ нѣкоторыхъ? Да, весьма просто. Старая церковь была прислонена или частью врыта въ гору, такъ что одна ея сторона, алтарная, а, быть можетъ, и весь алтарь, были самою скалою, но три другія стороны церкви были въ видѣ обыкновенныхъ каменныхъ стѣнъ; покрыто все было тоже обыкновенною черепичною крышею. Такое сооруженіе мы, теперь, конечно, не назовемъ пещернымъ, не назвалъ его такъ и никто изъ главныхъ путешественниковъ; только алтарь въ скалѣ далъ къ тому поводъ нѣкоторымъ. Чтобы читатель не подумалъ, что я тоже пустился въ вымыслы отъ собственнаго разума, привожу и доказательства сказаннаго выше.

---

[1]) Лѣтомъ 1908 года случайно открыта естественная пещера, приспособленная для церкви; я опишу ее далѣе.

Послѣдній, изъ числа писавшихъ, видѣвшій эту церковь былъ Броневскій, образованный, много видавшій, путешествовавшій и плававшій, морской офицеръ; онъ говоритъ: «небольшая церковь прилѣпленная къ горѣ» и далѣе «древняя церковь.... находившаяся во впадинѣ горы.» [1]).

Надобно ли указывать, что такихъ выраженій не возможно примѣнить къ пещерной церкви. Неизвѣстный путешественникъ 1805 года, долго проживший въ монастырѣ, говѣлъ тамъ и причащался, а въ письмѣ своемъ къ неназванному архіепископу, только и нашелъ сказать: «мѣстоположеніе диковинное, монастырь малый и скудный». [2]) Затѣмъ, сохранилось, нѣсколько старинныхъ видовъ Георгіевскаго монастыря (о нихъ далѣе) конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, на которыхъ ясно видно, что древняя церковь была именно такая, какъ я описалъ выше.

Мнимый алтарь, небывалой пещерной церкви, показываютъ теперь въ полугорѣ, сажени на три выше той площадки, на которой стоитъ теперешняя церковь св. Георгія, но точно извѣстно, что уничтоженная древняя церковь стояла именно на этой послѣдней площадкѣ, а не выше ея. Образовать площадки на крутомъ склонѣ горы не легко и таковая была встарь одна и очень небольшая: «уступъ сей шириною не болѣе 3-хъ, а въ длину саженъ на 15», на немъ и всѣ постройки, какъ говоритъ очевидецъ, 1786 года, и другого уступа или площадки не было. [3]) Въ числѣ этихъ построекъ была и церковь, а къ ней вплотную примыкала трапеза и кельи. Изъ всего этого устройства уничтожена была только одна церковь, потому что пожелали расчистить мѣсто вокругъ новой большой, которую по тѣснотѣ мѣста построили тутъ же, рядомъ съ старой. Арх. Никонъ, причину уничтоженія старой церкви видитъ въ томъ, что «вся часть скалы, гдѣ устроена была церковь, отдѣлилась отъ гряды горъ и сдѣлала наклонность со ската къ морю, а потому немедленно (это невѣрно) было приступлено къ разобранію пещерной церкви и къ устройству, на томъ самомъ мѣстѣ (и это невѣрно) новой церкви». [4]) Это соображеніе явилось уже тогда, когда послѣ

---

[1]) Броневскій, Описаніе южнаго берега Тавриды въ 1815 г., стр. 24—27 (см. прил. XXV).

[2]) Перечень письма 1805 года изъ Севастополя, Другъ Юношества, 1812, стр. 69—75 (см. прил. XIX). Этотъ путешественникъ безъ сомнѣнія Лопухинъ, который въ своихъ, тогда же писанныхъ запискахъ (1805 г.) такъ говоритъ о нашемъ монастырѣ: „На страстной недѣлѣ говѣлъ и пріобщался въ Егорьевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая страшными романтическими скалами пустыня на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря". Ничего болѣе не нашелся сказать даже и этотъ высокообразованный дѣятель, бывшій тогда въ Крыму предс. комиссіи по разбору земельныхъ дѣлъ (Вѣст. Всем. Ист. 1900, № 5, стр. 118).

[3]) Путешествіе Ея Имп. Вел., СПБ., 1786, с. 75 (прилож. V.)

[4]) Никонъ, ор. с., стр. 12.

приходилось оправдываться въ уничтоженіи древняго храма; по крайней мѣрѣ еще недавно кусокъ старой церкви былъ на мѣстѣ, и никакой наклонности скала не обнаруживала никогда, такъ что на ней тогда же рядомъ, вплотную къ старой, воздвигли новую церковь, понынѣ стоящую въ цѣлости.

Отсюда видно, что, во-первыхъ, уничтожена вся часть скалы съ примыкавшими къ ней постройками, сохранился только кусокъ одной стѣны старой церкви; во вторыхъ, все это разбиралось,—выраженіе правильное для кладенныхъ стѣнъ, но не примѣнимое для скалы пещерной церкви, которую надо было ломать; это выраженіе не случайно неточное, потому что его же употребилъ и другой авторъ, еписк. Гермогенъ, говорящій о томъ же дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе. Церковь не немедленно разобрали, а прежде построили рядомъ, но не на томъ же мѣстѣ, другую; это точно засвидѣтельствовано Броневскимъ, видѣвшимъ обѣ церкви вмѣстѣ въ 1815 году, да и само по себѣ понятно, такъ какъ новую начали строить въ 1811 году, а освятили ее едва въ 1816 году, не могъ же монастырь пять лѣтъ быть безъ церкви. [1]) Разобрана тогда была только одна церковь, а примыкавшія къ ней и находившіяся съ нею на одномъ уровнѣ кельи и трапеза уцѣлѣли до нашихъ дней; въ этой старой трапезѣ, впослѣдствіи, устроили церковь, во имя св. Димитрія Солунскаго, а я хорошо помню эту маленькую церковь, и, конечно, много найдется лицъ, помнящихъ ее дольше меня; мы можемъ въ точности указать, гдѣ и какая именно она была, вѣдь ее разобрали всего въ 1866 году. [2]) Эта церковь находилась влѣво, передъ самымъ входомъ въ теперешнюю Георгіевскую церковь, и отъ нея еще и понынѣ сохранилась задняя стѣна, «прилѣпленная» къ скалѣ, говоря точными словами Броневскаго. Впереди этой трапезы-церкви была маленькая,

---

[1]) Броневскій, ор. с., стр. 25, (прилож. XXIV) Съ такою подробною точностью описывая событія происшедшія тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ, въ монастырѣ не знали и не знаютъ, въ которомъ году освящена новая церковь, хотя это и случилось (для арх. Никона) всего около полувѣка тому назадъ. О. Родіоновъ (ор. с., стр. 215) рѣшительно говоритъ, что церковь освящена въ 1814 году; арх. Никонъ полагаетъ «по устному преданію старожиловъ», что это случилось въ 1814 или 1815 году (ор. с., стр.13). Могу увѣрить, что въ 1815 году, въ маѣ мѣсяцѣ, эта церковь еще только заканчивалась (Броневскій, ор. с., стр 25) и слѣдовательно была освящена не ранѣе конца 1815 года, а всего вѣроятнѣе въ началѣ 1816 года (думается въ день св. Георгія), какъ то видно изъ вышеупомянутаго «Статистич. опис. Севаст.», гдѣ говорится, что пещерная церковь существовала до 1816 года (см. прилож. XXXIII). Есть показаніе одного нѣмецкаго журнала неизвѣстно откуда почерпнутое, что новая церковь построена только въ 1819 году: что едва-ли вѣроятно, (Das Kloster des heil. Georg auf d. Krim, Mag. f. d. Liter d. Ausl.—1855, № 42, S. 167).

[2]). Родіоновъ, ор. с., стр. 216, прим. Думается мнѣ, что иконостасъ этой церкви, хотя и не заключалъ въ себѣ чего либо бывшаго до прихода русскихъ, какъ увидимъ далѣе, но все же могъ бы служить образчикомъ нашихъ походныхъ церквей конца прошлаго вѣка; желательно бы знать не уцѣлѣло ли отъ него что либо.

ветхая, деревянная галлерея, съ крылечкомъ, всѣмъ намъ памятная; вотъ эта галлерейка именно и вела прямо изъ трапезы въ старую, разобранную церковь, алтарь которой, да и вся она находились тутъ же внизу. [1]) Вся старая церковь была разобрана цѣликомъ и открывшаяся послѣ того часть горы срѣзана и подкрѣплена стѣночкою, составившею проходъ между горою и новою церковью. О. Лебединцевъ, самъ хорошо знавшій монастырь передъ крымской войной, говоритъ, со словъ Чернявскаго, знавшаго монастырь съ 1792 года: «пещера эта (т. е. церковнаго алтаря) находилась по лѣвую сторону нынѣшней Георгіевской церкви и упразднена вслѣдствіе расчистки прохода между скалой и церковью». [2]) Отъ древней церкви, до самаго послѣдняго времени сохранялась нижняя часть стѣночки ея лѣвой стороны, сложенная на особомъ красноватомъ растворѣ (известь съ пескомъ и толченымъ кирпичемъ-цемянкой); для знакомаго съ древнею церковною архитектурою въ Крыму такая техника служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ во первыхъ того, что это остатокъ именно церкви, а не чего либо иного, а во вторыхъ того, что эта церковь имѣла, какъ указано выше, обыкновенныя каменныя стѣны, а не была пещерною. Думаю, что раскопки, сдѣланныя въ указываемомъ мѣстѣ, могли бы обнаружить остатки древнихъ стѣнъ или фундаментовъ. Послѣдніе видимые камни древней церкви истреблены безъ остатка только недавно, когда сдѣлали снизу лѣстницу къ выдуманной пещерной церкви.

Все сказанное относительно мѣстоположенія древней церкви усматривается и на старинныхъ рисункахъ, сдѣланныхъ ранѣе разрушенія древней церкви, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано далѣе. Первый по времени изъ путешествія Уорслея въ 1786 г. [3]); второй 1787 года русскаго художника Иванова; [4]) два находятся у Палласа [5]); одинъ грубый и малопохожій у Сумарокова; [6]) наконецъ еще одинъ, самый большой и лучшій, вполнѣ выясняющій все дѣло, находится въ очень рѣдкомъ альбомѣ Кюгельхена. [7])

---

[1]) «Маленькая церковь соединенная крытымъ ходомъ съ большею трапезою», очень маленькая церковь и сообщающаяся съ нею большая трапеза», вотъ слова Палласа и Кастельно, (см. прилож. IX и XIX).

[2]) Лебединцевъ, ор., с. стр. 48, прил. XLII.

[3]) Museum Worsleyanum, London 1794, vol. II, 111.

[4]) Альбомъ рисунковъ хранится въ Эрмитажѣ, книга 3, № 186, рис. 62.

[5]) Pallas, Bemerk. auf eine Reise etc., Leipz. 1801 т. II, рис. 7 и виньетка 5.

[6]) Сумароковъ, Досуги Крымскаго судьи., СПБ. 1803, т. I. рис. 19.

[7]) Kügelgen, Vues pittoresques de la Crimée, St. Petersb., 1827, pl. I.

Недавно я нашелъ еще три источника, не только вполнѣ и окончательно рѣшающіе этотъ вопросъ, такъ какъ я его объясняю, но и не подлежащіе никакому сомнѣнію.

Первый находится въ сборникѣ документовъ архіеп. Гавріила. Когда Іовъ, еп. Ѳеодосійскій, по требованію синода въ 1793 году собиралъ разныя свѣдѣнія о церквахъ и монастыряхъ въ Крыму, какъ говорено выше, то объ этой церкви въ своихъ черновыхъ замѣткахъ онъ выразился такъ: «Въ Балаклавскомъ Георгіевскомъ монастырѣ маленькая каменная надъ самымъ моремъ въ горѣ». Онъ же о Бахчисарайской, дѣйствительно пещерной, выражается совсѣмъ иначе: «въ горѣ каменной высѣченная церковь.»[1]

Затѣмъ, въ подлинной вѣдомости о нашемъ монастырѣ, представленной Святѣйшему Синоду 30 ноября 1793 года, сказано: «церковь великомученника Георгія изъ дикаго камня малая».[2]

Наконецъ, третій источникъ указываетъ епископъ Гермогенъ (бывшій Таврическій). Вотъ подлинныя слова преосвященнаго: «Изъ монастырскихъ описей 1808 и 1810 г. видно, что древняя Георгіевская церковь, по ветхости разобранная, была очень мала—11 арш. длины и $6^1/_2$ арш. высоты (т. е. ширины, конечно) и что половина ея алтаря была въ натуральномъ грунтѣ скалы, а прочія стѣны церкви сложены были изъ тесанныхъ плитъ на извести.»[3] Лучше и точнѣе этого описанія не придумать.

Отсюда слѣдуетъ, что всѣ вымыслы о нахожденіи пещерной церкви не могутъ объясняться даже неполнотою или неимѣніемъ свѣдѣній въ самомъ монастырѣ, гдѣ есть старыя описи, и что въ свидѣтельствѣ очевидцевъ, въ томъ числѣ и Чернявскаго, не всякое лыко въ строку.

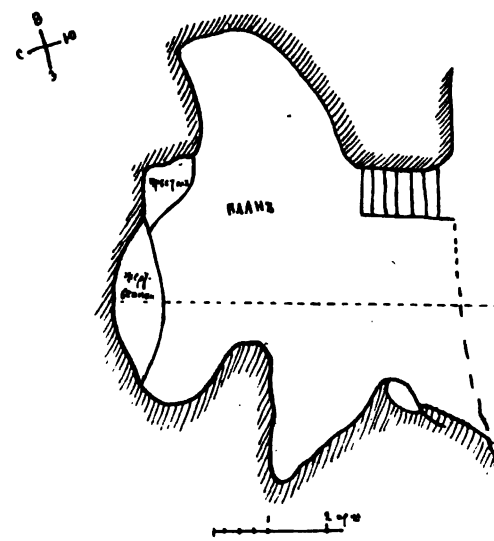
Надъ древнею церковью и постройками монастыря были, по словамъ Палласа, нависшія скалы, угрожавшія паденіемъ; подъ этими скалами находились различныя пещеры, обращенныя, частью въ кельи, а частью въ курятники;[4] тутъ же росли и фиговыя деревья. Все это вполнѣ точно такъ было и до самыхъ послѣднихъ дней. Совершенно тоже говоритъ и Муравьевъ, указывая на эти пещеры, какъ на лежащія «надъ» кельями и значитъ надъ бывшею древнею церковью.[5] Надумавъ праздновать выдуманное тысячелѣтіе, сочли благовременнымъ от-

---

[1]) Гавріилъ, Сборникъ документовъ, I, листъ 30.
[2]) Смотр. Вѣдомость, приложеніе VI.
[3]) Гермогенъ, еп., Таврич. епархія, Псковъ 1887, стр. 470.
[4]) Pallas, op. c., стр. 91 (см. прилож. IX).
[5]) Муравьевъ, op. c., стр. 85 (см. прилож. XXVI).

крыть и никогда не существовавшую пещерную церковь. Увидѣвъ сажени на три выше мѣста истинной древней церкви и совсѣмъ въ сторонѣ отъ нея, одну изъ пещеръ, жилье или курятникъ, давно всѣмъ намъ извѣстную, именно ее и приспособили подъ древнюю церковь [1]). Самъ по себѣ этотъ вымыселъ, пожалуй, ничего особенно вреднаго не изображаетъ, бѣда лишь въ томъ, что его автору не представились достаточно ясно вытекающія изъ него умозаключенія, по малой мѣрѣ не удобныя для его предмѣстниковъ по управленію монастыремъ. Древнюю

[1]) **Никаноръ**, ор. с., стр. 17. До новѣйшихъ приспособленій и передѣлокъ это была очень маленькая пещера, открытая съ лица, образовавшаяся силами природы, безъ участія рукъ человѣческихъ. При расчисткѣ ея, «приготовляясь къ торжеству», нашли остатки стѣночки, сложенной на глинѣ, загораживавшей пещеру снаружи и, подъ камнемъ, 75 мелкихъ серебряныхъ «древнихъ монетъ, неизвѣстнаго происхожденія и времени», прибавляетъ игум. Никандръ, но ни для кого, включая и его самого, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что эти монеты не совсѣмъ неизвѣстны, такъ какъ всѣ знали, что онѣ татарскія, послѣднихъ временъ ханства. Всего этого было слишкомъ недостаточно, даже и игум. Никандру, чтобы увидѣть здѣсь церковь, а потому пещеру стали приспособлять, расширяя ее, подправляя въ ней впадины и уступы (якобы жертвенникъ и престолъ) и ступени для входа. Годомъ позже, рисунокъ этой подправленной пещерки далъ Струковъ, не только тоже видѣвшій здѣсь древнюю церковь, но даже увѣрявшій, что она найдена по его указанію (**Дѣло археолог. ком. о раскоп. Струкова**, № 99, 1892 года, и тамъ же **Рис. Струкова** II, 14). Этотъ рисунокъ, по обычаю Струкова, тоже подправленъ и прикрашенъ, но все же данный имъ планъ пещеры, въ точности здѣсь прилагаемый, вполнѣ ясно показываетъ, не смотря на всѣ новѣйшія подтески, что это простѣйшая пещера, никогда и ни для чего не приспособлявшаяся, развѣ, что для какого либо жилья.



Будь это и въ самомъ дѣлѣ церковь, разумѣется нашли бы время въ теченіе тысячелѣтія, придать ей хоть сколько нибудь правильную фигуру, что мы и увидимъ въ только что раскопанной пещерѣ, дѣйствительно бывшей церковью.

церковь разобрали, а ея, будто бы цѣлую, алтарную часть бросили, не только безъ призора или ограды, но даже безъ отмѣтки, обративъ ее въ глухое мѣсто для загаживанія нечистотами людей и животныхъ, какъ то было на моей памяти, съ самаго далекаго дѣтства. Это будто бы сдѣлалъ управлявшій монастыремъ высокообразованный, перевидавшій весь свѣтъ, старецъ-митрополитъ Хрисаноъ, съ древнимъ, многовѣковымъ алтаремъ, въ которомъ онъ самъ нѣсколько лѣтъ (съ 1810 по 1816 года) до того приносилъ безкровную жертву. Архіепископъ Іовъ (Екатер. и Таврич.), внимательно относившійся къ дѣлу, видѣвшій древнюю церковь, еще бывши епископомъ Ѳеодосійскимъ, вновь посѣтивъ монастырь, сдѣлалъ даже выговоръ за разобраніе древней церкви, а покинутаго ея древняго алтаря не замѣтилъ и тяжкаго упущенія не поправилъ. [1]) Почти прямой преемникъ Хрисаноа, митрополитъ Агаѳангелъ, вложившій душу въ нашъ монастырь, истратившій тамъ болѣе сотни тысячъ рублей, оставилъ все въ томъ же видѣ. [2]) Возможно ли допустить подобное, а допустивъ, возможно ли придумать тягчайшій укоръ даже мірянину, а тѣмъ болѣе духовнымъ лицамъ, столь высоко поставленнымъ. Считаю все это немыслимымъ и думаю, что одного этого соображенія, безъ всякихъ вышеприведенныхъ доказательствъ. довольно, чтобы твердо и рѣшительно утверждать, что древняя церковь вовсе не тамъ была, гдѣ ее нынѣ показываютъ, и что она разобрана или засыпана, вся безъ остатка, кромѣ нѣсколькихъ камней. Можно смѣло вѣрить и даже твердо знать, что, если бы ея алтарь оставался цѣлымъ и на виду, то онъ непремѣнно былъ бы огороженъ, укрытъ и отмѣченъ. За разобраніе древней церкви, какъ только что говорено, митрополиту Хрисаноу, въ свое время, былъ сдѣланъ строгій выговоене, быть можетъ даже не совсѣмъ заслуженный; какъ бы то ни было, не намъ увеличивать тяжесть этого выговора неудачными выдумками, обидными для памяти митрополитовъ Хрисаноа и Агаоангела, истинныхъ благодѣтелей и зиждителей монастыря.

Я кончилъ съ вымыслами, подавившими старый монастырь, въ честь и память котораго я и взялся за такое тяжелое и неблагодарное дѣло. Охотно вѣрю, что всѣ новѣйшіе вымыслы сдѣланы съ самыми благими намѣреніями, но для насъ цѣль не оправдываетъ средствъ; къ тому же и выдумывать вѣдь надобно не иначе, какъ съ большимъ зна-

---

[1]) **Лебединцевъ, ор. с., стр. 48, прил. XLII.**

[2]) **О работахъ и дѣятельности митрополита Агаѳангела см. прилож. XXXVII. ст. Чернявскаго,**

ніемъ и ловкостью, до которыхъ намъ куда какъ далеко, къ счастью; поэтому не удивительно, что благія, но совершенно не умѣло сдѣланныя выдумки, легко п ознаются и приводятъ къ нежелательнымъ заключеніямъ. Вымыселъ тысячилѣтія кажется только смѣшнымъ, но его смѣхотворность перенесена на высокопочтенную память епископа Амвросія и митрополита Евгенія; изобрѣтеніе ставропигіи монастыря, какъ бы случайная обмолвка, не болѣе, но она равносильна укору послѣдняго іерарха Готѳіи и Кафы, честнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, чуть не въ грабежѣ; открытіе выдуманнаго алтаря никогда небывалой пещерной церкви, пожалуй, не что иное, какъ археологическая ошибка, но она становится тягчайшимъ оскорбленіемъ памяти митрополитовъ Хрисанѳа и Агаѳангела и архіепископа Іова. Всѣ эти іерархи давно въ могилахъ, взваливать на нихъ можно, что угодно, пусть же хотя мой голосъ встанетъ въ ихъ защиту, а дивная, Богомъ данная, красота Георгіевскаго монастыря не будетъ подавлена вымыслами.

Дѣйствительность.

Выше говорено о томъ, чего не было въ нашемъ монастырѣ, при этомъ само собою отчасти выяснилось истинное положеніе вещей, но этой стороны вопроса я касался мало, поэтому и полагаю, что настоящее изслѣдованіе полезно распространить на то, что дѣйствительно было или что можно хотя бы предполагать, но съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ; бывшее и предполагаемое я понимаю только такое, которое основано на достойныхъ вѣры и невыдуманныхъ источникахъ. Если обратить вниманіе на всѣ вымыслы и часто совершенную нелѣпость писаннаго о нашемъ монастырѣ, сейчасъ же можно замѣтить, что все это является послѣдствіемъ не одного только невѣжества, но также и незнакомства съ настоящими источниками, которые оказываются не только неизвѣстными, но и недоступными простымъ не ученымъ, изслѣдователямъ этого мелкаго историко-археологическаго вопроса. Часть желательныхъ источниковъ имѣется только въ иностранной литературѣ; еще болѣе между ними трудовъ рѣдкихъ или цѣнныхъ, а потому малодоступныхъ; многія, особенно журнальныя статьи, почти не находимы, тѣмъ болѣе въ провинціи [1]). Поэтому мнѣ казалось полезнымъ перепечатать въ приложеніи все мнѣ извѣстное въ литературѣ о Георгіевскомъ монастырѣ, носящее характеръ положительнаго факта, впервые сообщеннаго. Не видѣлъ надобности передавать вздорные вымыслы, особенно послѣдняго времени, и ничего подобнаго не перепечатывалъ; даже правильныя соображенія я не привожу, если они не самостоятельны, а только повторяютъ ранѣе сказанное или опираются на источники, приводимые мною въ подлинникѣ; отсюда слѣдуетъ, что очень многія изъ хорошо мнѣ извѣстныхъ статей, не только не перепечатаны, но и не указаны. Не могу думать, что мнѣ извѣстно все и что не найдется чего либо, мною упущеннаго; за указаніе подобнаго буду премного благода-

---

[1]) Въ моемъ распоряженіи очень большая библіотека по Крыму, и я всегда готовъ предоставить ее желающимъ для серьезныхъ занятій.

ренъ. Приводя эти источники, я и самъ принимаю ихъ въ соображеніе. Иностранныя сочиненія прилагаются съ переводами.

Обращаясь къ исторіи Георгіевскаго монастыря и желая находить въ ней только одну правду, не прійдется останавливаться на временахъ слишкомъ отдаленныхъ. Все то полубаснословіе, въ которомъ поминаются Тавры, Ифигенія съ Орестомъ, мысъ Пароеній и тому подобное ни малѣйшаго соотношенія не имѣетъ даже съ той мѣстностью, на которой стоитъ монастырь, а тѣмъ болѣе съ нимъ самимъ; перечисленіе всего этого въ настоящемъ случаѣ совершенно праздная и безпочвенная болтовня, не имѣющая ни малѣйшаго интереса новизны или оригинальности, такъ какъ повторяется издавна и излишне часто; она не свидѣтельствуетъ и о начитанности авторовъ, потому что всегда перепечатывается не изъ подлинныхъ источниковъ. Во всемъ этомъ вздорѣ впрочемъ было и хорошее; эти пересказы дали поводъ Пушкину «думать стихами» и написать звучное, прелестное, вполнѣ достойное дивной мѣстности монастыря «Посланіе Чадаеву»:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ.

Не менѣе праздное занятіе подбирать всякія событія изъ временъ основанія и развитія греческихъ колоній въ Тавридѣ, а за тѣмъ, въ связи съ этими колоніями, изъ исторіи Рима, Византіи или даже Россіи; подобное можетъ находить себѣ мѣсто въ описаніи жизни Херсонеса, но къ нашему монастырю также ни малѣйшаго прямого отношенія не имѣетъ.

Первое документальное свидѣтельство о Георгіевскомъ монастырѣ оказывается только отъ конца XVI вѣка; оно представляетъ намъ монастырь уже извѣстнымъ и, вѣроятно, давно существующимъ. Когда же онъ основанъ? На этотъ вопросъ нельзя дать точнаго отвѣта, а возможны лишь нѣкоторыя догадки, но прежде, чѣмъ я ихъ представлю, напомню, какъ рѣшали этотъ вопросъ донынѣ. Исключивъ тѣ монастырскіе вымыслы, о которыхъ предовольно говорено выше, ничего и никѣмъ не было высказано опредѣленнаго. «Время основанія неизвѣстно», вотъ можно сказать,—общее всѣмъ рѣшеніе, начиная съ того разслѣдованія, которое было сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ еще въ прошломъ вѣкѣ и о которомъ уже разсказано; такъ же говорятъ и всѣ болѣе или

менѣе оффиціальныя указанія; [1]) большинство другихъ просто молчитъ, очевидно подразумѣвая тоже самое. [2]) Сумароковъ (только въ 1-мъ, менѣе подробномъ и освѣдомленномъ путешествіи, въ «Досугахъ» онъ этого не повторяетъ) и отъ него взявшіе «описаніе монастырей» увѣряютъ бездоказательно, что монастырь, «современный древностью Херсонесу», что равносильно мнѣнію монастырскаго плотника, такъ какъ Херсонесъ основанъ гораздо ранѣе христіанства и, въ сущности, ничего не опредѣляетъ, [3]) Одинъ Броневскій и у него заимствовавшій Свиньинъ, говорятъ: «существуетъ около 1000 лѣтъ», но тутъ же прибавляютъ «и есть первый христіанскій храмъ, построенный въ Крыму»; [4]) ясно, что тысяча лѣтъ здѣсь просто значатъ много лѣтъ, но ничего опредѣленнаго въ численномъ смыслѣ не заключаютъ, да и никакого источника авторомъ не могло быть указано для оправданія его фантастической хронологіи. Мильнеръ предполагаетъ монастырь основаннымъ въ X вѣкѣ, будто бы тѣми монахами, которые бѣжали, не желая подчиниться ереси Фотія; все это говорится, конечно, безъ указанія источниковъ, да и простого смысла въ себѣ не заключаетъ. [5]) Наконецъ, одинъ неизвѣстный авторъ, но со словъ митрополита Хрисанѳа, настоятеля и возобновителя монастыря, говоритъ, что онъ построенъ еще во время татаръ (значитъ позже XIII вѣка), но это соображеніе, столь мало опредѣленное, рѣшительно ни на чемъ не основано, хотя и наиболѣе достовѣрно. [6]) Какъ видимъ въ монастырѣ и при митр. Хрисанѳѣ (начало XIX вѣка) никакихъ о немъ преданій не существовало.

Итакъ, писанныя свидѣтельства не говорятъ ничего, но въ археологіи не рѣдко бываетъ, что камни говорятъ куда больше и яснѣе людей; къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ нѣтъ и камней, а это по истинѣ изумительно. Монастырь занимаетъ едва ли не лучшее мѣсто, не только по красотѣ, но и по удобствамъ культуры, во всемъ округѣ Херсонеса. Въ этой сухой мѣстности, гдѣ искони гоняются за каждою каплею воды, довольно одного превосходнаго монастырскаго родника, чтобы оправдать мои слова Изъ этого великолѣпнаго мѣста только од-

---

[1]) **Ратшинъ, Стат. Обозрѣн. Севаст., Афанасьевъ, Лебединцевъ, прилож. XXII, XXXIV XLI, XLII.**

[2]) **Палласъ, Гутрн, Измайловъ, Кларкъ, Рельн, Разныя описанія. Муравьевъ, Гераковъ, Лайель, Дженсъ, Вебстеръ, Дюбуа, Демидовъ, Гемеръ де Гель, Мурзаневичъ; прилож.** IX, X, XII—XIII, XIV. XVIII, XXI, XXII, XXIII, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX. XXXI, XXXII, XXXIII, XXXV, XXXVI,

[3]) **Сумароковъ, прил. XI.**

[4]) **Броневскій, Свиньинъ, прилож. XXIV, XXX.**

[5]) **Milner, The Crimea its anc. and. med. history, London, 1855, 307 (прилож. XL)**

[6]) **О мѣстопол. Балакл. Георг. мон., прилож. XXV.**

ни наши пришельцы, сѣверяне монахи, ничего не умѣютъ сдѣлать и держать его въ видѣ одичалаго пустыря, зря выпуская воду, тогда какъ еще въ прошломъ и началѣ этого вѣка, пока монахами были греки, весь склонъ горы вверху былъ подъ огородами, садами и виноградниками, на что усиленно указываютъ всѣ путешественники [1]). Безъ сомнѣнія, это мѣсто, задолго до появленія монастыря, было занято культурой, а стало быть и поселеніемъ, вѣроятно, довольно значительнымъ и сравнительно богатымъ. Несмотря на всѣ эти вѣроятныя соображенія, на мѣстѣ Георгіевскаго монастыря нѣтъ и не было никакихъ древнихъ развалинъ: это не легко объясняется, но вѣрно. Есть развалины въ двухъ трехъ верстахъ, но это нѣчто совсѣмъ особенное, а въ самомъ монастырѣ кое-что найденное оказывается совершенно ничтожнымъ, хотя объ этихъ находкахъ такъ много говорили, что надо на нихъ нѣсколько остановиться.

Если хорошенько прочесть и сравнить показанія разныхъ авторовъ, то окажется, что навѣрно было находимо слѣдующее: колонна простого известковаго камня; плита (не колонна) съ греческою надписью будто бы 1175 года; другая плита съ однимъ только годомъ, 1747, греческими буквами [2]). Къ этому общеизвѣстному списку прибавлю маленькую капитель, хранящуюся въ Императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ [3]) и нѣсколько мраморныхъ обломковъ, видѣнныхъ Кларкомъ [4]). Все названное, кромѣ капители въ Эрмитажѣ, исчезло безслѣдно.

О колоннѣ Палласъ говоритъ, что она очень древняго происхожденія; не соображу, какое время онъ предполагаетъ подъ такимъ туманнымъ выраженіемъ и не думаю, чтобы онъ что либо понималъ вообще въ архитектурныхъ остаткахъ, а тѣмъ болѣе въ простомъ стержнѣ колонны безъ капители и, слѣдовательно, не заключающей въ себѣ рѣзкихъ признаковъ художественнаго стиля и времени. Колонна, судя по ея размѣрамъ (7 ф. $8^1/_2$ дюйм. дл. и 13 д. діаметр.), вѣроятно, византійско-христіанской эпохи, изъ какой-нибудь базилики, но болѣе опредѣленнаго ничего о ней нельзя сказать.

Капитель краснаго мрамора, не крымскаго, сложнаго ордера, I—II вѣка по Р. Х.; гдѣ и когда она найдена въ точности неизвѣстно, но

---

[1]) **Палласъ, Гутри, Кларкъ, прилож. IX, X. XIV, а также всѣ выше указанные рисунки.**

[2]) **Объ этихъ находкахъ говорятъ чуть не всѣ, укажу первыхъ: Pallas, op. c., 91; Clarke, op. c. 501; Сумароковъ, op. c., I, 201; Герановъ, op. c, 35: арх. Никономъ все это безпощадно перепутано.**

[3]) **Древн. Босф. Киммер. Импер. Эрм. (каталогъ), СПБ., 1886 г., стр. 19.**

[4]) **Clarke, op. c., 501.**

въ эрмитажномъ каталогѣ отмѣчена идущею изъ нашего монастыря; размѣры ея такъ незначительны (около фута въ діаметрѣ), что едва ли можно допустить принадлежность капители какому либо языческому храму; скорѣе можно думать, что она идетъ отъ мелкаго частнаго зданія или надмогильнаго памятника. У нея обдѣлана только одна сторона: стало быть колонна подъ нею была частью задѣлана въ стѣну, а не свободно стояла.

Нужно ли говорить, что эти ничтожныя и совершенно случайныя архитектурныя находки ровно ничего не значатъ и даже, всего вѣроятнѣе, были завезены въ монастырь просто, какъ обломки, въ самыя позднѣйшія времена, скорѣе всего изъ развалинъ Херсонеса; таковы же и кое какіе обломки мрамора, видѣнные, но не опредѣленные Кларкомъ. О надписи съ 1175 годомъ говорено выше. Плита съ этою надписью была задѣлана по словамъ Сумарокова, въ монастырской оградѣ и до сихъ поръ мы знали о ней только по единственному, явно невѣрному, списку данному, тѣмъ же Сумароковымъ, по которому нельзя было понять ея содержанія; [1]) такой извѣстный ученый и знатокъ этого дѣла, какъ В. В. Латышевъ, не нашелъ возможнымъ дать къ ней какое либо поясненіе [2]). Несомнѣнно было только, что годъ этой надписи, 1175, невозможенъ, такъ какъ въ XII вѣкѣ, въ Крыму, онъ не могъ быть такъ написанъ; уже и Кеппенъ замѣтилъ, что въ это время годъ писался отъ сотворенія міра, а не отъ Рождества Христова; прибавлю, что въ это время онъ могъ быть написанъ только греческими буквами, а никакъ не арабскими цифрами; стало быть эта надпись должна быть гораздо позднѣе XII вѣка. Тогда же Кеппенъ указывалъ, что она упоминаетъ о томъ самомъ Гервасіи Сумельскомъ, который вырубилъ надъ входомъ въ церковь деревни Стиля тоже надпись, о посѣщеніи ея въ 1754, 1760 и 1765 годахъ. [3]) Изъ вышеупомянутаго дѣла Святѣйшаго Синода мы можемъ извлечь гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія, не оставляющія сомнѣнія въ правильности догадокъ Кеппена. Преосв. Іовъ, узнавъ о существованіи въ монастырѣ надписи, посылалъ нарочнаго и затѣмъ доносилъ Святѣйшему Синоду, что «камень находится въ стѣнѣ церковной (а не въ оградѣ) возлѣ дверей, на которомъ бывшая щекатура въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1794 года обвалилась и на немъ стали видны слова какія жъ именно... представляю». Надпись списана видимо

---

[1]) **Сумароковъ**, ор. с., т. I, 202.

[2]) **Латышевъ**, Сборн. греч. надп. христ. врем., 36—37.

[3]) **Кеппенъ**, Крымскій сборникъ, 16—17; Сборникъ рукописей арх. Гавріила, т. II. вѣд. 53, деревня Стиля; Латышевъ, Сборникъ греч. надп., 36—37.

очень старательно и по толкованію тогдашняго синодскаго переводчика значитъ: «Памятникъ. Предадеся земли Гервасій Іеромонахъ Сумеліоти. Сдѣланный отъ Евгенія Іеремонаха». На камнѣ былъ, дѣйствительно, вырѣзанъ слѣва 1175 годъ, но справа 1760 и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и слѣва надо читать 1775 годъ— просто недорѣзали черточки вверху единицы сотенъ. В. В. Латышевъ вновь напечаталъ эту надпись по переданному ему мною синодскому списку, сопроводивъ все это учеными коментаріями; онъ не признаетъ правильности перевода прошлаго вѣка и не находитъ возможнымъ дать иной [1]). Наиболѣе вѣроятно, однако, что синодскій переводчикъ-грекъ, давая не просто буквальный, а такъ сказать объяснительный переводъ, достаточно понималъ смыслъ современныхъ и родственныхъ ему надгробій и что наша надпись только и можетъ быть надмогильною,—«памятникъ», какъ пояснилъ переводчикъ, того самаго Гервасія Сумельскаго, который во второй половинѣ прошлаго вѣка ѣздилъ по Крыму и между 1760 и 1775 годами былъ въ нашемъ монастырѣ, гдѣ скончался и погребенъ въ 1775 году [2]). Плита съ надписью исчезла изъ монастыря, вѣроятно, при разломкѣ древней церкви, неизвѣстно куда; она была очень небольшая, всего около 13 вершковъ длиною и 8 ши-

---

[1]) Латышевъ, Замѣч. къ христ. надпис. изъ Крыма, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XXI, стр. 225.

[2]) Монастырь Сумела (*Σουμελᾶ*), т. е. *ὁ εἰς τὸ Μελᾶ* находится на горѣ Мела (Черная), близъ г. Трапезунда, въ 10—12 часахъ пути (около 40 верстъ). Главный храмъ въ немъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Этотъ монастырь (*Εὐαγγελίδης, Ἱστορία τῆς Ποντικῆς Τραπεζοῦντος*, 28) основанъ, въ 386 г. двумя аѳинянами Варнавою и Софроніемъ, послѣдовавшими за чудотворною иконою Богородицы, писанной евангел. Лукою, указавшей имъ путь отъ Аѳинъ и мѣсто пустынножительства. Чудотворная икона Одигитріи (Путеводительницы) и понынѣ находится въ Сумельскомъ монастырѣ. который поэтому издревле пользуется большою извѣстностью во всей странѣ, и не только въ православномъ, но и въ магометанскомъ населеніи; церковь празднуетъ этому образу 18-го августа (Косолаповъ, Мѣсяцес. 387).

Разсказываютъ, что этому монастырю, благодаря особому случаю, покровительствовалъ одинъ изъ султановъ турецкихъ, давъ разныя льготы и снабдивъ большими средствами; вотъ какъ будто, было дѣло. Однажды, нѣкій султанъ, путешествуя и остановившись на ночлегъ въ монастырѣ, другіе говорятъ заблудившись на охотѣ, вздумалъ подробно его осмотрѣть, а при отъѣздѣ, принимая отъ настоятеля въ даръ драгоцѣнный умывальникъ, принадлежавшій еще одному изъ Комненовъ, спросилъ о причинѣ замѣченнаго имъ благоустройства монастыря, не смотря на суровую, неблагопріятную мѣстность. Настоятель отвѣчалъ совершенно въ восточномъ вкусѣ: «вечернее дѣло на утро не откладываемъ». Спустя нѣкоторое время, тотъ же султанъ, на военномъ совѣтѣ, собранномъ передъ большою битвою, изъ тѣхъ, что рѣшаютъ судьбы царствъ, склонился къ мнѣнію своихъ визирей и отложилъ начало сраженія до другого дня въ виду крайней усталости войскъ, подходившихъ къ ночлегу послѣ тяжелаго похода. Монастырскій умывальникъ, внесенный для омовенія въ концѣ совѣщанія вдругъ напомнилъ мудрое изреченіе монаха и султанъ, тутъ же, отмѣнивъ рѣшеніе совѣта и не давъ вздохнуть усталымъ, ропщущимъ войскамъ. повелъ ихъ лично въ жестокій бой, выигралъ его и широкими щедротами отблагодарилъ монастырь.

Въ этомъ преданіи дѣло идетъ, повидимому, о султанѣ Селимѣ I, который еще при отцѣ своемъ Баязетѣ II былъ губернаторомъ Трапезунта (его и называютъ, напр. Арсеній, Лѣтопись церк. соб., 587), а затѣмъ, уже будучи султаномъ (1512—1520) выигралъ у персовъ въ августѣ 1514 года, знаменитое сраженіе подъ Чалдираномъ, рѣ-

риною. Во всякомъ случаѣ, изъ этой надписи ничего нельзя извлечь касательно времени основанія нашего монастыря.

Камень съ однимъ 1747 годомъ греческими буквами, найденный мит. Хрисанѳомъ при построеніи Георгіевской церкви, понятно, не имѣетъ никакого значенія [1]).

Итакъ, извѣстные до сихъ поръ камни тоже ничего не могутъ сказать по исторіи монастыря.

Нѣкоторые старые предметы, сохраняющіеся въ монастырской ризницѣ относительно новы, да и находятся въ монастырѣ только со времени покоренія Крыма; завезли ихъ сюда тѣ греческіе іерархи, которые болѣе полувѣка находили пріютъ въ нашемъ монастырѣ. Все что было въ древнемъ монастырѣ, «ризничныя вещи и образа всѣ безъизъятно», взяты митрополитомъ Игнатіемъ въ Маріуполь, какъ доносилъ Іовъ, разслѣдовавъ это дѣло по требованію Святѣйшаго Синода, 10-го августа 1795 года, № 532. Даже антиминсъ съ престола былъ взятъ, а по его истребованіи Іовомъ оказалось, что онъ освященъ для всякаго мѣста тѣмъ же Игнатіемъ и всего 21-го ноября 1772 года. Этотъ антиминсъ сохранился и до сихъ поръ, въ чемъ я убѣдился совершенно случайно, осматривая Кіевскій музей Духовной Академіи. По розыскамъ оказалось, что антиминсъ, за упраздненіемъ Ѳеодосійской викарной епархіи, переходилъ вмѣстѣ съ ея архивомъ и, наконецъ, былъ переданъ изъ Екатеринослава, въ 1876 году, въ церковный музей при Кіевской Духовной Академіи, гдѣ и хранится, въ четвертой комнатѣ, подъ № 2702. Это единственный несомнѣнный предметъ, принадлежавшій монастырю до русскихъ временъ [2]). Къ сожалѣнію, присланный Іову

шившее участь всей Мессопотаміи; начало этого сраженія дѣйствительно напоминаетъ въ общемъ обстоятельства, указываемыя преданіемъ. Этимъ султаномъ перекрыта и крыша съ куполами и крестами на церкви Успенія Богородицы въ монастырѣ. (См. Hammer, Hist. de l'Emp. Ottoman., IV, 103, 193).

Крымъ, въ которомъ этотъ монастырь также высокопочитался, находился съ нимъ, повидимому, въ постоянномъ, сосѣдскомъ общеніи; главный крымскій монастырь, тоже съ церковью во имя Успенія Богородицы въ Бахчисараѣ, былъ подражаніемъ Сумельскому и наша чудотворная икона, нынѣ Маріупольская, копія Малоазійской Путеводительницы, что подтверждаютъ и старинные разсказы приводимые Накропинымъ (Пещерная скала, Таврич. Епарх. Вѣд., 1880, № 2, 88), о происхожденіи иконы изъ Анатоліи. До сихъ поръ Сумела владѣетъ имуществами въ Крыму, куда и наѣзжаютъ его представители. Можно думать, что всего скорѣе въ этомъ монастырѣ могутъ найтись источники для исторіи самаго глухого времени въ Крыму XIV—XVIII вѣковъ. Карауловъ, сочинившій историческую повѣсть «Ѳеодора, владѣтельница древнейшей Сугдаи» будто бы на точномъ основаніи рукописи Сумельскаго монастыря (стр. 4—6, 100), подъ именемъ монастыря Успенія Божіей Матери, безъ сомнѣнія, разумѣлъ Сумельскій монастырь; онъ, вѣроятно, не все выдумалъ, а и въ дѣйствительности читалъ, или слышалъ, что либо въ этомъ родѣ.

[1]) Гераковъ, ор. с.; прилож. XXVII.

[2]) Петровъ, Указ. церк. арх. муз. Кіевск. Дух. Акад., стр. 59 (для антиминса) и 205 № 160 (для евангелія, о которомъ см. дальше, прим. I-ое)

«реестръ» предметовъ взятыхъ изъ нашего монастыря, не былъ посланъ въ Святѣйшій Синодъ и я не могъ его розыскать, а надо думать, изъ него можно было бы получить нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ былъ нашъ монастырь до прихода русскихъ [1]); этой любопытнѣйшей описи нѣтъ и въ бумагахъ митр. Гавріила; остается поискать ее въ Екатеринославѣ, въ старыхъ дѣлахъ Ѳеодосійской епархіи. Въ числѣ будто бы древнихъ предметовъ, имѣющихся въ монастырѣ, указываютъ картину (Благословеніе дѣтей Ноемъ), на которой помѣченъ 1081 годъ, но само собою разумѣется, что этотъ годъ надо читать просто 1801-мъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ еп. тавр. Гермогенъ [2]).

Ничтожество найденнаго или сбереженнаго въ монастырѣ пополнилось совершенно неожиданнымъ, случайнымъ открытіемъ, весной 1908 года. Много ниже старинной площадки монастыря, въ сторонѣ отъ нея, къ востоку, на очень крутомъ склонѣ горы, надумали монахи разровнять площадку для посадокъ; срѣзывая съ этой цѣлью крутой откосъ, они обнаружили верхъ естественной пещеры, а по расчисткѣ ея до низа оказалось, что пещера внутри довольно правильно обрублена, выровнена и была маленькой церковью. Въ ней отлично сохранились престолъ и передъ нимъ низкая алтарная преграда, вырубленные изъ самой скалы; на престолѣ примѣтны остатки желѣзныхъ пироновъ дающіе поводъ думать, что верхъ престола былъ покрытъ плитой твердаго камня, мо-

---

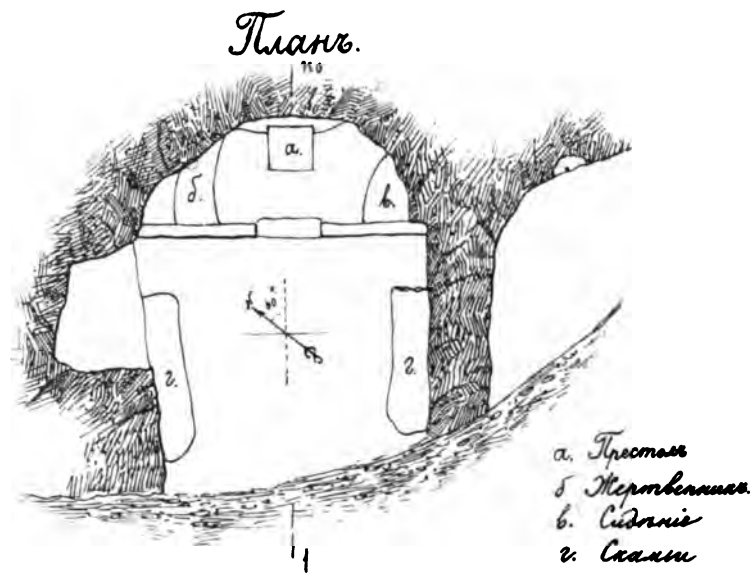
[1]) **Дѣло Святѣйшаго Синода, № 41.**

[2]) **Гермогенъ еп., Таврическая епархія, 471.** Остальные предметы, теперь сохраняющіеся въ монастырской ризницѣ, описаны у Никона и въ другихъ монастырскихъ изданіяхъ; все это появилось въ монастырѣ уже въ русскія времена и ни какого интереса, въ смыслѣ настоящихъ замѣтокъ, не представляетъ.

Бывшее въ нашемъ монастырѣ греческое евангеліе, рѣдкая полная рукопись XI вѣка, спасено отъ истребленія счастливой случайностью. Еп. таврическій Гурій, во время своего посѣщенія монастыря (въ 1869 году), усмотрѣлъ и извлекъ эту рукопись изъ груды разнаго рукописнаго и печатнаго хлама, предназначеннаго къ сожженію, поручивъ тому же достопамятному Никону (позже его бытія архимандритомъ) пересмотрѣть все остальное. Никонъ донесъ, что найденное евангеліе оказалось единственною книгою, а остальное годится, будто бы только на подтопку печей, куда и было обращено. Спасенная рукопись евангелія нынѣ хранится въ музеѣ Кіевской Духовной Академіи, куда она была переслана еп. Гуріемъ. Жаль, конечно, что монастырь въ этотъ разъ лишился не выдуманной, а дѣйствительно въ немъ бывшей «небесной драгоцѣнности», говоря словами Никона, но утѣшительно хотя то, что въ музеѣ эта рукопись избавлена отъ мудрыхъ распоряженій новыхъ Никоновъ, которыхъ монастырю, по грѣхамъ нашимъ, видно не избыть. Подробности обо всемъ этомъ и о самой рукописи евангелія см. въ ст. **Греческое рукописное евангеліе, наход. въ библ. Таврич. семинаріи, Зап. Имп. Арх. Общ. нов. сер., т. I, стр. 97 и далѣе.** По припискамъ сдѣланнымъ на рукописи можно думать, что она даже и писана въ Крыму и, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно находилась въ немъ съ XI вѣка, но также несомнѣнно, что съ той поры по конецъ XVIII вѣка принадлежала не нашему монастырю, а какой то церкви (во имя св. Николая) въ Керчи или въ Ѳеодосіи, гдѣ была еще и въ 1731 году (послѣдн. приписка) Всего вѣроятнѣе, что въ нашъ монастырь эта рукопись завезена такъ называемыми албанцами, когда они переходили, въ 1783 году изъ Керчи и Ѳеодосіи въ Балаклаву, такое предположеніе объясняетъ, почему это евангеліе не попало въ Мариуполь вмѣстѣ съ выселившимися и забравшими все съ собой, до чиста, крымскими греками (см. выше).

жетъ быть мрамора. Лицо пещеры, а частью и ея бока, теперь открытыя, въ свое время конечно были задѣланы стѣночками изъ каменной кладки, отъ которыхъ теперь ничего не сохранилось и, кажется, даже и при раскопкахъ не было находимо. Въ связи съ церковью были по сторонамъ и другія пещеры, очевидно служившія жильемъ. Что именно обнаружено лучше словъ покажетъ сдѣланный мною чертежикъ; надобно только замѣтить, что на разрѣзѣ, по недосмотру, алтарная преграда показана, какъ бы сложенной изъ камня, тогда какъ она вырублена изъ материковой скалы, какъ указано выше.

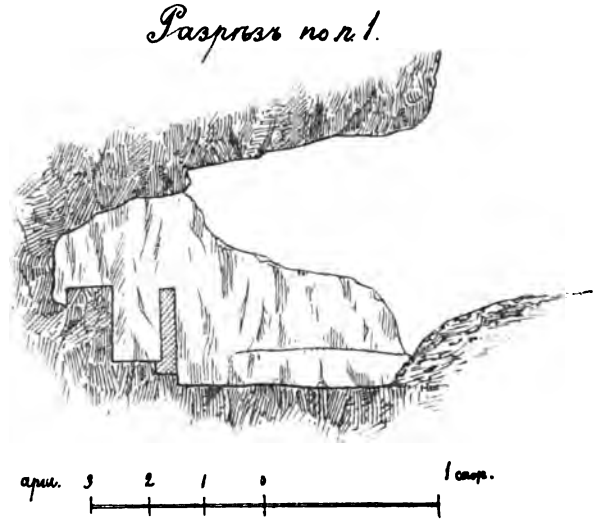
При раскопкѣ, кажется, ничего не было найдено, по крайней мѣрѣ я ничего не видѣлъ; по виду открытаго также нельзя сказать чего либо опредѣленнаго о времени, къ которому возможно отнести эту церковь. Слѣдуетъ еще замѣтить, что направленіе алтаря и здѣсь, какъ и вообще въ Херсонесѣ, на сѣверо - востокъ; хотя это и обусловливалось, отчасти, направленіемъ пещеры, но все же примѣчательно.



Всего вѣроятнѣе, церковь была покинута вслѣдствіе разрушенія и сплыванія скалы, вывѣтривающейся на воздухѣ; это соображеніе уже можетъ отчасти сказать, что таковая церковь едва ли могла существовать долго; во всякомъ случаѣ, она была покинута и забыта очень давно, такъ что успѣла совершенно заплыть и засыпаться землей безслѣдно, въ такомъ видѣ она была уже при занятіи нами монастыря.

Раскопки вокругъ еще не закончены, и можетъ быть ихъ продолженіе показало бы что нибудь, почему и весьма желательно, чтобы это произвела Археологическая Коммиссія. Пока открытое служитъ указаніемъ, какими могли быть церкви въ скалахъ монастыря и всего

лучше показываетъ, до чего было невѣроятно считать церковью пещеру, изображенную на вышеприведенномъ рисуночкѣ Струкова.



Изъ всего вышесказаннаго относительно древностей монастыря, съ новымъ, открытіемъ включительно, какъ видно, тоже ничего нельзя извлечь для опредѣленія времени его основанія.

Единственное свѣдѣніе, на которомъ можно построить нѣкоторыя предположенія о времени сооруженія древней монастырской церкви, я нашелъ тамъ, гдѣ его, казалось, нельзя было встрѣтить, а именно на одномъ изъ вышеупомянутыхъ рисунковъ монастыря, сдѣланномъ Кюгельхеномъ. Видъ Георгіевскаго монастыря находится на первомъ листѣ тетради литографій крымскихъ видовъ этого художника, появившейся въ 1827 году. Поздній годъ этого изданія не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ на рисункѣ изображена только древняя церковь и вовсе не показана новая, начатая постройкой въ 1811 году, освященная въ 1816 и понынѣ существующая. Отсюда уже слѣдуетъ, что Кюгельхенъ зарисовывалъ свой видъ ранѣе 1811 года, но такъ какъ опредѣленіе здѣсь времени имѣетъ значеніе, то я и предпринялъ по этому вопросу нѣкоторые розыски. Оказалось, что о самомъ Кюгельхенѣ (Карлѣ) и его старшемъ братѣ (Герардѣ), оба извѣстные художники-живописцы, появилось въ послѣднее время нѣсколько воспоминаній съ ихъ біографіями. Тамъ можно найти, что К. Кюгельхенъ путешествовалъ по Крыму въ теченіе 1803—6 годовъ и на щедрое пособіе Александра I, заготовилъ болѣе 200 этюдовъ [1]). По этимъ этюдамъ имъ же были сдѣланы, помѣченные 1824 годомъ, 40 листовъ великолѣпныхъ сепій, тщательнѣйшей работы, купленныхъ Государемъ и хранящихся въ Эрмитажѣ (старый № 10,301; размѣръ ихъ 42×32 см.) Какъ ни хороши эти сепіи, но характеръ ихъ почти исключительно живописный и для

[1]) Семья нѣмецкихъ художниковъ, Ист. Вѣст., 1906, Іюль, 188.

познанія прошлаго Крыма, конечно, много болѣе могли бы служить подлинные, первоначальные этюды сдѣланные на мѣстѣ, въ особенности неиспользованные для сепій и находящіеся, вѣроятно, у потомковъ художника. Обративъ часть своихъ этюдовъ въ законченные рисунки для Государя, художникъ тогда же задумалъ издать ихъ литографіей въ Парижѣ. Предполагалось напечатать 48 видовъ въ шести тетрадяхъ, но вышла только одна вышеуказанная въ восемь листовъ, съ однимъ листкомъ объясненій на французскомъ языкѣ, печатанная въ Петербургѣ, составляющая теперь большую библіографическую рѣдкость [1]). Объ этомъ изданіи предварялъ читателей Кеппенъ въ 1825 году, говоря, что рисунки сдѣланы «за двадцать лѣтъ передъ симъ», въ точности этимъ подтверждая вышеуказанное время поѣздки Кюгельхена въ Крымъ, за нѣсколько лѣтъ до разрушенія древней церкви Георгіевскаго монастыря [2]). Позже эти самые восемь видовъ Крыма были переизданы въ Москвѣ, очень плохой литографіей, тоже составляющей великую рѣдкость; здѣсь хотя и говорится, что это переводъ съ французскаго, но авторъ не названъ [3]). Сравнивая листы литографій съ Эрмитажными подлинниками можно, примѣтить кое-какія мелкія различія, однако ясно показывающія, что рисунки дѣлались не прямо на мѣстѣ, а по предварительнымъ этюдамъ и набросками и въ этомъ согласуясь съ указаніями воспоминаній о художникѣ. Сепіи, конечно, лучше литографій, къ тому же послѣднія хотя и очень рѣдки, но все же изданы, а потому я прилагаю здѣсь видъ монастыря точной фототипіей по сепіи Эрмитажа, лишь уменьшивъ ее ровно вдвое.

Въ этомъ видѣ монастыря церковь оказывается изображенной съ такой, повидимому незначительной подробностью, которая говоритъ однако очень много. Эта церковь (крайнее справа зданіе) представлена съ крышей имѣющей приподнятую середину, совершенно также, какъ то должно быть въ церквахъ построенныхъ по типу базилики въ три корабля. Конечно, все это просто добросовѣстная и умѣлая передача видѣннаго, такъ какъ выдумать такую подробность и даже имѣть о ея значеніи представленіе не могъ Кюгельхенъ. Однако, рисунокъ Палласа, указанный выше, иной; на немъ церковь представлена въ группѣ неопредѣленнаго очертанія обыкновенныхъ зданій, простой прямоугольной формы. Рисунокъ Палласа данъ въ 1794 году, т. е. ранѣе Кю-

---

[1]) **Kugelgen, Vues pittoresque de la Crimée, St.-Petersb., pl. I.**

[2]) **Библіографическіе листы, 1825 года, № 14, стр. 204.**

[3]) **Новое живописное путешествіе по Крыму въ восьми искусно литографированныхъ картинахъ и т. д., 1833 г., Москва.**

гельхена и слѣдовательно, какъ не мало вѣроятно это, можно думать, что ко времени Кюгельхена древнюю церковь передѣлали.

Къ разрѣшенію такого сомнѣнія указалъ мнѣ путь Я. И. Смирновъ, ему и приношу глубочайшую благодарность. Съ величайшею любезностью и предупредительностью онъ, зная, что я интересуюсь рисункомъ Кюгельхена, указалъ мнѣ подобный же, открытый имъ въ собраніи рисунковъ, принадлежавшихъ королю Станиславу Августу, находящихся въ библіотекѣ Академіи Художествъ [1]). На этомъ рисункѣ Георгіевскаго монастыря надписано, что это копія съ рисунка кавалера Уорслея и это имя направило мои розыски къ знаменитому изданію «*Museum Worsleyanum*», гдѣ и дѣйствительно оказался превосходный видъ Георгіевскаго монастыря.

Это открытіе было такъ неожиданно и любопытно, что я всевозможными справками старался его выяснить. Благодаря величайшей предупредительности того же Я. И. Смирнова въ Петербургѣ и Е. И. Миннса въ Кембриджѣ, которымъ, по истинѣ не знаю, какъ и выразить мою глубочайшую благодарность, я былъ снабженъ всяческими, самыми подробными свѣдѣніями и рисунками. Изъ всего этого и иныхъ моихъ поисковъ оказалось вкратцѣ вотъ что.

Уорслей (sir Richard Worsley) богатый, знатный англичанинъ, предпринялъ въ 1785 году поѣздку изъ Рима на востокъ. Въ Константинополѣ, весной слѣдующаго 1786 года, онъ встрѣтился съ своей соотечественницей, извѣстной леди Кравенъ, только что прибывшей изъ Севастополя на русскомъ военномъ фрегатѣ. Крымъ въ то время казался очень далекимъ, новымъ и привлекательнымъ, тѣмъ болѣе, что туда-же ожидалась поѣздка Екатерины и леди Кравенъ доставила возможность Уорслею проѣхать туда на возвращающемся фрегатѣ [2]), вмѣстѣ съ приглашеннымъ имъ изъ Рима спутникомъ, извѣстнымъ художникомъ Ревлеемъ (William Reveley), рисовавшимъ всѣ виды. Въ Крымъ они отправились 29-го мая 1786 года и пробыли тамъ, повидимому, не долго, но все же вывезли оттуда четыре превосходно сдѣланныхъ вида (Георгіевскій монастырь, Ѳеодосія, Старый Крымъ и Балаклава). Изъ Крыма Уорслей отправился въ Москву и Петербургъ и затѣмъ, ко-

---

[1]) Портфель 176, № 382.

[2]) Craven, A journey through the Crimea, London, 1789, 214. Въ Крыму была съ 3 по 13 Апрѣля, 1786 года; 20 Апрѣля уже въ Перѣ. Ѣздила въ Крымъ изъ Петербурга съ большими рекомендаціями Потемкина и даже самой императрицы, какъ бы въ видѣ испытанія безопасности и удобиосполнимости такого путешествія.

нечно, черезъ Варшаву, гдѣ и оставилъ копіи нѣсколькихъ своихъ рисунковъ Станиславу Августу, возвратился въ Римъ въ апрѣлѣ 1787 года [1]).

Описаніе всѣхъ собранныхъ Уорслеемъ коллекцій, древностей и рисунковъ появилось вскорѣ въ роскошнѣйшемъ изданіи 1794 года. Появившись въ чрезвычайно ограниченномъ числѣ экземпляровъ оно оставалось очень мало извѣстнымъ и Европа съ нимъ познакомилась только при второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1824 году, съ котораго были сдѣланы простенькіе, но удободоступные переводы на итальянскій и нѣмецкій языкъ, и теперь не составляющіе особой рѣдкости [2]). Ни перваго, ни второго изданія, насколько знаю, нѣтъ въ Россіи; фотографическими снимками рисунковъ перваго изданія, а также всяческими о немъ свѣдѣніями меня снабдилъ Е. И. Миннсъ, пользуясь экземпляромъ Кембриджскаго университета, и Я. И. Смирновъ.

Всѣ коллекціи Уорслея достались его племянницѣ, вышедшей замужъ за перваго графа Ярборо, и находятся въ родовомъ замкѣ послѣднихъ (Brocklesby Park, Lincolnschire). По любезнѣйшему сообщенію ихъ настоящаго владѣльца. графа Ярборо, которому свидѣтельствую мою глубокую благодарность, оказывается, что всѣ четыре крымскіе вида, сохранились въ замкѣ и до сихъ поръ, несмотря на бывшій тамъ пожаръ; всѣ они работаны сепіей (water – colour painting in sepia), очевидно тоже по вывезеннымъ этюдамъ и наброскамъ; размѣръ вида Георгіевскаго монастыря 49×33 см.; почти того же размѣра и прочіе виды Крыма. Съ этихъ сепій для печати перваго изданія были сдѣланы великолѣпнѣйшія гравюры, но уменьшеннаго размѣра, 30×20 см.

Нашелся и еще видъ монастыря, работанный въ 1787 году; онъ находится въ альбомѣ рисунковъ Мих. Матѳ. Иванова, хранящемся въ Эрмитажѣ [3]). Этотъ видъ также сдѣланъ сепіей, размѣромъ 33×22 см.

Оба только, что указанные вида, и Уорслея, и Иванова, сняты съ одного мѣста и до мелочей похожи одинъ на другой, однако не такъ, чтобы въ какомъ либо изъ нихъ заподозрить копію съ другого. На обоихъ видъ монастырской церкви точно такой же, какъ показанъ Кюгельхеномъ, слѣдовательно всѣ эти три превосходные художники, Ревлей,

---

[1]) Smith, A Catalogue of Antiquities in the collection of the Earl of Yarborough 1897 London., introd., 1, 3.

[2]) Museum Worsleyanum, or a collection of antique basso relievos, bustos, statues and gems, with vews of places in the Levant taken on the spot in the years 1785—6 and 7. London, 1794. Объ участіи Ревлея, т. I, стр. 2; видъ Георгіевскаго монастыря и немѣющее значенія описаніе (см. VI прилож.), на стр. 111. Это первое изданіе напечатано этого въ 50 полныхъ экземплярахъ и стоило до 27.000 фунтовъ (Biogr. universelle anc. ac moderne, Paris, 1828, T. LI, 205).

[3]) Книга Е, № 186, рис. 62.

Ивановъ и Кюгельхенъ, одинаково точно изобразили видѣнное ими. Послѣ всего сказаннаго несомнѣнно, что церковь монастыря изображена на этихъ видахъ именно такою, какою она была издавна. Иное ея изображеніе у Палласа объясняется гораздо меньшею тщательностью рисунка (художника Г. Гейслера), его меньшею величиной и большею простотой, эскизностью.

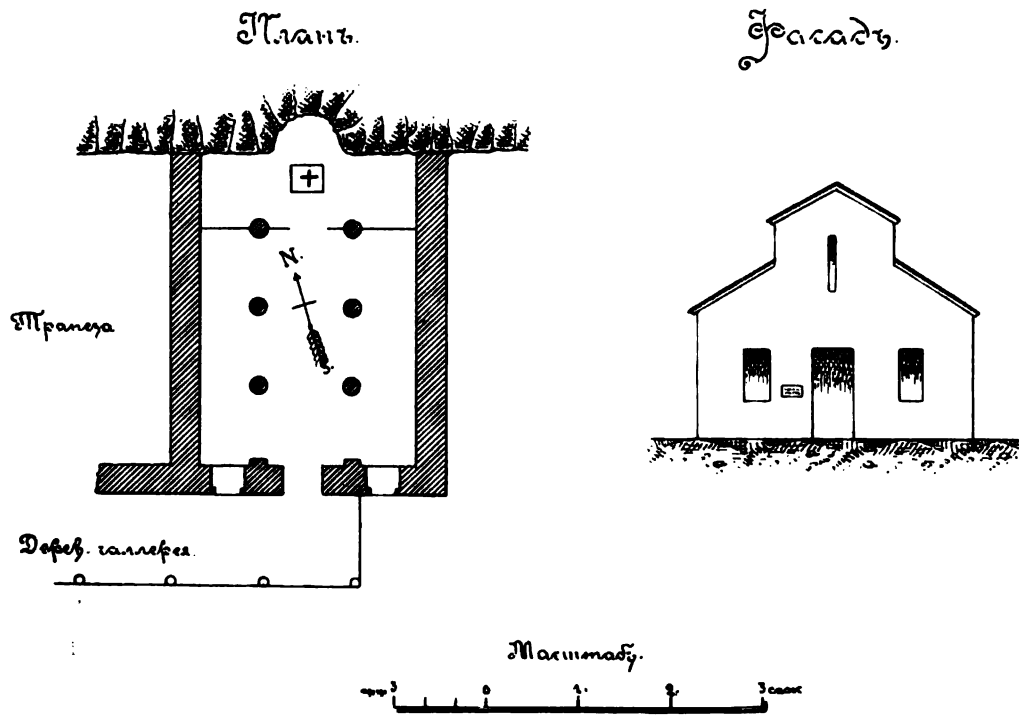
О такомъ замѣчательномъ типѣ церкви въ видѣ базилики не говоритъ ни одинъ изъ старыхъ писателей очевидцевъ, но это потому, что всѣ они, не обращая вниманія на церковную архитектуру, по условіямъ своего времени, не умѣли видѣть то, что дѣйствительно того стоило и составляло важнѣйшую сторону дѣла.

Монастырская базилика должна была имѣть внутри два ряда столбовъ, которыми могли быть такія колонны, какъ упомянутая выше. Случалось не рѣдко, что часть проходовъ между колоннами задѣлывали сплошными стѣнками, тогда колонны всѣ или частью, выбрасывались; дѣлалось это для лучшей опоры стѣнъ средняго корабля, стоявшихъ на колоннахъ, а иногда для отгораживанія въ церкви особаго отдѣленія, чего то въ родѣ діаконика, ризницы.

Порывшись въ монастырскихъ или старыхъ епархіальныхъ дѣлахъ (въ Екатеринославѣ), мнѣ кажется можно было бы найти болѣе подробныя указанія, но уже и теперь можно считать установленнымъ слѣдующее: древняя церковь находилась на той самой площадкѣ, что и существующая внизу во имя св. Георгія; она примыкала алтарной стороной къ скалѣ; ея планъ былъ базиличный, съ двумя рядами колоннъ, не болѣе двухъ-трехъ съ каждой стороны; направленіе ея алтаря было на лѣтній востокъ, т. е. сѣверо-востокъ, не вынужденное мѣстными условіями; стѣны церкви были сложены изъ бутового камня на известковомъ растворѣ съ цемянкой; въ наружной щипцовой стѣнѣ были два окна и одна входная дверь внизу и одно окно вверху; слѣва къ церкви примыкали вплотную трапеза и кельи, съ которыми церковь сообщалась крытымъ деревяннымъ переходомъ. Все это добыто изъ описаній и рисунковъ или видѣно еще мною. При возстановленіи плана и вида церкви, схематически говоря, она должна походить очень близко на изображенія на стр. 61.

Всѣ эти свѣдѣнія уже даютъ кое-что, особенно, если принять въ соображеніе подробности крымской церковной архитектуры вообще, а херсонесской въ особенности. Древнія церкви въ Херсонесѣ часто строились на извести съ цемянкой; этотъ способъ кладки стѣнъ держался въ

Крыму весьма долго, начавъ исчезать въ татарское время; въ XV и даже XIV вѣкахъ такую, кладку, повидимому, перестаютъ употреблять. Такимъ образомъ, видя въ древнемъ зданіи въ Крыму кладку съ цемянкой, можно предположить, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что таковая относится ко времени не позже XV вѣка. По этому признаку можно полагать, что и церковь нашего монастыря не моложе этого времени. Базиличный типъ ея ничего точнаго, относительно времени не можетъ сказать, встрѣчаясь едва ли не во всю историческую жизнь Херсонеса, но все же онъ свидѣтельствуетъ, что эта постройка едва-ли позже вышеуказаннаго времени и что она ни подъ какимъ видомъ не могла считаться пещерной [1]).



Гораздо труднѣе опредѣлить, не ранѣе какого времени наша церковь; здѣсь могутъ быть даны только соображенія неимѣющія достаточно твердыхъ основъ. Напомню, чѣмъ былъ нашъ монастырь къ приходу русскихъ: маленькая, неогражденная со стороны обрыва площадка, саженъ сорокъ квадратныхъ, на которой ютилась церковка, могшая вмѣстить съ полсотни молящихся, да два три домика, съ тремя-пятью монахами. Все

[1]) Подробности относительно Херсонесскихъ базиликъ въ «Раскопкахъ Херсонеса» стр. 35, 48—51.

это очень бѣдное и жалкое, особенно если сравнить съ развалинами даже позднѣйшаго Херсонеса, подъ вліяніемъ котораго только и могъ быть построенъ нашъ монастырь. Византійскій Херсонесъ, тотъ, котораго развалины откапываютъ теперь съ такимъ успѣхомъ, былъ во всѣ времена не особенно богатымъ строителемъ; его церкви въ общемъ, малы и плохи, но все же до такой ничтожной бѣдности, какъ нашъ монастырь, онѣ не доходили. Невозможно думать, чтобы Херсонесъ когда либо могъ ограничиться такимъ жалкимъ монастыремъ, тѣмъ болѣе, если допустить, что этотъ монастырь былъ изъ числа особенно почитаемыхъ вслѣдствіе чудеснаго явленія иконы. По крайней мѣрѣ все то, что мы находимъ въ Херсонесѣ въ сколько нибудь цѣломъ видѣ, несравненно лучше церкви нашего монастыря [1]). Отсюда можно думать, что нашъ монастырь строился не ранѣе времени самаго послѣдняго упадка Херсонеса или даже тогда, когда городъ былъ почти покинутъ жителями. За это соображеніе говоритъ еще одно обстоятельство. Херсонесъ, какъ извѣстно, былъ окруженъ хорошими стѣнами; по его особымъ условіямъ жизни это было необходимо не ради красоты и не только на случай какихъ либо рѣдкихъ временъ войны, а было, такъ сказать, ежедневною потребностью. Можно съ увѣренностью сказать, что жизнь гражданъ Херсонеса, внѣ его стѣнъ, во всѣ времена существованія города, была обезпечена крайне плохо, такъ что и сельское населеніе въ большинствѣ жило въ городѣ, а внѣ его пребывало лишь временно, въ постоянной готовности бѣжать, скрываться въ городѣ. Такимъ положеніемъ вещей объясняется рѣдкое нахожденіе развалинъ деревень вокругъ города, тогда какъ сохранились безчисленныя примѣты даже простыхъ маленькихъ оградъ, на сухо сложенныхъ вокругъ полей; по той же причинѣ, въ многочисленныхъ, сохранившихся развалинахъ одиночныхъ загородныхъ домовъ, почти всегда встрѣчаются помѣщенія, сложенныя изъ громадныхъ камней, не поддающіеся разрушенію иначе, какъ путемъ чрезвычайныхъ усилій; въ нихъ можно было отсидѣться и кое что спрятать, при нападеніи мелкихъ шаекъ грабителей [2]).

---

[1]) О времени построенія многихъ Херсонесскихъ церквей см. въ «Раскопкахъ Херс.», стр. 51: также «Кондаковъ и Толстой, Русскія древности», вып. IV, стр. 14—15.

[2]) Планы этихъ сооруженій можно видѣть у Дюбуа (Voyage etc., I sér., pl XXI), хотя и очень невѣрныя; у Аркаса (Опис. Иран. полуострова, табл. IV—V.), тоже не очень сходныя съ дѣйствительностью. Дюбуа, сочиненіе котораго пользуется до сихъ поръ совершенно незаслуженнымъ авторитетомъ, и въ текстѣ своемъ (т. IV, 174 и далѣе) и на планѣ (I série, заглавн. и XX листы) изобразилъ остатки не только безчисленныхъ древнихъ оградъ и дачъ (болѣе 300), но даже и 12 деревень. Я имѣлъ возможность не только повѣрить все это, но и пользоваться особенно тщательно сдѣланною подробнѣйшею картой, на которой усердно назначались всѣ древнія стѣночки и могу увѣрить, самымъ положительнымъ образомъ, что планы Дюбуа, сдѣланные по плохой картѣ, а не снятые съ натуры, никакого подобія не имѣютъ съ дѣйствитель-

Все это совершенно понятно и естественно для пограничнаго города, во всѣ времена своей жизни наполненнаго не малымъ числомъ эксплуататоровъ, возбуждавшихъ ненависть окрестнаго населенія, состоявшаго изъ варваровъ, съ разными наименованіями, но съ неизмѣнно разбойничьими наклонностями. Если, при такихъ условіяхъ, нельзя придать большого развитія сельскимъ поселеніямъ, то еще труднѣе устраивать загородные монастыри, изъ которыхъ не легко успѣть во время бѣжать въ городъ, а главное, унести и спрятать церковную святыню, утварь и имущество. Этимъ объясняется, почему во всѣхъ ближайшихъ окрестностяхъ Херсонеса, переполненнаго церквами, не находятъ признаковъ древнихъ монастырей или церквей. Исключеніемъ была церковь надъ могилой св. Климента, на островѣ Казачьей бухты, но это исключеніе подтверждаетъ правило, такъ какъ даже надъ такою святыней часовня, построенная по необходимости внѣ города, да и то на самомъ берегу укрытой бухты, посѣщалась только разъ въ годъ, водою, а затѣмъ ранѣе времени Константина Философа была разорена и совершенно забыта. Возстановленная, она благодаря своему исключительному положенію, продержалась почти до прихода русскихъ. [1]) Недавно найдена еще крестообразнаго плана церковь внѣ стѣнъ города, кладбищенская; но и она, не смотря на близость къ городу, была окружена особой крѣпостной оградой. Изъ всего сказаннаго возможенъ тотъ выводъ, что всѣ монастыри Херсонеса, а таковые были непремѣнно, находились въ самомъ городѣ, но не въ окрестностяхъ его, стало быть мало вѣроятно существованіе нашего монастыря, пока былъ цѣлъ городъ. Когда Херсонесъ сталъ хирѣть, населеніе его брело врознь, стѣны обваливались, брошенныя безъ починокъ, или растаскивались самими же жителями, а надъ всѣмъ Крымомъ простерлось, почти съ стихійной силой, владычество татаръ, передъ которымъ всѣ уравнивались и никакое ему сопротивленіе или спасеніе отъ него, иное чѣмъ покорность, не казались возможными даже и за стѣнами, тогда только становится вѣроятнымъ возникновеніе внѣ городскихъ стѣнъ монастырей, видѣвшихъ свою защиту и охрану не въ прочныхъ стѣнахъ и мужествѣ защитниковъ, а въ убожествѣ и смиреніи. Окрестная городская территорія, каменистая безводная и безплодная, вслѣдъ за запустѣніемъ Херсонеса, жившаго

ностью и составлены имъ очевидно на глазъ, а не какимъ либо топографическимъ путемъ; стѣночки существуютъ, конечно, и даже ихъ гораздо больше, чѣмъ показано у Дюбуа, но ихъ расположеніе иное, дачъ разъ въ пять меньше, а деревень почти нѣтъ и слѣда; во всемъ этомъ, у Дюбуа, особенно много необузданной фантазіи.

[1]) Подробности въ Раскопкахъ Херсонеса» стр. 58—63; тамъ же и свидѣтельства того, насколько не обезпечены были окрестности города.

торговымъ посредничествомъ, никого не привлекала; почти покинутая населеніемъ, она пренебрегалась и татарами; вотъ въ такую то пору, вѣроятно, на ней и возникъ нашъ монастырь, такъ ловко пріютившійся подъ скалою, что его ни откуда не примѣтно, да если бы и увидѣли случайно, то нашли бы въ немъ такую жалкую бѣдность, которую и трогать не стоило. Если мы теперь вспомнимъ, что Херсонесъ совершенно исчезаетъ въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка, то можно предположить съ нѣкоторымъ основаніемъ, что около того же времени основался и нашъ монастырь, всего вѣроятнѣе, усердіемъ кого либо изъ послѣднихъ жившихъ въ городѣ іерарховъ херсонесской епархіи или жителей Херсонеса, но, во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ его обычаевъ и порядковъ. Это сказалось, какъ въ базиличномъ типѣ церкви, такъ и въ направленіи ея алтаря на сѣверо-востокъ; и то и другое особенности, свойственныя Херсонесу. Нельзя не замѣтить, что въ XV вѣкѣ, вѣроятно, въ его первой половинѣ, основался и Успенскій пещерный монастырь въ Бахчисараѣ, единственный въ Крыму, о которомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописей. [1]) Около тѣхъ же вѣковъ, XIII—XV частью ранѣе, устроены многія крымскія пещерныя церкви, имѣющія совершенно монастырскіе обликъ и обстановку. Все это даетъ право думать, что тогда въ жизни христіанскаго населенія въ Крыму произошло нѣчто, усиленно его направившее къ уединенію и отшельничеству, въ трудно доступныхъ или скрытыхъ и пустынныхъ мѣстахъ. Такимъ побужденіемъ къ отрѣшенію отъ суеты мірской было окончательное завладѣніе Крыма татарами и особенно распространеніе межъ ними магометанства и турецкаго вліянія, а затѣмъ съ ними связанныхъ подавленія и истребленія послѣднихъ остатковъ сколько-нибудь самостоятельныхъ христіанскихъ владѣній, генуэзскихъ и греческихъ; впрочемъ этотъ вопросъ весьма сложенъ, а данныхъ для его рѣшенія не много, да и имѣющимся здѣсь не мѣсто.

Въ XVI вѣкѣ, быть можетъ въ его началѣ, нашъ монастырь, оставаясь все же очень бѣднымъ, дѣлается довольно извѣстнымъ, посѣща-

---

[1]) **Mathias de Miechow, Tractatus de duabus Sarmatiis, libr., prim. capit. sec. Augusta Vindelic., 1518. Это старинное свидѣтельство, добытое безъ сомнѣнія отъ очевидцевъ, указывается чуть ли не всѣми, другъ у друга перепечатывавшими, писавшими объ Успенскомъ монастырѣ, но даже и ученые его видятъ только у русскаго компилятора Лызлова. (Синейск. Ист. кн. IV, стр. 4, изд., 2-е), писавшаго въ 1692 году; въ такомъ случаѣ, это позднее показаніе немного имѣло бы цѣны, но Лызловъ самъ заимствовалъ (что и показываетъ хотя и не полно) у Гваньина (Kronika Sarmacysy Europskiey, ks. VIII, 27, Krakow, 1611; только въ этомъ, пополненномъ, польскомъ, позднѣйшемъ переводѣ, а не первыхъ латинскихъ изданіяхъ соч. Гваньина), а этотъ послѣдній и Блэзъ-де Виженеръ, тамъ гдѣ я указываю, хотя сами они о томъ и не говорятъ.**

емымъ, такъ что объ этомъ могъ точно свидѣтельствовать Броневскій, польскій посолъ къ татарамъ, бывшій въ Крыму въ 1578 году. Онъ говоритъ:

«Въ томъ мѣстѣ, откуда вытекаетъ этотъ ручеекъ [1]), есть деревня, не ничтожная, и не подалеку, на берегу моря, на каменистой горѣ, греческій монастырь. Тамъ обычно празднуютъ ежегодно торжество св. Георгія благочестивые греки христіане, еще остающіеся въ Тавридѣ, стекаясь многолюднымъ сборищемъ. [2])

Это первое документальное свѣдѣніе о нашемъ монастырѣ, и мы въ правѣ были бы изъ него заключать, что въ то время монастырь пользовался большимъ вліяніемъ и значеніемъ; даже можно подумать, что онъ былъ тогда гораздо больше доставшагося намъ въ концѣ XVIII вѣка. Впрочемъ, придавать такое рѣшительное толкованіе извѣстію о большомъ числѣ собиравшихся тамъ богомольцевъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ условіямъ тогдашней жизни. Въ тѣ времена упадка христіанства и обнищанія страны, довольствовались самыми жалкими церквами, ничтожными по размѣрамъ, въ чемъ насъ вполнѣ могутъ убѣдить многочисленныя развалины древнихъ церквей въ Крыму, наибольшая изъ которыхъ не удовлетворитъ самую захудалую, современную деревушку. Съ другой стороны, еще разъ напомню, что въ монастырѣ никогда не находили никакихъ развалинъ и тамъ даже не было мѣста для сколько-нибудь значительной постройки. Такимъ образомъ можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что сохранившаяся до начала XIX вѣка древняя церковь и была именно та самая, которую видѣлъ Броневскій въ 1578 году. Что и въ самомъ дѣлѣ значеніе Георгіевскаго монастыря, даже и въ эту пору, было очень не велико, видно и изъ другого документа, немногимъ позднѣйшаго.

Русскіе посланники къ татарскому хану, Степанъ Тарбѣевъ и Иванъ Басовъ, въ челобитной, поданной изъ Крыма въ іюнѣ—іюлѣ 1623 года царю Михаилу Ѳеодоровичу, объясняли, что къ нимъ, на станъ въ Яшловѣ, пріѣзжали «попъ Онтонъ да попъ Василей изъ золотчиковъ". (т. е. Салачика, предмѣстья Бахчисарая, тутъ-же, въ сосѣдствѣ, село Марьино, нашихъ посольскихъ документовъ и Успенскій монастырь) и показывали жалованную грамоту царя Бориса и царевича Ѳеодора,

---

[1]) Ручеекъ тутъ указываемый не всегда течетъ, а образовывается изъ родниковъ бывшей Юхарина балки въ очень дождливые годы, какъ было напр. при Палласѣ въ половинѣ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка или въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка (по семейнымъ разсказамъ) и, наконецъ, въ 1878—80 годахъ, на нашей памяти.

[2]) Martini Broniovii, Tartariae descriptio, p. 6, Col. Agrip. 1595 (см. прилож. I).

1598 года, на выдачу милостыни четыремъ церквамъ. Жалованье приказано было выдавать и впредь. [1]) Эта жалованная грамота, сохранившаяся до сихъ поръ въ спискѣ, приложенномъ къ челобитной, при чрезвычайной бѣдности документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ временахъ въ Крыму, представляется важнымъ документомъ для выясненія крымской церковной и общественной жизни и, такъ какъ на нее еще не было обращено вниманія и я не знаю была ли она даже гдѣ нибудь напечатана, то и привожу ее цѣликомъ въ приложеніи, а здѣсь даю краткое изложеніе съ поясненіями.

Изъ грамоты мы видимъ, что денежное жалованье или милостыня дается четыремъ церквамъ, «престоламъ», по просьбѣ ихъ предстателей, игумена и священниковъ. Церкви поименованы такъ: «Пречистыя Богородице въ Салачикѣ... Егорьгія Страстотерпца, что въ Корсуни... Ивана Предтечи.... Ѳедора Стратилата». Кромѣ денежной милостыни, тою-же грамотою жалуются образа и свѣчи къ Пречистой-же, а также «къ архангелу Михаилу въ новосуроженный храмъ, да въ храмъ же къ Настасіи Христовы мученицы».

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что «Егорьгій (въ другихъ мѣстахъ грамоты Егорь) Страстотерпецъ», представителемъ котораго названъ игуменъ Мелентій, есть по этому самому монастырь и не иной какой, а именно нашъ Георгіевскій. Въ самомъ Корсунѣ, т. е. Херсонесѣ, къ тому времени уже около двухъ вѣковъ, ни человѣка, ни жилья цѣлаго не было, оставались лишь развалины, что и засвидѣтельствовано совершенно точно и подробно тѣмъ же очевидцемъ, Броневскимъ, посломъ Баторія; [2]) о томъ же слишкомъ цѣлымъ вѣкомъ ранѣе ясно говорятъ консульскія донесенія кафскихъ генуэзцевъ, [3]) и тоже подтверждаетъ весьма освѣдомленный д'Асколи, писавшій между 1624—34 годами. [4]) Нашъ монастырь показанъ въ Корсунѣ только по его близости къ послѣднему, а также, вѣроятно, и по значенію этого слова для русскихъ, никогда ими незабывавшемуся и настолько цѣнимому, что указаніе на него, по соображенію монастырскихъ дипломатовъ, могло дать болѣе удачи въ просьбахъ о милостынѣ.

Итакъ, Георгіевскій монастырь значится въ ряду другихъ церквей и чтобы яснѣе было представленіе о немъ, вытекающее изъ нашей

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Крымск. дѣла 1598 года, декабрь, приложеніе II.

[2]) Mart. Brenlovii, op. c., p. 6—7. «Всѣ дома лежатъ въ развалинахъ, греческій монастырь разоренъ и безъ крыши».

[3]) Vigna, Codice diplomatico delle col,. Tauro—Ligure, p. 735, 872.

[4]) Д'Асколи, Опис. Чернаго моря и Татаріи, З. О. О. Ист. и Др., т. XXI 122—123. «Херсона—совсѣмъ разрушена и покинута».

грамоты, надобно указать, чѣмъ были и гдѣ именно находились эти другіе храмы: Пречистой Богородицы, Іоанна Предтечи, Ѳеодора Стратилата, Архангела Михаила и Анастасіи. Благодаря археологическимъ изысканіямъ, особенно послѣдняго времени, это возможно сдѣлать съ несомнѣнностью.

Пречистая Богородица въ Салачикѣ есть, какъ давно уже показано, та самая пещерная церковь во имя Успенія Богородицы, которая находится въ Бахчисарайскомъ монастырѣ. Удивительно только, почему ея представители названы попами, а не игуменомъ или монахами; отсюда, пожалуй, можно было бы заключить, что эта церковь была приходскою, а не монастырскою, если бы послѣднее не было въ точности и не однажды засвидѣтельствовано: напр. въ 1595 году царь Ѳедоръ Ивановичъ подтвердилъ прежнее пожалованье, 15 рублей на годъ, «греченину Пасхалію», пріѣхавшему «из монастыря от Пречистой из Салачика». [1])

Храмъ во имя Іоанна Предтечи находился въ большой деревнѣ Бія-сала, около 12 верстъ отъ Бахчисарая и былъ построенъ въ 1587 году, т. е. на близкой памяти грамоты; отъ этого храма и понынѣ уцѣлѣла, въ существующей церкви въ то же имя, алтарная абсида съ фресками. Хотя и въ деревнѣ построенный, этотъ храмъ все же имѣлъ нѣкоторое значеніе, видное изъ того, что по тогдашнему онъ былъ построенъ хорошо, а обстоятельства его сооруженія изложены въ длинной надписи еще недавно существовавшей (въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка) изъ этой надписи мы знаемъ, что его освящалъ архіерей Готѳіи Константій, а выстроенъ онъ иждивеніемъ «господина Бината Темирке» (т. е. Бинъ-ата сынъ Темиръ-кая), повидимому какого то крупнаго владѣльца, можетъ быть той же деревни, его чисто татарское имя возбуждаетъ не мало предположеній [2]).

Храмъ во имя архангела Михаила (и Гавріила) былъ въ деревнѣ Шюрю, верстахъ въ 9 отъ Бахчисарая и всего въ 2—3 верстахъ отъ Бія-салы. Строенъ этотъ храмъ хорошо, изъ штучнаго камня, а потому его стѣны и теперь еще стоятъ цѣлыми, недостаетъ только крыши. На немъ сейчасъ имѣется вырубленная на камнѣ надпись о его возобновленіи въ 1594 году (очевидно отъ фундамента), такъ что въ грамотѣ его вѣрно называютъ новосооруженнымъ [3]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Крымскія дѣла 1596 г., № 5.

[2]) Подробности см. Латышевъ, Сбор. Греч. надп. христ. времен. изъ Южной Рос., СПБ., 1896, стр. 67—69.

[3]) Подробности см. Латышевъ, ор. с., стр. 64,

Храмъ во имя св. Анастасіи Фармаколитріи [Αναστασίας τῆς φαρμακολυτρίας], какъ извѣстенъ онъ между выселившимися греками, да и понынѣ въ Крыму гдѣ это прозваніе св. Анастасіи переводятъ,— «узорѣшительницы», былъ въ маленькой, исчезнувшей деревенькѣ Качи-кальенѣ, близъ еще существующей деревни Пички, у подножія огромной скалы, въ которой издревле извѣстенъ святой источникъ Анастасіи, верстахъ въ 8 отъ Бахчисарая и въ 4 отъ деревни Шюрю. На томъ же мѣстѣ и теперь есть церковь, въ то же имя, но въ ней отъ древней сохранилась только малая часть стѣны алтаря; она приписана къ Бахчисарайскому Успенскому скиту [1]).

Храмъ во имя св. Θеодора Стратилата находился въ селеніи Мангушъ, въ 9 верстахъ отъ Бахчисарая. Эта деревня всегда была очень большою; изъ нея въ 1778 году вышло грековъ 773 души съ пятью священниками; эти выходцы основали подъ Маріуполемъ село съ церковью въ то же имя. Оставшаяся въ Крыму деревня въ скорости была занята русскими переселенцами, а древняя церковь освящена во имя Петра и Павла; она нѣсколько разъ перестраивалась, такъ что въ ней древняго ничего не осталось; само селеніе и теперь очень многолюдно, болѣе тысячи душъ. [2])

Изъ сдѣланныхъ описаній видно, что всѣ указанные въ грамотѣ храмы находились въ деревняхъ лежавшихъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, какъ между собою, такъ и съ Бахчисараемъ, къ югу и востоку отъ него въ сторону горъ. Въ такомъ же къ нему сосѣдствѣ (верстъ 8) но къ сѣверо-западу въ сторону степи, находится село Біюкъ-Яшлавъ (или по прежнему написанію, просто Яшловъ), мѣстопребываніе, станъ русскихъ посольствъ около описываемыхъ временъ. Отсюда дѣлается понятнымъ, что милостыня давалась этимъ храмамъ, предпочтительно передъ какими либо иными, потому что ходатаи за нихъ легко могли добираться до русскихъ посольствъ, да и тѣ, конечно, охотно посѣщали близкія къ нимъ церкви и такимъ путемъ знакомились съ ними. [3]) На-

---

[1]) **Сборникъ Гавріила, т. II, Изслѣд. о времени пастр. церквей Маріупольскаго духовн. правленія, № 10; въ 1778 г. выселилось изъ Качи-Кальена всего около 20 дворовъ грековъ.**

[2]) **Дубровинъ, ор. с., т. II, 713; Сборн. Гавр., т. II, Изслѣд. и проч., № 24. Отношенія между этими деревнями хорошо видны изъ споровъ за общую ихъ выгонную землю около разсматриваемаго времени (Лашковъ, Сельск. Общ. въ Крым. Ханствѣ, сент. 1887. стр. 5—6).**

[3]) **Я не нашелъ современнаго грамотѣ указанія, но безъ сомнѣнія и въ это время дѣлалось то же, что и позже, когда, напр. въ 1680 г., посланники Зотовъ и Тяпкинъ нѣсколько разъ ѣздили въ греческія села Мангушъ и Шюрю (Стат. Опис. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. II, 595, 597, 609, 612, 624, 628, 633) или въ село Марінно „къ церкви Пречистыя Богородицы чудотворные ее иконы помолитись“ (тамъ же стр. 614).**

ходившимся въ такихъ условіяхъ причтамъ всего ближе и легче было выпрашивать жалованье, особенно на новое строеніе, почему и можно съ большою вѣроятностью предположить, что не только церкви Іоанна Предтечи и Михаила Архангела, о которыхъ мыотэ знаемъ по надписямъ, но и обѣ другія церкви, т. е. Ѳеодора Стратилата и Анастасіи, построены около того же времени и жалованье получали именно, какъ вновь строящіяся. Еслибы такихъ примѣровъ мы знали больше, а я думаю, что ихъ бывало не мало, особенно, если бы знать помощь, оказываемую самимъ составомъ посольствъ, изъ его личныхъ средствъ, можно было бы усмотрѣть въ этомъ до нѣкоторой степени даже и извѣстную политическую систему поддержанія христіанства въ Крыму или хотя бы привлеченія симпатій христіанскаго населенія.

Георгіевскій монастырь, ихотя былъ далекъ отъ посольскаго стана, но оказался въ спискѣ между сосѣдними къ Бахчисараю церквами и получалъ милостыню всего вѣроятнѣе потому, что былъ въ то время, вслѣдъ за Успенскимъ, если не единственнымъ, то все же наиболѣе виднымъ монастыремъ въ Крыму, на сколько мы знаемъ, а сверхъ того ему ставили въ заслугу и его нахожденіе какъ бы въ Корсунѣ—святомъ мѣстѣ для Россіи; однако, все же считали этотъ монастырь второстепеннымъ. На первомъ, главномъ мѣстѣ—Успенскій, конечно, не за одну его близость къ посольствамъ, по и ради чудотворной иконы Пречистой; сюда опредѣлялось жалованья по 15 рублей на годъ, сверхъ того дана икона и поставная свѣча, да и общая жалованная грамота хранится тутъ же и ходатаями за всѣхъ оказываются попы отсюда же, чѣмъ и признается, какъ бы главенство этого монастыря; можетъ быть имѣло вліяніе и пребываніе тамъ митрополитовъ, если бы мы могли знать это достовѣрно. Георгіевскому монастырю опредѣляютъ только по пяти рублей на годъ, какъ и прочимъ церквамъ, икону и свѣчу ему не посылаютъ и всѣмъ этимъ онъ приравненъ къ простымъ деревенскимъ церквамъ, въ Бія-салѣ и Мангушѣ, но все же поставленъ выше церквей въ совсѣмъ маленькихъ деревняхъ Шюрю и Качи-кальенѣ, которымъ даны только иконы и свѣчи.

Позже указанной грамоты царя Бориса и почти одновременно (не-

---

Въ 1692—95 годахъ, Василій Айтемиревъ тоже весьма часто ѣздитъ къ Пречистой и даже пользуется этимъ для дипломатическихъ переговоровъ подъ рукою (Стат. опис., Зап. Од, Общ. Ист. и Др, т. XVIII, 37, 39, 48). Онъ же на Петра и Павла былъ въ «тацкомъ (т. е. татскомъ—населенномъ татами, христіанами, горными жителями не татарами) селѣ чуре (т. е. въ вышеуказанномъ Шюрю) въ церкви архангела Божія Михаила у обѣдни, а то село отъ жидовскаго городка (Чуфутъ-Кале) обрѣтается за горами въ четырехъ верстахъ» (тамъ же 42). Посѣщеніе Пречистой послами было дѣломъ столь обычнымъ, что его предлагаютъ сами татары (тамъ же, 26).

много ранѣе) съ ея подтвержденіемъ есть извѣстіе о нашемъ монастырѣ имѣющее довольно большое значеніе, къ сожалѣнію оно дано слишкомъ кратко и поэтому неясно и даже нѣсколько сомнительно. Греческій митрополитъ Іосифъ прислалъ изъ Крыма грамоту (не сохранившуюся) въ 1626 году, давшую поводъ къ разспросамъ подъячаго Рахманина Болдырева, при чемъ оказалось, что въ Крыму тогда было два митрополита „одинъ живетъ близко Бахчисарая въ Егорьевскомъ монастырѣ, а другой живетъ отъ Бахчисарая верстъ съ пятьдесятъ близко Кафы, и въ которомъ монастырѣ и какъ ихъ зовутъ, и сколь давно въ Крымѣ живутъ, и откуда въ Крымъ пришли того де онъ не вѣдаетъ" [1]). Болдыревъ былъ въ Крыму дважды въ 1617—18 и въ 1624—25 годахъ [2]) и нельзя сказать къ которымъ именно годамъ относится его показаніе, но вѣроятнѣе, что къ послѣднимъ, т. е. къ 1624—25 годамъ. Другое сомнѣніе болѣе существенно; о нашемъ-ли Георгіевскомъ монастырѣ идетъ рѣчь? Этотъ монастырь находящійся верстахъ въ сорока (около 25 тогдашнихъ) отъ Бахчисарая, какъ будто и не очень близко лежащій, но и тотъ что по словамъ Болдырева близко Кафы (50 тогдашнихъ, около 80 нашихъ, отъ Бахчисарая) находится отъ нее еще дальше. А такъ какъ никакого иного православнаго Георгіевскаго монастыря неизвѣстно въ юго-западномъ Крыму, то и приходится считать за вѣрное, что рѣчь идетъ именно о нашемъ, и что разстояніе въ сорокъ верстъ люди привыкшіе къ необъятности пустынныхъ степей считали близкимъ. И такъ мы можемъ признать, что около 1625 года нашъ монастырь служилъ мѣстопребываніемъ митрополита, вѣроятно того же Серафима, о которомъ будетъ рѣчь далѣе. Надо думать однако, что это было дѣломъ случайнымъ и непродолжительнымъ, потому что Броневскій, лично бывшій, за полвѣка ранѣе, въ нашемъ монастырѣ, не преминулъ бы сказать о томъ, а далѣе мы увидимъ, что и митрополитъ Серафимъ вскорѣ жилъ уже въ другомъ мѣстѣ, въ Успенскомъ монастырѣ близъ Бахчисарая. Сестренцевичъ также утверждаетъ, что христіане имѣли епископа „на полуденномъ берегу Крыма въ Георгіевскомъ монастырѣ", т. е. очевидно въ нашемъ; по своему обыкновенію никакого источника онъ не указываетъ, но что нибудь подобное онъ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла 1626 г. генв. 20, № 3, Извѣтъ пристава Ходырева.

[2]) Лашковъ, Реестръ II Крымскаго двора, «Изв. Тавр. Уч. Арх. Ком. № 15, стр. 11, 12, 23, 25.

слышалъ, такъ какъ выдумывать безъ надобности и повода, такую комбинацію казалось бы и не къ чему, даже и Сестренцевичу [1]).

Немного позже былъ въ Крыму съ посольствомъ Бориса Дворенинова въ 1634—35 годахъ священникъ Іаковъ и оставилъ намъ едва ли не лучшее и даже почти единственное по значенію описаніе положенія тамошняго христіанства въ то время. Онъ былъ верстахъ въ десяти отъ Георгіевскаго монастыря, много распрашивалъ и подробно описалъ сосѣдній ему Инкерманъ и горы вокругъ, вообще видимо очень интересовался положеніемъ христіанъ и ихъ святынь, но о нашемъ монастырѣ даже и не заикнулся, что тоже подтверждаетъ его незначительность, если не совершенную захудалость [2]).

Слѣдующее затѣмъ, по времени, документальное свѣдѣніе о нашемъ монастырѣ указано Хартахаемъ; къ сожалѣнію, приводимая имъ челобитная митрополита Серафима, къ царю Михаилу Ѳедоровичу, очень любопытная сама по себѣ, часто перепечатываемая, никакого отношенія къ Георгіевскому монастырю не имѣетъ и ни прямо, ни косвенно его имени не упоминаетъ (подробно разсмотрѣна далѣе въ примѣчаніи), Хартахай отнесъ эту челобитную къ разсматриваемому мѣсту только вслѣдствіе уже указанной грубой ошибки и приложенія къ дѣлу совершенно непостижимой логики: онъ полагалъ, что Георгіевскій монастырь находится въ Херсонесѣ, митрополитъ, называющій себя Херсонскимъ (о чемъ Хартахай забылъ упомянуть), какъ и всѣ крымскіе митрополиты, жилъ всегда и непремѣнно въ этомъ-же городѣ, и не иначе, какъ въ нашемъ монастырѣ; слѣдовательно, чтобы, гдѣ и когда не писалъ митрополитъ все это непремѣнно писано изъ нашего монастыря и только о немъ. Такіе силлогизмы сами по себѣ не мало изумительны, да и познанія автора о Крымѣ крайне слабы, когда указываютъ мѣстожительства митрополита въ такомъ городѣ гдѣ уже болѣе двухъ вѣковъ оставались только развалины. Сказанное Хартахаемъ многими усердно повторялось, хотя и не легко постичь, какъ могли не замѣчать у него награмажденія грубѣйшихъ ошибокъ [3]).

---

[1]) Sistrzencewicz, Histoire du Royaume de la Chers. Taur., St. Petersb. 1824, p. 430; Его-же, Исторія о Таврін, II, 403.

[2]) Сказаніе свящ. Іакова, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. II, 685—692.

[3]) Хартахай, ор. с., 36; Онъ же, Историческая судьба крымскихъ татаръ, Вѣстн. Европы, 1867, Іюнь, стр. 151—153. Здѣсь, быть можетъ и не слѣдовало бы еще разъ останавливаться на ошибкахъ Хартахая, ни даже на этой грамотѣ Серафима, но не могу хотя немного не поговорить обо всемъ этомъ и вотъ по какой причинѣ: статья Хартахая сопровождена лестною рекомендаціею публикѣ молодого ученаго историкомъ Костомаровымъ, и выводы этой статьи пользуются нѣкоторою извѣстностью, а грамота Серафима вовсе не введена въ обиходъ свѣдѣній о Крымѣ, хотя и составляетъ важный документъ для его бытовой исторіи. Нѣсколько объясненій по этому, мнѣ кажется, не будутъ безполезны.

Извѣстна еще просьба, 1681 года, крымскаго греческаго монастыря о жалованьи, ссылающаяся на прежнія царскія грамоты (не

Хартахай далъ цѣлые выводы о положеніи христіанства и въ особенности духовенства въ Крыму, въ основу которыхъ всего болѣе легли данныя взятыя будто бы изъ этой грамоты Серафима, а именно; 1) митрополиты жили въ Георгіевскомъ монастырѣ, который 2) вовсе не былъ такъ бѣденъ, какъ говорятъ монахи, ибо 3) въ 1637 году этотъ монастырь былъ ограбленъ, 4) Мухаммедъ Гераемъ и 5) изъ него взято одними деньгами двѣсти тысячъ ефимковъ, а такая сумма 6) не можетъ быть названа маловажною. Во всѣхъ шести пунктахъ этого разсужденія, буквально нѣтъ ни единаго слова правды, а общій смыслъ всего представляетъ такую рѣдкую научную передержку, послѣ которой ко всѣмъ выдумкамъ Никоновъ, Ливановыхъ или Никаноровъ приходится относиться съ полнѣйшимъ снисхожденіемъ.

Грамота Серафима была напечатана Хартахаемъ (Христ. въ Крыму, стр. 30—31) съ такими ошибками и передѣлками (напр. безъ упоминанія епархіи митрополита, весьма любопытнаго, не указывая мѣстонахожденія грамоты и проч.), думаю умышленными, что все ея значеніе теряется, а ея показанія мѣняютъ смыслъ и дали поводъ къ не малой путаницѣ. Эта грамота, (писанная 1-го августа 1636 г.) находится въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. въ крымскихъ дѣлахъ, 1637 года, 16-го августа, подъ № 24; греческій подлинникъ ея не сохранился и уцѣлѣлъ только современный грамотѣ переводъ; за тѣмъ же номеромъ и числомъ, но безъ датъ написанія, имѣется въ архивѣ и другая грамота того же Серафима, говорящая о мощахъ св. Меркурія посланныхъ имъ, царю Михаилу Ѳеодоровичу. Съ той грамоты, о которой говоритъ Хартахай, даю полный и точный списокъ въ приложеніи III, такъ какъ, кажется, она нигдѣ болѣе, кромѣ какъ у Хартахая, и то съ пропусками и ошибками, не была напечатана и перепечатывалась многими, не замѣчая ошибокъ, и невозможности выводовъ. Разсматривая эту грамоту мы увидимъ, что никакого мѣста дѣйствія или написанія въ ней не указано, а потому отнесеніе ее къ Георгіевскому монастырю есть простой домыслъ самого Хартахая, ни на чемъ не основанный. Грабежи вещами и вымогательство денегъ показаны въ грамотѣ не вмѣстѣ, какъ указываетъ Хартахай, а раздѣльно, по мѣсту и времени; первое нѣсколькими годами ранѣе, второе въ іюлѣ 1636 году, когда писана грамота, а не въ 1637 г. какъ говоритъ Хартахай. Митрополита съ братомъ засадили въ тюрьму и взяли съ нихъ деньги въ видѣ окупа за освобожденіе, а не просто ограбили какой бы то ни было монастырь или иное мѣсто. Это насиліе устроилъ какой то султанъ, а не ханъ Мухаммедъ-Герай, хотя бы уже потому что ханомъ тогда былъ Инайетъ-Герай (съ 6-го марта 1635 по 4 іюня 1637 г.). Не маловажная сумма, двѣсти тысячъ ефимковъ, до такой степени громадна, что должна бы была остановить вниманіе всякаго своею совершенною невѣроятностью. Вѣдь эта не маловажная сумма, болѣе ста тысячъ тогдашнихъ счетныхъ рублей, только по вѣсу серебра составляетъ около двухсотъ пятидесяти тысячъ теперешнихъ (Заблоцкій, О цѣнностяхъ въ древней Руси, 92), но ихъ покупная сила была на много выше, особенно въ Крыму. Боюсь очень распространяться приводя тогдашнія цѣны для сравненія, но нѣсколько указаній, выхваченныхъ наудачу, не будутъ безполезны. Менгли-Герай, на построеніе цѣлой новой крѣпости, занимаетъ въ 1499 году тридцать три тысячи алтынъ, т. е. всего одну тысячу счетныхъ рублей и очень хвастается огромностью такой суммы передъ Иваномъ III (Памятн. Дипл. снош. съ Крым. орд., Сборн. Р. Ист. Общ., т. XLI, 152.) Поминокъ татарамъ крымскимъ со всей Россіи, тоже своего рода окупъ, не превышалъ сорока пятидесяти тысячъ рублей, а около указываемаго времени (1615 г.) татары, запрашивая только десять тысячъ рублей, получали много меньше (Лашковъ, Пам. дипл. снош. съ Кр., Изв. Таврич. Арх. Ком., X. 13, 30—35; Бережковъ, Планъ завоев. Крыма, 66). Въ 1661 г. поминки поляковъ, бывшіе въ сущности военной субсидіей татарамъ за обѣщаніе воевать съ Россіей, на пять лѣтъ, составляли только тѣ же двѣсти тысячъ ефимковъ (Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, VI, 46—47). Окупъ за самаго главнокомандующаго, боярина Васил. Борис. Шереметева, сдавшагося полякамъ и отданнаго измѣной въ плѣнъ татарамъ, послѣ пораженія подъ Чудновымъ (1659 г.), случай совершенно исключительный, былъ только въ шестьдесятъ тысятъ ефимковъ (Барсуковъ, ор. с., VI, 287, 289, 368). Высшій окладъ жалованья въ русскомъ государствѣ около того же времени, получалъ кн. Черкасскій, всего 850 рублей въ годъ; а воевода кіевскій, бояринъ П. В. Шереметевъ, превосходно тамъ управившійся, одинъ изъ первыхъ чиновъ государства, получалъ 500 рублей и въ особую награду дано ему сто девяносто рублей прибавки въ годъ. Стольникъ Н. И. Шереметевъ, близкій къ государю человѣкъ, бывшій въ походѣ у него подручнымъ, получалъ всего по семьдесятъ пять рублей въ годъ, а за особое отличіе ему было прибавлено жалованья по одному рублю съ полтиной, на годъ (Барсуковъ ор. с. VI, 278—280, VII, 216). Гонцу, подъячему Айтемирову, бывшему въ Крыму за посла и превосходно

указывая ихъ точно) [1]); просить ктиторъ Успенскаго монастыря, за свой монастырь и за сельскія церкви Іоанна Предтечи и Ѳеодора Стратилата,

справившему свое дѣло, доставившему обиліе всяческихъ свѣдѣній, за три года плѣна «за службу, за убытки и за терпѣнье», дали сто рублей и то не въ примѣръ прочимъ (Стат. Спис., 3. Од. Общ. Ист. и Др., XVIII, отр. IX). Я думаю не будетъ преувеличеніемъ, если покупное значеніе въ Крыму тогдашнихъ денегъ счесть разъ въ тридцать болѣе нынѣшнихъ и стало быть не маловажная сумма въ двѣсти тысячъ ефимковъ, сто тысячъ рублей, будетъ тоже что милліона три рублей нынѣшнихъ (Большія подробности о тогдашней цѣнности денегъ можно видѣть въ примѣчаніяхъ къ переводу д'Асколи, Опис. Чернаго моря и Татаріи., 3. О. О. Ист. и Др., т. XXIV, 153—154, примѣч. 33).

Мы видимъ, какъ тогда монастыри и церкви годами выпрашиваютъ милостыню, по пятнадцати и даже по пяти рублей на годъ; самыя эти, по нашему, ничтожныя суммы по тогдашнему были столь значительны, что ихъ выдача сопровождается не малой торжественностью: даются онѣ при особой грамотѣ, съ большимъ титуломъ, за царскими подписью и печатью и вотъ при такихъ условіяхъ, не безъизвѣстныхъ и Хартахаю, онъ находитъ возможнымъ найти въ нашемъ монастырѣ цѣлыхъ сто тысячъ тогдашнихъ рублей, что и признаетъ не маловажнымъ. Я же думаю, что въ то время, вытряхнувъ карманы всего полудикаго, нищаго крымскаго юрта, едва ли могла набраться такая огромная сумма наличными деньгами. Гораздо позже, конечно, (въ 1749 годъ), но все же вполнѣ пригодно и для времени грамоты, кошевой Игнатовичъ въ защиту козаковъ, обвиненныхъ въ грабежѣ 2.974 рублей у пастуха татарина, совершенно справедливо говорилъ, что такой суммы не то, что у простого татарина, а и у самого визиря крымскаго сыскать невозможно. (Андріевскій, Мат. для ист. юннорусск. края, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XI, 454).

Все разсказанное выше само по себѣ столь очевидно, что я было полагалъ видѣть описку или опечатку у Хартахая, но напрасно, такъ какъ сумма двѣсти тысячъ повторяется нѣсколько разъ, въ двухъ статьяхъ, цифрами и прописью, даже съ указаніемъ что ефимки тѣ же піастры (не сказано какіе). Тогда я надумалъ обратиться къ подлинному списку грамоты гдѣ и оказалось не двѣсти тысячъ, а отчетливо написанныя двѣ тысячи ефимковъ. Приходится думать, что какъ эта, такъ и всѣ остальныя ошибки у Хартахая не случайны, потому что основанное на нихъ все его разсужденіе направлено къ доказательству того, что татары не притѣсняли христіанъ, и что послѣдніе всего болѣе терпѣли отъ своего же духовенства, выпрашивавшаго и вымогавшаго подачки, обладая огромными суммами. Увѣренъ что никто не вынесетъ такого впечатлѣнія прочитавъ внимательно грамоту, по которой нѣсколько лѣтъ просятъ и даже не денегъ, а архіерейскихъ облаченій и церковныхъ сосудовъ и не получаютъ уже давно обѣщаннаго. Въ такихъ случаяхъ нельзя не принимать въ соображеніе, что Москва никогда не была богата и еще менѣе оказывалась тароватой и податливой, о чемъ всѣ знали издавна. Какъ бы то ни было, все же и двѣ тысячи ефимковъ, т. е. около тысячи тогдашнихъ рублей, а по современному около тридцати тысячъ, мнѣ кажутся неимовѣрно большой суммой и, если не сдѣлалъ описки или ошибки переводчикъ, то я склоненъ думать, что митрополитъ увеличилъ взятый съ него окупъ разъ въ десять, чтобы болѣе разжалобить Москву, вѣроятно забывъ, что она, по своему же реченію слезамъ не вѣритъ. Цѣли своей Серафимъ, однако, не достигъ, по крайней мѣрѣ на грамотѣ, какъ обыкновенно это дѣлалось, не помѣчено, чтобы ему было дано что-либо въ этотъ разъ.

Оставя въ сторонѣ соображенія Хартахая, думаю не лишнимъ будетъ сдѣлать нѣсколько поясненій въ самой грамотѣ вообще. При чтеніи ея всего досаднѣе, конечно, что неизвѣстно откуда она писана и о какихъ мѣстахъ говоритъ, а опредѣлить это послѣднее во избѣжаніе путаницы епархій очень желательно. Въ грамотѣ о писываются два случая грабежа и вымогательства. Первый разъ, «ногайскіе татарове осадили насъ и ограбили до конца», что случилось во время Мухаммедъ-Герая III, когда въ Крыму были послами «Степанъ съ товарищи». Мухаммедъ-Герай III былъ ханомъ съ 1623 до половины 1628, а посолъ Степанъ Тарбѣевъ, съ подъячимъ Иваномъ Басовымъ былъ въ Крыму съ ноября 1627 года по осень 1628 года. (Савеловъ, Посольство С. Тарбѣева въ Крымъ, Изв. Тавр. Арх. Комис., № 239, 3, 11, 17). Значитъ, грабежъ могъ быть только въ самомъ-концѣ 1627 или половинѣ 1628 года. Упоминаніе не просто татаръ, а именно ногайцевъ, которые, вообще говоря, въ Крыму тогда не кочевали, а также разсказъ объ осадѣ, а затѣмъ уже о грабежѣ, чего грамота не могла выдумать, такъ какъ ссылается на русскихъ пословъ, даютъ возможность опредѣлить не только время, но и мѣсто описываемыхъ событій, съ большимъ вѣроятіемъ.

[1]) Лашковъ, Просьба Кр. греч. монаст., Крымск. Дѣла 1681 г. 9-го Іюля, № 15, Зап. Общ. Ист. и Др. XVII, 7.

очевидно тѣ самыя, что и вышеупомянутыя, но нашъ монастырь тутъ вовсе не упоминается, а это даетъ поводъ думать, что въ эту пору онъ

Ханъ Мухаммедъ-Герай III, съ своимъ братомъ, калгой Шагинъ-Гераемъ, представляли собой, даже и по тому времени, усиленно разбойничье, жестокое и мститель ное начало, съ попытками къ установленію крымской самостоятельности. Сводя счеты кровомщенія и стараясь усилить свою власть, они всячески добирались до Мансурскаго отдѣла ногайцевъ, кочевавшаго въ степяхъ сѣвернаго прибрежья Чернаго моря. Для ихъ покоренія или даже конечнаго истребленія, пошелъ изъ Крыма къ Аккерману калга, въ февралѣ 1628 года (Савеловъ, ор. с., 69), но былъ разбитъ на голову гдѣ то за Днѣпромъ, и бѣжалъ назадъ въ Крымъ. Слѣдомъ за нимъ, въ концѣ апрѣля (Савеловъ, ор. с., 69), ворвались ногайцы цѣлой ордой, ведомой ея главою, Канъ-Темиромъ, личнымъ врагомъ-кровомстителемъ хана и калги, засѣвшихъ съ нѣсколькими сотнями близкихъ приверженцевъ въ Бахчисараѣ, гдѣ ихъ и осадили. Бахчисарай никогда укрѣпленій не имѣлъ и можно бы думать, что братья защищались въ Чуфутъ-Кале, но д'Асколи съ такой подробностью, по днямъ, разсказываетъ обо всемъ этомъ, что защиту надо видѣть не только въ Чуфутъ-кале,—altre castello, какъ его называетъ д'Асколи, но и въ самомъ Бахчисараѣ, гдѣ братья упорно оборонялись, пользуясь естественными условіями мѣстности и нѣсколькими маленькими пушченками, которыхъ ужасно боялись ногайцы. Султанъ и калга еще ранѣе, съ декабря, ссылались съ Запорожьемъ, подговоривъ козаковъ прійти на помощь, что тѣ и сдѣлали, явившись въ самую критическую минуту, въ составѣ четырехъ тысячъ (или до шести тысячъ по Ст. Тарбѣеву, Савеловъ, ор. с., 70, 98), съ четырьмя пушками, подъ предводительствомъ Михайла Дорошенка. Пробивались козаки сквозь весь Крымъ до Бахчисарая непрерывнымъ боемъ въ теченіе шести сутокъ, потеряли четверть своего состава и самъ кошевой Михайло Дорошенко былъ убитъ въ бою на Алмѣ. Этимъ козаки слово сдержали и выручили хана съ калгой, такъ какъ съ ихъ прибытіемъ ногайцы, пошедшіе навстрѣчу, но жестоко разбитые на Алмѣ, разбѣжались. Еще разъ показали козаки, какимъ жалкимъ ничтожествомъ оказывались эти мнимо-страшныя татарскія орды, когда за нихъ брались привычные къ ратному дѣлу, мужественные люди. Ст. Тарбѣеву они тогда говорили „прежде сего мы невѣдали, чаели, что Крымъ крѣпкое мѣсто и крымскіе люди бойцы, ажно-де Крымъ хуже деревни и крымскіе люди худы, битца не умѣютъ... а впередъ де Крымъ Божій да нашъ» (Савеловъ, ор. с., 98). Правда, козакамъ было изъ-за чего и драться, такъ какъ ханъ и калга имъ обѣщали сто тысячъ червонцевъ, баснословную сумму, сто двадцать тысячъ тогдашнихъ рублей, до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ. Неизвѣстно и очень сомнительно, чтобы удалось имъ все получить, хотя, конечно, себя они не забыли и совсѣмъ безъ вознагражденія не вернулись бы домой такъ скоро; по донесенію Ст. Тарбѣева имъ «давали жалованье многое», (Савеловъ ор. с., 70); во всякомъ случаѣ, частью, козаки были оплачены тѣми московскими поминками, которыя привезли Степанъ Тарбѣевъ съ товарищемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ неудачной осады Кафы и прибытія турокъ, братьямъ, хану и калгѣ, пришлось вскорѣ бѣжать, а въ концѣ іюля новый ханъ, Джанибекъ-Герай, извѣщалъ царя Михаила Θеодоровича о своемъ назначеніи и утвержденіи на ханствѣ. (Подробности см. у Сиверова, Крымское ханство, I, 491—492, 494—496; пополняются и исправляются особенно относительно времени, Свѣд. о пох. въ Крымъ Мих. Дорош., въ Мон. стн. въ Истор. Юж. Руси, вып. II, 153, 154, 161 и въ Кіевск. Стар., 1896 № 11; все это точно подтверждаетъ подробнѣйшій разсказъ d'Ascoli, Descritione della Tartaria, въ Чт. въ Общ. Ист. Лѣт., кн. 5, стр. 16—18. и переводъ его въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XXIV, 107—113, особенно примѣч. 59—69.). Изъ этого всемѣрно сокращеннаго разсказа видно, что митрополитъ Серафимъ не случайно указывалъ на ногайцевъ и осаду: все это именно такъ и было въ Крыму, вокругъ Бахчисарая, стало быть и митрополитъ находился тогда тутъ же въ Бахчисараѣ или же, что вѣроятнѣе, въ сосѣднемъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ его осаждали и ограбили ногайцы, ничему не дававшіе пощады; все это было въ маѣ—іюнѣ 1628 года. Посолъ Степанъ Тарбѣевъ, на котораго ссылается въ двухъ грамотахъ митр. Серафимъ, жилъ тогда въ Яшловѣ, подлѣ Бахчисарая, а осаду выдерживалъ въ Чуфутъ-кале (Савеловъ, Посылки въ Крымъ, Зап. Од. Общ. XXIV, 75; челобитная посольскихъ людей бывшихъ въ осадѣ) и, конечно, не могъ бы удостовѣрить осаду и грабежъ, если они былибы далеко, напр. въ нашемъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Второй разъ, когда митрополитъ поплатился деньгами, не просто ограбили его или какой-либо монастырь, а прибѣгли къ обычному разбойничьему пріему и понынѣ не рѣдко употребляемому: захватили гдѣ то самого митрополита съ его братомъ, попомъ Димитріемъ, и засадили ихъ въ крѣпкое мѣсто, требуя выкупъ, который тѣ и внесли; не сказано изъ какихъ именно суммъ, но, конечно, не изъ какого бы то ни было монастыря, а всего вѣроятнѣе собранныхъ по всей епархіи для выручки архи-

уже совсѣмъ захирѣлъ или даже былъ покинутъ, подтверждая такимъ образомъ молчаніе о немъ свящ. Іакова.

Итакъ послѣ указанныхъ свидѣтельствъ Броневскаго, грамоты царя Бориса, показаній Болдырева и нѣкоторыхъ предположеній мы ничего опредѣленнаго уже не знаемъ о монастырѣ вплоть до первой турецкой войны при Екатеринѣ II и занятія Крыма нашими войсками. Къ этому времени, т. е. къ 1771 году, относятся два свидѣтельства современниковъ; одно о прибытіи митрополита Игнатія на крымскую каѳедру, прямо въ нашъ монастырь, о чемъ уже говорено выше; другое одного изъ офицеровъ, посѣтившаго въ томъ же 1771 году и оставившаго о немъ коротенькую замѣтку въ своихъ запискахъ; тогда въ монастырѣ было всего пять монаховъ [1]).

Затѣмъ, черезъ семь лѣтъ, состоялось выселеніе всѣхъ грековъ изъ Крыма, въ 1778 году; тогда въ монастырѣ было, по словамъ самаго митр. Игнатія, только три монаха [2]). Замѣчательно, что Игнатій тутъ же въ той же вѣдомости, о которой говорено выше, прибавляетъ:

пастыря. Было все это уже въ іюлѣ 1636 года, когда въ Крыму никакого общаго замѣшательства неизвѣстно, и это происшествіе составило случайно-обычное дѣло, но частное, а не самого правившаго тогда хана Инайетъ-Герая. Мѣсто захвата митрополита и тюрьмы, въ которую его упрятали, не указано, но, вѣроятно, все это было гдѣ либо въ глухомъ углу, не близко отъ Бахчисарая, подлѣ котораго отъ такого грабежа защитилъ бы ханъ, уже хотя бы потому, что ему не было никакого разсчета дать другому придушить курицу, несшую золотыя яйца для него самого. Митрополитъ говоритъ: «понималъ насъ султанъ» и онъ, хорошо знавшій крымскіе порядки, не могъ такъ выразиться о ханѣ, такъ какъ по словамъ одного изъ нихъ «ханомъ не можетъ быть тотъ кто носитъ званіе султана» (Смирновъ, ор. с., 488). Султанами въ Крыму назывались всѣ ханычи Гераи, было ихъ очень много, смирно имъ никогда не сидѣлось, да и дѣла у нихъ, а также средствъ къ жизни только и было, что всѣми похваляемый разбой; одинъ изъ такихъ султановъ—ханычей и выжалъ себѣ прибытокъ изъ подвернувшагося подъ руку митрополита, вмѣсто того, чтобы идти въ далекую Русь—обычное поле татарской жатвы. Весьма вѣроятно, что это былъ Сафа-Герай султанъ, бывшій въ слѣдующемъ 1637 г. нур-эд-диномъ у новаго хана, Бегадыръ-Герая, истязавшій русскихъ пословъ, вымогая у нихъ подарки разными пытками (Смирновъ, Крымское ханство 640).

Вообще эта грамота Серафима даетъ не мало такихъ свѣдѣній, для правильнаго пониманія которыхъ необходимы нѣкоторыя знанія и объясненія, но въ ней также есть извѣстіе очевидное, несомнѣнное, для своего уразумѣнія никакого соображенія и знанія не требующее, такъ сказать бросающееся въ глаза—существованіе самого митрополита Серафима, и вотъ именно этого-то и не примѣтилъ Хартахай, умудрившійся найти въ грамотѣ цѣлый рядъ совершенно небывалыхъ и невозможныхъ обстоятельствъ; въ данномъ имъ спискѣ крымскихъ іерарховъ Серафимъ не значится. Родіоновъ и епископъ Гермогенъ, тоже, по странной забывчивости, этого митрополита въ даваемыхъ ими спискахъ нигдѣ не помѣстили, (Родіоновъ, ор. с., 38; Гермогенъ, ор. с. 150). Не повезло Серафиму, а между тѣмъ этотъ митрополитъ былъ не случайно-заѣзжій, а мѣстный, правившій епархіей въ Крыму болѣе 10 лѣтъ, къ тому же носившій весьма любопытный титулъ вовсе не готскаго, какъ, повѣривъ Хартахаю, сочли всѣ писавшіе объ этомъ, даже настоящіе ученые. Все это весьма интересно, но уже совершенно и далеко выходитъ изъ рамки настоящаго изслѣдованія, почему и приходится его разсмотрѣніе отложить. Скажу только, что до сихъ поръ предполагалась въ Крыма лишь одна епархія, Готѳейская въ эту пору, между тѣмъ оказывается, что и тогда ихъ было не менѣе трехъ, если не всегда, то хотя временами: Херсонская, Готѳейская и Кафо-Фульская.

[1]) Фонъ-Штрандманъ, Записки, Русск. Стар., 1884, Іюль, 69: (см. приложеніе IV),

[2]) Статистич. св. о Крымѣ. З. Од. Общ. Ист. и Др., т. XIV, 136,—138.

„подъ монастырь было отведено 25.000 десятинъ". Если это не какая-нибудь крупная описка или опечатка, то это выраженіе нельзя понимать иначе, какъ въ смыслѣ величины монастырскаго округа, его, такъ сказать, прихода; невозможно думать, чтобы ничтожному монастырю принадлежало столько земли на правахъ дѣйствительнаго владѣнія. Это огромное пространство, почти равное всему нынѣшнему севастопольскому градоначальству, вмѣщало и тогда нѣсколько деревень, даже больше, чѣмъ теперь:—Карань, Камары, Кадыкой, Алсу, Каракуба (не существуетъ), Мармора (не существ.), Чоргунъ, Акъ-яръ (не существ.), Учь-кую (не существ.), Бельбекъ (не существ.), Камышлы и два города, Балаклаву и Инкерманъ (не существ.). Не могло все это принадлежать монастырю, потому что, владѣя такимъ громаднымъ земельнымъ достояніемъ, онъ не былъ бы столь ничтожнымъ и могъ бы содержать гораздо больше монаховъ, а не трехъ-пятерыхъ, какъ то было въ самомъ дѣлѣ. Наконецъ, невѣроятно, чтобы русскія власти отобрали у монастыря такую большую землю, всю безъ остатка, да еще и такъ, что объ этомъ не сохранилось никакого воспоминанія; между тѣмъ мы знаемъ, что и теперешнее земельное владѣніе монастыря, около 900 десятинъ, составилось только изъ пожертвованій, сдѣланныхъ сосѣдями уже во времена русскаго владычества, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ [1]).

Послѣ выхода грековъ изъ Крыма, въ 1778 году, монастырь, хотя и оставался безъ ризницы, утвари, иконъ и даже антиминса, все же не былъ совершенно покинутъ, о чемъ мы знаемъ положительно изъ многихъ свидѣтельствъ. Всего подробнѣе о томъ говорилъ Чернявскому, еще въ 1792 году, старецъ Каллиникъ, пробывшій въ нашемъ монастырѣ восемьдесять лѣтъ, во время татаръ и въ смутное время междувластія, послѣ 1778 года остававшійся, повидимому, единственнымъ хранителемъ монастыря, не захотѣвъ его покинуть; ему то, по всѣмъ соображеніямъ, и обязанъ монастырь своимъ спасеніемъ и сохраненіемъ; къ сожалѣнію, Чернявскій не успѣлъ или не сумѣлъ толкомъ распросить такую драгоцѣнную живую лѣтопись, а можетъ и перезабылъ слышанное, вздумавъ напечатать свои воспоминанія болѣе чѣмъ черезъ полъ вѣка [2]). Однако, начало своей оффиціальной жизни въ русское время самъ монастырь считаетъ только съ 1794 года, когда будто бы назначенъ туда первый настоятель. Что же было съ монастыремъ въ промежутокъ времени между 1778—1794 годами?

---

[1]) **Никонъ, ор. с., 21.**

[2]) **Чернявскій, ор. с. (см. прилож. XXXVII)**

Въ годъ покоренія Крыма и долго послѣ того и войска и флотъ занимали сосѣднія съ монастыремъ Балаклаву и Ахтіярскую гавань. Не только близость, но еще болѣе священный характеръ и красоты природы нашего монастыря несомнѣнно послужили къ скорому съ нимъ сближенію и ознакомленію нашего воинства. Выше приведена замѣтка о монастырѣ одного изъ нашихъ офицеровъ; на всѣхъ многочисленныхъ, тогда же сдѣланныхъ картахъ, морскихъ и сухопутныхъ, монастырь обозначается особенно рѣзко, такъ что даже близъ него лежащій мысъ вначалѣ назвали мысомъ св. Георгія по имени монастыря и только впослѣдствіи упрочилось его исковерканное турецкое названіе— Феолентъ (Феленкъ-бурунъ, Тигровый мысъ, по цвѣту напластованій, темнаго трахита и желтоватаго известняка). Понятно, что при такихъ условіяхъ войска и эскадра, занявшіе Севастополь, во время окончательнаго присоединенія Крыма, въ 1783 году, увидѣли въ нашемъ монастырѣ знакомую и любимую обитель. Тогда же и Балаклава населилась вновь греками, хотя и не Крымскими [1]; имъ были пожалованы земли окрестъ монастыря. Если вспомнить, что и во флотѣ было очень много офицеровъ тоже родомъ грековъ, то не удивительно, что нашъ греческій монастырь оказался, можно сказать, настоящимъ учрежденіемъ на настоящемъ мѣстѣ; онъ тогда же самъ себя сопричислилъ къ сосѣдней Балаклавѣ и до сихъ поръ носитъ ея имя. Вслѣдъ за тѣмъ, въ новомъ воинствующемъ населеніи Севастополя и Балаклавы нашлись благодѣтели, жертвователи, строители и монастырь, понемногу, началъ возобновляться. Въ такомъ положеніи дѣла и слѣдуетъ видѣть причину того, что онъ не только уцѣлѣлъ при сплошномъ разореніи всего христіанскаго, но даже сталъ расти и развиваться въ то самое время, когда всѣ безъ исключенія монастыри и церкви въ горномъ Крыму были заброшены и на долгіе годы преданы запустѣнію. Поэтому-же совершенно невѣроятно, чтобы первый настоятель монастыря былъ назначенъ только въ 1794 году, какъ то утверждаетъ арх. Никонъ. Нельзя допустить, чтобы въ русской странѣ, окруженный русскимъ населеніемъ и начальствомъ, всѣмъ извѣстный и всѣми любимый монастырь оставался безъ настоятеля болѣе десяти лѣтъ; особенно это невѣроятно послѣ того, какъ въ Крыму была основана въ 1787 году Ѳеодоссійская викарная епархія, для православнаго, главнымъ образомъ

[1]) Такъ называемые, неправильно, албанцы, арнауты, выходцы изъ Мореи и Архипелага, послѣ экспедиціи Орлова, ихъ поселили сначала въ Керчи и Еникале, а потомъ, въ 1783 годъ, перевели въ Балаклаву, гдѣ и надѣлили землею.

греческаго населенія, какъ вышедшаго изъ Крыма, такъ и вновь его населившаго; первый епископъ этой епархіи, Дороѳей, и самъ былъ родомъ грекъ.

Въ этомъ же 1787 году состоялся пріѣздъ Императрицы Екатерины II въ Крымъ. Къ ея знаменитому путешествію все и вездѣ готовилось, между прочимъ, какъ я уже говорилъ выше, была напечатана особая книга, въ родѣ путеводителя, находившаяся въ рукахъ Императрицы и ея спутниковъ; въ этой книгѣ, въ числѣ достопримѣчательностей, показанъ и описанъ Георгіевскій монастырь[1]). Понятно, что, назвавъ и показавъ въ путеводителѣ монастырь, приходилось думать, что его можетъ посѣтить кто либо изъ высокопоставленныхъ лицъ; этого не случилось, но къ этому должны были готовиться и монастырь не могъ оставаться безъ призора и настоятеля[2]).

Для рѣшенія вопроса о времени назначенія настоятелей слѣдуетъ пересмотрѣть нѣкоторые архивы, чего я не могъ сдѣлать, но уже и теперь могу утверждать, что неимѣніе въ монастырѣ настоятелей до 1794 года такая же выдумка, какъ и многія выше показанныя, чему доказательства нашлись въ вышеприведенныхъ «Сборникѣ Документовъ» арх. Гавріила и «Дѣлѣ св. Синода». Когда второй по времени епископъ ѳеодосійскій Моисей умеръ въ 1792 году (самоубійство, въ болѣзненномъ припадкѣ), то временно управлять ѳеодосійскимъ архіерейскимъ домомъ былъ посланъ «Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря игуменъ Анѳимъ», который и доносилъ о томъ екатеринославской консисторіи 11-го апрѣля 1793 года; изъ вѣдомости, 1793 года (прилож. VII) видно, что игуменомъ нашего монастыря онъ опредѣленъ 10-го апрѣля 1792 года. Еще раньше, этотъ-же Анѳимъ, титуловавшійся намѣстникомъ ѳеодосійской епархіи, донося Моисею о числѣ

---

[1]) Пут. Ея Имп. Вел. 1786 г., стр. 76, (см. прилож. V).

[2]) Г. Бриннеръ, (Пут. Имп. Екатер въ Кр., Ж. Мин. Нар. Пр. 1872, № 7, стр. 45) говоритъ, что тогда монастырь посѣтили спутники императрицы, графъ Сегюръ и принцъ Нассау, но это ошибка, неправильно понятыя слова Сегюра, который не только не говоритъ, что самъ былъ въ монастырѣ, но и даетъ его описаніе въ видѣ буквальнаго перевода изъ вышеупомянутаго русскаго путеводителя. Это доказываетъ, что Сегюръ не видѣлъ самъ монастыря и что путеводитель составленъ не напрасно, его читали и принимали въ соображеніе. Мой экземпляръ этой довольно рѣдкой книги напечатанъ на особо хорошей бумагѣ и снабженъ черезъ каждую страницу вклеенными чистыми листками бумаги очень высокаго достоинства, на которыхъ, четкою рукою Екатерининскаго времени, сдѣлано не мало любопытныхъ примѣчаній; очевидно, что онъ былъ въ рукахъ кого либо изъ спутниковъ императрицы, но узнать руку я не могъ. Что ни Сегюръ, ни Нассау, не были въ монастырѣ, видно и изъ писемъ послѣдняго. C. de Ségur, Mémoires etc., 3—me éd., 1827, t. III, 186—187, 210—212; въ русскомъ переводѣ, Записки гр. Сегюра, Спб. 1865, почти всѣ эти мѣста, выпущены, да и вообще переводъ крайне не исправенъ; M. d'Aragon, Un paladin au XVIII Siècle, 158—167.

церквей въ Крыму, въ рапортѣ 18-го декабря 1791 года говорилъ: «Въ Севастополѣ . . . монастырь св. Георгія, церковъ каменная, (а не пещерная), игуменъ Никодимъ». Впослѣдствіи въ 1793—95 годахъ, тотъ же Анѳимъ велъ все дѣло розыска о времени основанія монастыря, о чемъ говорено выше [1]).

Въ 1794 году въ нашемъ монастырѣ былъ данъ пріютъ Игнатію архіепископу Реонтскому и Прэстскому, или Реондажскому, какъ пишетъ Никонъ, ставшему настоятелемъ монастыря [2]); при немъ Анѳимъ оставался игуменомъ и былъ вновь самостоятельнымъ послѣ смерти Игнатія, съ 1799 года; только съ этого года его показалъ и Никонъ въ спискѣ настоятелей [3]).

Изъ сказаннаго мы видимъ, что уже съ 1791 года были въ монастырѣ настоятели, два имени которыхъ, Никодима и Анѳима, надо прибавить къ списку извѣстныхъ до сихъ поръ. Не сомнѣваюсь, что внимательный пересмотръ архивовъ южныхъ епархій, а, вѣроятно, даже одного монастырскаго, укажетъ его настоятелей и еще раньше, съ самаго начала русскаго владычества.

Съ конца XVIII вѣка судьбы нашего монастыря извѣстны довольно хорошо; онѣ описаны тѣмъ же арх. Никономъ, хотя и въ этомъ случаѣ онъ не отличился ни безпристрастіемъ, ни точностью, ни подробностью, много говоря о самомъ себѣ и въ весьма слабой мѣрѣ указывая дѣла своихъ попечительныхъ, добросердечныхъ предмѣстниковъ; сказанное имъ безъ измѣненія перепечатывается монастырскими и всякими иными изданіями понынѣ. Впрочемъ, все уже не представляетъ особаго интереса и въ достаточной степени выяснится всякому, кто будетъ имѣть терпѣніе просмотрѣть перепечатанныя въ приложеніи замѣчанія разныхъ путешественниковъ; для большихъ подробностей у меня нѣтъ подъ руками достаточно данныхъ, вѣроятно, находимыхъ въ архивѣ монастыря.

Надо замѣтить, что монастырь, хотя и находился въ русской странѣ и подчинялся русскимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ,

---

[1]) Сборникъ докум. арх. Гавріила, т. I. Док. о смерти Моисея и числѣ церквей; Дѣло арх. св. Синода, № 41.

[2]) Былъ архіепископомъ Реонта и Прэста (*Ρέοντος καὶ Πραιστοῦ*, близъ Наварина), подчиненнымъ митрополиту Монемвасійскому (Наполи-ди-Мальвазія; Le Quien, op. c., II, 219, 236—37; *Σαθᾶ*, *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη επιστασία*, T. I., 567, 575) и вышелъ въ Россію вмѣстѣ съ митрополитомъ Монемвасійскимъ Анѳимомъ и другими архипелажскими греками. Анѳимъ умеръ и погребенъ въ Керчи, подлѣ церкви св. Іоанна (Кондараки, Универ. опис. Крыма, ч. 16, 55). Патріаршія грамоты Игнатію, (ставлен. 1784 г. и другія) находятся въ библіотекѣ Од. Общ. Ист. и Др. (опис. Серафимовъ въ IX, т. Зап. Общ., стр. 382).

[3]) Никонъ op. c. 11.

все же долгіе годы сохранялъ вполнѣ свой греческій обликъ; его настоятели, да и монахи, были чистокровные греки, за рѣдкимъ исключеніемъ; служба шла почти всегда на греческомъ языкѣ. Число монаховъ, въ то время, было очень незначительно: въ 1793 году ихъ было восемь [1]); въ 1796 считалось пять [2]); въ 1820 числилось одиннадцать и между ними только одинъ малороссъ, а остальные всѣ греки [3]); въ 1822 году находилось только пять, всѣ греки [4]); даже въ 1837 было лишь десять монаховъ, но уже большинство ихъ, если не всѣ, русскіе [5]). Съ этого времени, съ начала тридцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ развитіемъ черноморскаго флота, увеличивается число монаховъ, а съ усиленіемъ во флотѣ русскаго элемента или, точнѣе сказать, съ исчезаніемъ и обрусеніемъ греческаго, сталъ вполнѣ русскимъ и нашъ монастырь, до крымской войны служившій убѣжищемъ іеромонахамъ, назначаемымъ на суда черноморскаго флота.

Этимъ я закончу свои замѣтки, сожалѣя о томъ, что не много могъ сказать положительнаго по исторіи монастыря, но какая же и можетъ быть исторія у бѣдной, жалкой, но дивно красивой, чисто отшельнической обители. Нужны были наши времена всеобщей погони за рекламой, чтобы выдумывать такую исторію, о которой прежнимъ простецамъ-монахамъ, умѣвшимъ лишь славить Господа въ величіи созданнаго имъ, не приходило и въ голову. Еще болѣе сожалѣю, о томъ, что мнѣ пришлось очень много говорить отрицательнаго, но это уже вина не моя и не стараго монастыря.

Будемъ же надѣяться, что все пройдетъ и забудется, одна лишь правда останется.

А. Бертье-Делагардъ.

Декабрь 1897 — Декабрь 1907
Сухумъ. Ялта.

---

[1]) См. прилож. VII, вѣдомость изъ дѣла св. Синода.

[2]) Guthrie, A tour etc., (см. прилож. IX).

[3]) Герасовъ, Путевыя записки, Спб. 1830, стр. 35, (см. прилож. XXVII).

[4]) Lyall, Travels etc., Lond., 1825, 300; Jones., Travels etc., Lond., 1827, 271 (см. прилож. XXVIII и XXVIX).

[5]) Demidoff, Voyage, Paris, 1840, 396, (см. прилож. XXXV).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Martini Broniovii, Tartariae descriptio. Col. Agripp. 1595.

P. 6. «Est in eo loco unde rivullus ille delabitur pagus quidam non ignobilis, et non procul in ripa maris, in monte saxoso, Graecum monasterium. Sancti Georgii solemne, anniversario devotio Graecis Christianis qui nunc in Tauria sunt reliqui, in magna frequentia ibi fieri solet».

Броневскій (Мартынъ). Описаніе татаріи. Кельнъ, 1595.

Стр. 6. «Въ томъ мѣстѣ, откуда вытекаетъ этотъ ручеекъ*) есть деревня, не ничтожная и неподалеку, на берегу моря, на каменистой горѣ, греческій монастырь. Тамъ обычно празднуютъ ежегодное торжество св Георгія благочестивые греки-христіане, еще остающіеся въ Тавридѣ, стекаясь многолюднымъ сборищемъ.

Примѣчаніе: Переводъ соч. Броневскаго данъ въ VI т. Зап. Од.Общ. Ист. и Др., нашъ параграфъ и стр. 341. Настоящій переводъ нѣсколько измѣненъ.

II.

Списокъ жалованной отъ царя Бориса Годунова грамоты, данной въ Крымъ на четыре церкви благочестивыя въ Салачикѣ ежегодной дачи руги по 30 руб. на годъ, — присланный отъ россійскихъ въ Крыму бывшихъ 1628 года посланниковъ Тарбѣева и Басова.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Степанко Тарбѣевъ, Івашко Басовъ челомъ бьютъ. Приѣзжали к намъ холопемъ твоимъ на станъ въ Яшловъ . . . . . изъ золотчиковъ попъ Онтонъ да попъ Василей и привозили с собою къ намъ холопемъ твоимъ царя Бориса и сына ево царевича Ѳедора жалованную ружную грамоту за красною печатью, а говорили намъ холопемъ твоимъ, что онѣ молятъ Бога за тебя великаго государя, и за всѣхъ благовѣрныхъ князей; и мы холопи твои съ тоѣ жалованной грамоты, списавъ списокъ слово въ слово, послали къ тебѣ государю, подклея подъ сеѣ отписку, а подлинную грамоту отдали имъ назадъ; а списали, государь, съ тоѣ гра-

*) По предыдущему, тотъ ручеекъ, отъ котораго начинался херсонесскій водопроводъ; нынѣ это мѣсто называется балкою Юхарина.

моты и послали къ тебѣ государю для того, чтобъ (тебѣ государю) про тоѣ грамоту было вѣдомо.

На оборотѣ отписки:

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русиі».

«136-го августа въ 24-де с станичным татарином *сачехдою Бунюковымъ.*»

„136-го августа въ 25-тъ государь і святѣйшиі государь патриархъ указалъ к тѣмъ храмамъ ко Пречистой богородицы что въ золотчикѣ, и к Предтечи и къ Егорью страстотерпцу и к Ѳедору стратилату послать ево государево жалованье по прежнему.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Бога всемогущаго и во всѣх всяческая дѣйствущего вездѣ сый и вся исполняющего и утешения благаія всѣм чловѣкомъ дарующего того силою и дѣйствомъ чловѣколюбия и жизни дателя въ Троицы славимого милостию и властию и хотѣньем и благоволениемъ Богомъ избранныі утвердившему скифетръ держать в православиі во осмотрѣнье і во обдержание великого россиіскаго царствия и многих новоприбылых государствъ и з Божиею помощию соблюдати мирно и безмятежно на веки. Мы великиі государь царь и великиі княз Борис Ѳедорович всеа Русиі, самодержецъ Владимирскиі, Московскиі, Новгороцкиі, царь казанскиі, царь Астраханскиі государь Псковскиі и великий княз Смоленскиі, Тверскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятскиі, Болгорскиі и иных государь и великиі князь Нова города Низовские земли, Черниговскиі, Резанскиі, Ростовскиі, Ярославскиі, Белозерскиі, Лиѳлянскиі Удорскиі, Обдороскиі, Кондинскиі і всея Сибирския земли и северные страны повелите и государь Иверские земли грузинскихъ царей и кабардинские земли Черкаских и горских князей и иныхъ многихъ государствъ государь и обладател и сынъ нашъ царевичь князь Ѳедор Борисович всеа Русиі. Пожаловали есмя Пречистые Богородице что в Крыме в Салачике попа Онтона да брата его попа Павла да Егорьгия страстотерпца что въ Корсуни, игумена Мелентия да Ивана Предтечи попа Костянтина да Ѳедора стратилата попа Федора или въ перед хто у тѣхъ храмов иные попы будут, что бил намъ . . . . . поп Онтонъ да греченя Паскел да Ол . . . . . а сказали: было де у них блаженные памяти . . . . . государя царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русиі самодержца жалованная грамота, что им имати наше жаловане годовые руги на тѣ четыре престола тритцат рублевъ на год, и та де у них жалованная грамота утерялас и нам бы великому государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичю всеа Русиі самодержцу и сыну нашему царевичу князю Ѳедору Борисовичю всеа Руси попа Онтона и брата его попа Павла и игумена Мелентия и поповъ Костянтина да Ѳедора и иныхъ, которые въ пред у тѣхъ храмовъ попы будут пожаловати, велѣти имъ дати нашу царскую жалованную новую грамоту на наше царское имя и на сына нашего царевичево князе Ѳедорово имя. Мы великиі государь царь и великиі княз Борис Ѳедоровичь всеа Русиі самодержец и сынъ нашъ царевичь княз Ѳедор Борисович всеа Русиі, пречистые Богородицы что въ

Крыме в Салачике попа Онтона или хто по них у тѣх церквеи попы впред будут, пожаловали нашу царскую жалованную грамоту велѣли имъ дати за нашею царскою печатю, коли попы Онтонъ или иной которой поп отъ тѣхъ храмов приѣдут к нам в наше государство к Москвѣ и им нашего царскаго жалованя велили есмы мы давати на престолъ ко пречистой Богородицы в Салачикъ по пятинатцати рублевъ на год, а к Ивану предтечю да къ Егорю страстотерпъцу да к Ѳедору стратилату, которые у тѣх храмов священники будут по пятнатцати рублевъ на год по пяти рублев к престолу і всего на всѣ четыре престолы велѣли есмя давати нашего жалованя руги тритцать рублевъ денегъ на год; а коли попъ Онтонъ или Іванна предтечи и отъ Егоргия страстотерпца и от Ѳедора стратилата священники въ которомъ году к Москвѣ (не) приѣдут, мы великиі государь царь и великиі княз Борисъ Ѳедорович всеа Русиі самодержецъ и сын наш царевичь княз Ѳедоръ Борисовичь всеа Русиі тѣ руж . . . . . велим посылати въ Крымъ с нашими посланники или з гонцы, коли лучитца от насъ посылка въ Крымъ. А ныне пожаловали есмя велѣли дати наше руги попу Онтону на прошлые на три годы, на которые годы имъ нашего жалованя руги не дано, на 105 да на 106 да на 107 год по росчету по прежнему нашему указу двадцат два рубля с полтиною, а к Ивану предтечи и къ Егорю страстотерпцу и к Ѳедору стратилату наше жаловане ругу на тѣ прошлые на три годы велѣли есмя послати з гонцом нашимъ с иваномъ с Лодыженскимъ по прежнему на храм по дватцати по два рубли с полтиною; да с попом же с Онтономъ послали есмя к пречистей Богородицы въ Салачикъ да к архангелу Михаилу вь новосуроженной храм да в храм же къ Настасѣе Христовы мученицы три образы: образ пречистые Богородицы да образ архангела Михаила да образ великие мученицы Настасѣи да три свечи мѣстные поставных. Дана ся наша царская и сына нашего царевича князя Ѳедора жалованная грамота въ царствущем граде Москвѣ лѣта 7107-го декабря мѣсяца.

Московскій Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Крымскія дѣла 1598 (7107 г.). Декабрь Точный списокъ съ провѣреннаго въ Архивѣ. Орѳографія соблюдена, титла раскрыты.

III.

Переводъ з греческой грамоты, что писалъ ко государю царю і великому князю Махаилу Федоровичу всеа Руси Сераѳимъ митрополитъ Херсонскиі і Ератинскиі о милостинѣ въ нынешнемъ во 145-мъ году августа въ 16 день.. (1637 годъ).

Благочестивому Богомъ вѣнчанному християнскому самодержавному Московскому государю царю і великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русиі облагодателю державному твоему царствію и миръ і милость здравье от Бога Вседержителя и Господа нашего Исуса Христа по семъ многолѣтныі царю дерзнувъ есть писати к великому твоему царствію, что государь во время Магметъ-Гирея царя былъ в Крыму твоі государевъ посолъ Степанъ с товарищи і в тѣ поры пришли безбожные нагайские таторовя и

осадили нас и ограбили до конца і преосвещенные и свещенные сусуды и церковное строеніе все поимали и после того посылалъ есми к тебѣ государю з греченином сываномъ челобитную, и тотъ греченинъ іванъ с Москвы в Крым приѣхалъ, а указу от тебя государя никакова не прівез, а не только привез к нам от царствия твоего одну о милостне грамоту, а в ней пишешъ, что какъ де приѣдут в Крымскую землю твои государевы послы і в ту-де пору пришлютъ к нам твою государеву милостину, какъ тебѣ государю Богъ известитъ, и с тѣхъ, государь, мѣстъ три года прошло и ниединое слово к нам не бывало и люди твои государевы, которые к нам приѣзжаютъ и отезжаютъ, а къ нам ничево не бывало, и сего ради посылаем царствию твоему грамоту твою государеву, что послалъ еси к нам. И какъ произволитъ царьствие твое прислати милостыню и нам для святые Божие церкви всего нужнѣе зѣло архиерейския ризы и церковные сосуды; а мы ради за царствие твое Бога молити безпрестанно. А ныне от нашего же смиренное моление, потому что пребываемъ во многихъ бѣдностяхъ, в скорбяхъ от безбожныхъ одержащихъ нас агарянъ, не токмо тѣ прошлые беды и в нынешнемъ году июля мѣсяца поималъ нас султанъ и посадилъ нас в тюрьму меня и брата моего попа Димитрія и взялъ у нас две тысящи еѳимковъ и сего ради слыша благодательное и нищихъ любителное милосердие твоего царствия и милостню писали к царствию твоему, что намъ головы своеѣ инде приклонит нѣгдѣ и да сотворитъ царствие твое милостиню, какъ тебѣ государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣстит. Посемъ благодать Божия и безчисленная его милость и молитва и благословение нашего смирения буди со державнымъ твоимъ царьствиемъ аминь.

Писано лѣта 7144 (1636) мѣсяца августа въ 1 день, а внизу грамоты подпись: смиренной митрополитъ Гератинской и Херсонской.

Московскій Главн. Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ. Крымскія дѣла 1637 г. Августа 16 № 24.

Орѳографія соблюдена, титла раскрыты. Точный списокъ съ провѣреннаго въ архивѣ.

IV.

Записки Густава Фонъ-Штрандмана 1771 г.

Русская Старина 1884 г. Іюль

Стр. 69. Въ 8-ми верстахъ отъ Балаклавы, на крутомъ берегу расположенъ небольшой русскій (т. е. православный) Георгіевскій монастырь. Въ настоящее время живутъ всего пять монаховъ; мѣстные греки ходятъ молиться въ монастырь.

V.

Путешествіе Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи. Спб. 1786.

Стр. 75—76. По близости отъ развалинъ сего города (Херсонеса) выдается въ море мысъ, извѣстный въ древности подъ именемъ Парѳеніона, состоящій изъ высокія и утесистыя горы, на коемъ былъ нѣкогда храмъ и статуя Діаны Таврическія, а нынѣ тутъ находится малый монастырь Св. Георгія. Съ верху сея горы къ морю по крутому ея утесу высѣчена въ камняхъ узенькая тропинка, ведущая ко вратамъ пустынки, сдѣланныя на узкомъ уступѣ сея висящія надъ моремъ крутизны. Уступъ сей шириною не болѣе 3, а въ длину саженъ на 15; на немъ построено нѣсколько келей, а посрединѣ ихъ высѣчена въ горѣ церьковь, черезъ двери и два небольшія окошка съ внѣшной стороны освѣщенная.

VI.

Worsley, Sir Richard. Museum Worsleyanum or a collection of antique Bassorelievos Bustos, Statues and Gems, with views of Places in the Levant, taken on the spot in the years 1785-6-7. London 1894.

View of the Cape and monastery of St. George.

View of the Cape and monastery of St. George, built on the ruins of the Temple of Diana Taurica, situated on the south-west coast ot the Crimea, distant about three hundred and fifty miles from Constantinople. The mountains between Cape St. George and Balaclava, are composed of a compact calcareus stone, shining in the interior: they are perpendicular on the side towards the sea, and in parts undermined at the bases; in others, they appear to have suffered some violent shocks. Immense pieces of the rock have rolled from the top into the sea where they are seen lying along the shore; they present likewise beds of the same rock perpendicular, and there are evident marks of subtecraneous fire. Almost every where on the sur face is to be seen clay of o reddish colour, and the stones appear to abound whit iront In some of the crevices of the rocks are found cubic chrystals of half transparent spath, and some of a half hexagon shape. In some places is also to be met with a calcareous stone dividing like states, of a grey colour mixed with white, but none of these stones inclose petrifactions; but shells are found in the cliffs of an argillaceous substance, even to the summits of the mountains.

Видъ мыса и монастыря Св. Георгія. (Въ 1786 году).

Видъ мыса и монастыря Св. Георгія, построеннаго на развалинахъ храма Діаны Таврической, находящагося на юго-западн. берегу Крыма, въ разстояніи около трехсотъ пятидесяти миль отъ Константинополя. Горы

между мысомъ Св. Георгія и Балаклавой, состоятъ изъ плотнаго известковаго камня, блестящаго въ изломѣ: они представляютъ отвѣсные обрывы, мѣстами подмытые въ основаніи, другія мѣста указываютъ на сильные подземные толчки. Огромныя части скалъ свергнуты съ горъ въ море, гдѣ они видимы лежащими вдоль берега, они также представляютъ отвѣсные обрывы и носятъ явные слѣды подземнаго огня. Почти вездѣ на поверхности видна глина красноватаго цвѣта и въ камняхъ оказывается обиліе желѣза. Въ нѣкоторыхъ расщелинахъ скалъ были находимы кубическіе кристаллы прозрачнаго шпата отчасти гексогональной формы. Мѣстами, встрѣчаются известковые камни слоистаго образованія сѣро-бѣлаго цвѣта, эта порода не заключаетъ окаменѣлостей, но находились раковины, въ скалахъ глинистаго сланца, даже на вершинахъ горъ.

VII

Изъ архива Св. Синода, дѣло 1794 года № 41, о Балаклавскомъ монастырѣ; представлена вѣдомость 30 ноября 1793 г. за № 152.

Вѣдомость учиненная въ Ѳеодосійской духовной консисторіи по силѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 29 Сентября сего 1793 года указа, о состоящемъ въ Ѳеодосійской епархіи одномъ мужескомъ монастырѣ, въ которомъ онъ уѣздѣ и при какомъ урочищѣ положеніе имѣетъ, въ какое имянованіе церковь, кто въ немъ настоятель, и сколько монашествующихъ, и отъ чего содержаніе имѣютъ.

1-е. Монастырь положеніе имѣетъ Симферопольскаго уѣзда на берегу Чернаго моря, въ горѣ называемой Балаклава, между бывшимъ Херсонесомъ и городами Севастополемъ да Балаклавою, и по сему послѣдняго города имени называется и монастырь Балаклавскимъ, но когда и кѣмъ оной заведенъ, надписей и записокъ не сыскано, и никто изъ монашествующихъ о томъне знаетъ, который разстояніемъ отъ ѳеодосійскаго архіерейскаго дома въ сту семидесяти шести верстахъ.

2-е. Въ немъ церковь великомученика Георгія изъ дикаго камня малая.

3-е. Настоятель Ігуменъ Анѳимъ, уроженецъ купеческій, учился греческой, вольской и Россійской грамотамъ, 1759 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ у вольскомъ городѣ Букарешскѣ Митрополитомъ Гревенскимъ Хрисанѳомъ постриженъ въ монашество и Іеродіакономъ произведенъ, 1766 года февраля 17 въ Яссахъ. Гавріиломъ Митрополитомъ Ясскимъ рукоположенъ во Іеромонаха и того года выѣхалъ въ Россію въ Московскій греческій монастырь, находился въ немъ 10 лѣтъ при священнослуженіи, въ 1776 году по прозьбѣ Черниговской Епархіи Нѣженскаго Благовѣщенскаго монастыря Архимандрита Варлаама перешелъ въ тотъ монастырь, и съ того года 1787 года по мартъ мѣсяцъ исправлялъ должность Намѣстника. Въ Мартѣ же мѣсяцѣ покойнымъ Преосвященнымъ Дорофеемъ Епископомъ Ѳеодосійскимъ и Маріупольскимъ взятъ въ Старый Крымъ, находился при немъ

Протосингеломъ, а 1792 года Апрѣля 10 числа Преосвященнымъ Моисеемъ Епископомъ Ѳеодосійскимъ опредѣленъ въ Балаклавскій Георгіевскій монастырь Ігуменомъ. Лѣтъ ему отъ роду 57.

4-е. Монашествующихъ:

Іеромонаховъ 3
Іеродіаконовъ 1
Монаховъ 4

Итого 8

5-е, Заведенъ возлѣ монастыря малый виноградный садъ, имѣется рогатый скотъ и овцы, но земли для хлѣбопашества и сѣнокоса, а равно другихъ угодій нѣтъ, и монашествующіе питаются съ Економіи и доброхотнаго подаянія.

Балаклавскаго Еоргіевскаго монастыря игуменъ Анфимъ,
Секретарь Иванъ Триполскій
Канцеляристъ Никита Степановъ.

VIII.

Van Woenzel. Aanteekeningen, gehouden op eene reise door Turkijen . . . . , de Krim etc. Constantinopolen 1794.

V II, p. 263. „ . . . maar dat, welk op den weg van Balaklava op de niterste boord van een over de zee hangende klip gebaund is, werdt noch door een Bisschop en eenige Grieksche munniken bewoont. Ik ziegeen kans mijne eerlijke, onbereisde landsluî een denkbeeld te geeven van een zo woerte Kluizenorij.“

Ванъ Вöнцель. Замѣтки сдѣланныя во время путешествія по Турціи . . . . . Крыму и проч. 1794 г.

„ , , , , но тотъ (монастырь), что построенъ на дорогѣ къ Балаклавѣ, на самомъ краю скалы, висящей надъ моремъ, еще обитаемъ епископомъ и нѣсколькими греческими монахами. Не вижу возможности, мои честные непутешествовавшіе соотечественники, дать описаніе столь дикой обители. Примѣчаніе: Былъ въ Крыму на службѣ въ Севастополѣ, морскимъ врачемъ въ 1787 и 88 годахъ, (стр. 233—239),

IX.

Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russisches Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig 1801.

V. II, S. 90—93. Das Kloster St. Georgs liegt in einer flachen Aushöhlung des südlichen sehr hohen und steilfelsigen Ufers des Chersones, zwischen dem vorerwähnten fürchterlichen Vorgebirge Aja-Burum und der vor-

springenden Felsenecke, welche das Georgiesche Vorgebirge (Georgiefskoi Muis) genannt wird. Von dem obersten ganz felsigen Absatze dieser Einbucht senkt sich hier das Ufer in abwechselnden Stufen-Felsenabsätzen steil bis zur Seefläche, dergestalt, dass die schmalen Stufenabsätze oder Terrassen zu oberst zu Wohnungen, weiter hinunter aber zu Weingärten haben eingerichtet werden können, wie denn auch Bäume, und darunter der Cypressenähnlich e schwarze Wacholder (Juniperus lycia) zwischen den Felsen zerstreut wachsen. Die Lage, und Ansicht des Klosters, der Gärten und des ganzen Ufers macht der Prospect auf der siebenten Platte, welcher von der Höhe der vorspringenden Ecke des Ufers an welcher die schwärzliche Klippe in der See liegt, gezeichnet ist, deutlich Es ist schwer, dergleichen aus der Höhe genommene Aussichten mit hinlänglicher perspectivischer Richtigkeit auf dem Papiere darzustellen. Man wird sich aber wenigstens daraus von der Anlage des Klosters eine Vorstellung machen können, welche aus der fünften Vignette noch deutlicher wird. Bey dem Einschnitte des Ufers, durch welchen man zum Kloster, zwischen Oolithen ähnlichem Kalksteine, (der aber aus lauter kleinen, Hirsekörnern ähnlichen, incrustirten Schnekchen besteht) hinunter geht, zeigen sich Stellen, wo man grosse Werkstücke, wie man sie in den alten Gebäuden des Chersones findet, ausgebrochen hat; und die Gebäude bey der Uschakofschen Meierey zeigen auch eben diese Art von Kalkstein. Über dem Kloster selbst soll man, durch Einsturz des Ufers, diejenige antike Säule gefunden haben, welche noch daselbst gezeigt wird und die nur aus Kalkstein aber in sehr richtiger Proportion gearbeitet, doch ohne Kapitäl ist. Sie ist vierhalb Arschinen lang und im grössten Durchmesser 13 Zoll. In der Mitte bauchig und scheint sehr alt zu seyn. Einige wollen daraus schliessen, als ob hier über dem Kloster das Fanum daemonis virginis gestanden habe, wovon man aber von dem beym Aja-Burum zuerst beschriebenen Gebäude an bis zu der Felsenecke der schwarzen Klippe nicht die geringste Spur sieht. Der Ort kann jedoch wohl durch allmähliges Einstürzen der Felsen unkenntlich geworden seyn. Denn auch jetzt sind die Felsen des obern Absatzes über dem Kloster und der Kirche so überhängend, dass es nur eines geringen Erdbebens bedarf, um sie herab zu stürzen. Es befinden sich verschiedene Grotten darunter, wovon einige zu Mönchszellen und zum Hühnerstall gemacht worden und bey welchen einige schöne Feigenbäume stehen, die von dem harten Winter 1798 und 1799 nicht gelitten haben, der doch sonst in einigen Thälern diese Bäume bis an die Wurzel tödtete. Die Lage des Klosters ist aber ungemein warm, ganz gegen die Mittagssonne gerichtet, vor allen kalten Winden geschützt und nur bey südlichen und südwestlichen Stürmen fürchterlich. Das Kloster besteht aus einer kleinen Kirche, einem durch bedeckte Gänge damit zusammenhängenden grossen Gastzimmer und einigen mässigen Wohnungen, die von wenigen griechischen Mönchen bewohnt werden. Es wohnte da auch ein griechischer, untergeordneter Bischof, und das Kloster ist wegen der Lust- und Wallfahrten, die am Georgentage im Aprilmonate, vorzüglich von Griechischen Familien aus der ganzen Krym dahin geschehen, und die besonders den Weibern wohlgefallen, berühmt. Gleich unter dem Kloster quillt ein wohleingefasster Quell aus dem Felsen, welcher zur Be-

wässerung der Weingärten abwärts fliesst und vortreffliches reines und kaltes Wasser hat. An den Felsen wächst viel Elaterium und andere Wärme liebende Gewächse. Es ist aber am Ufer mühsam botanisiren, und mit den besten Lungen wird schwerlich Jemand, wenn er bis zur See den Schlangenpfad hinabgestiegen ist, in einem Athem wieder bis zum Kloster hinauf klimmen.

Nach dem ersten Besuche, den ich bey diesem Kloster abstattete, da auf dem hohen Ufer noch nichts als ein hölzernes Kreuz zu sehen war, und der Reisende beym Eingange, der zum Kloster führt, durch die unvermutete Aussicht in ein angenehmes Erstaunen gerieth, ist jetzt eine Capelle zum Gedächtnisse eines da beerdigten Griechen erbaut; auch hatte der in den Grafenstand erhobene General Kachofsky daselbst eine grosse Menge der ungeheuren Werkstücke der alten Chersonitischen Gebäude zusammenführen lassen, um seiner hier beerdigten Gemahlin eine solche Gedächtnisscapelle zu erbauen. Es ist aber bei dem Vorsatze geblieben."

Палласъ. Замѣчанія изъ путешествія въ южныя провинціи Россійской Имперіи в 1793и1794 годахъ. Лейпцигъ 1801. Томъ, II. стр. 90.-93.

Монастырь Св. Георгія лежитъ въ неглубокой бухтѣ очень высокаго и скалистаго южнаго берега Херсонеса между вышеупомянутымъ весьма грознымъ мысомъ Ая-Бурунъ и выдающимся скалистымъ отрогомъ, носящимъ названіе Георгіевскаго мыса. Съ верху весьма обрывистыхъ береговъ этой бухты мѣстность круто спускается до уровня моря, сбразуя по перемѣнно ступени и скалистые уступы, такъ что узкіе ступенчатые уступы или терассы могли быть приспособлены на верху для жилыхъ помѣщеній, далѣе же къ низу для виноградниковъ; среди скалъ мѣстами произростаютъ также деревья и между ними, похожій на кипарисъ, черный можевельникъ (Iuniperus lycia). Ясное представленіе о положеніи и видѣ монастыря, садовъ и сего берега даетъ рисунокъ на 7-мъ листѣ, взятый съ высоты выдающагося пункта берега, гдѣ въ морѣ находится черноватый выступъ. Подобные виды, взятые съ высоты, трудно изобразить на бумагѣ съ достаточной правильностью перспективы. Но по крайнѣй мѣрѣ онъ даетъ возможность составить себѣ представленіе о положеніи мѣстности, уясняющееся еше болѣе 5-ой виньеткой. Въ прорѣзѣ берега, по которому спускаются къ монастырю между известняками подобными оолитовымъ (но состоящимъ исключительно изъ мелкихъ окаменѣлыхъ ракушекъ, похожихъ на просяныя зерна) находятся мѣста, гдѣ были выломаны большія плиты, подобныя находимымъ въ древнихъ сооруженіяхъ Херсонеса; такія же зданія близъ Ушаковской мызы построены изъ известняка той же породы. Даже надъ самымъ монастыремъ, говорятъ, вслѣдствіе обвала берега, была найдена та древняя колонна которую тамъ-же еще показываютъ; она выдѣлана также изъ известняка, но весьма правильныхъ пропорцій, хотя безъ капители. Имѣетъ три съ половиной аршина длины и въ наибольшемъ поперечникѣ 13 дюймовъ, въ средней части выпукла и повидимому, весьма древня. Нѣкоторые думаютъ

изъ этого заключить, что здѣсь, надъ монастыремъ, былъ расположенъ Eanum daemonis virginis, отъ котораго, однако. не видно ни малѣйшаго слѣда, на пространствѣ отъ выше писаннаго зданія у Ая-Бурунъ, до угла черной скалы, Впрочемъ, мѣстность могла сдѣлаться неузнаваемой вслѣдствіе постепеннаго обвала скалъ, ибо и теперь скалы верхняго уступа настолько нависли надъ монастыремъ и церковью, что достаточно незначительнаго землетрасенія, чтобы свергнуть ихъ внизъ. Подъ этими скалами находятся различныя пещеры, изъ которыхъ нѣкоторые обращены въ монастырскія кельи и въ курятникъ; около нихъ стоятъ нѣсколько прекрасныхъ фиговыхъ деревьевъ, не пострадавшихъ отъ суровой зимы 1798—1799 г., погубывшей въ нѣкоторыхъ долинахъ такія деревья до корня. Мѣстоположеніе монастыря чрезвычайно теплое, обращено прямо къ полудню защищено отъ всѣхъ холодныхъ вѣтровъ; страшны же только южныя и югозападныя бури. Монастырь состоитъ изъ маленькой церкви, большой трапезы, соединенной съ ней крытымъ ходомъ и нѣсколькихъ скромныхъ жилищъ, населенныхъ незначительнымъ числомъ греческихъ монаховъ; тамъ жилъ также греческій подчиненный епископъ; монастырь славится благодаря увеселительнымъ поѣздкамъ и паломничествамъ, которыя предпринимаются въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ день Св. Георгія, преимущественно греческими семьями и которыя нравятся въ особенности женщинамъ. Непосредственно у подножія монастыря бьетъ изъ скалы хорошо обдѣланный источникъ, текущій внизъ для орошенія виноградниковъ и имѣющій чистую и холодную воду. На скалахъ находится много Elaterium'a и другія растенія, любящія тепло. Ботанизировать, впрочемъ, на берегу трудно и, спустившись къ морю внизъ по извилистой тропинкѣ, даже съ лучшими легкими, трудно сразу опять подняться наверхъ къ монастырю.

Во время перваго моего посѣщенія этого монастыря, на высокомъ берегу не видно было ничего, кромѣ деревяннаго креста, и путешественникъ при входѣ, ведущемъ къ монастырю, бывалъ пріятно пораженъ неожиданнымъ видомъ. Теперь здѣсь построена часовня въ память погребеннаго здѣсь грека; генералъ Коховскій, возведенный въ графское достоинство, велѣлъ свезти туда-же большое количество громадныхъ плитъ древнихъ херсонесскихъ сооруженій, чтобы воздвигнуть изъ нихъ часовню въ память своей супруги, здѣсь погребенной. Но это осталось только въ предположеній.

X.

Guthrie (Mrs. Maria). A tour performed in the years 1795—96, th rough the Taurida, or Crimea, etc London, 1802.

Lettre XXXI.

Стр. 204—106. „The Monastery of St. George is a peaceful and quiet retreat, nom only inhabiteb by five Greek monks. . . . . The monks subsist on

the charity of the inhabitants, and the produce of a pretty garden which they cultivate with their own hands in the bosom of their romantic rocks; dividing their time most judiciously between prayer and labour.

P. S. I had forgotten to tell you, that the situation of this convent is most charmingly romantic, and the view from it one of the finest and most delightful in the world. The cells and chapel are cout out of the living rock, with its garden produces not only plenty of excellent pot-herbs, but a variety of fine flowers and delicious fruits "

Гутри. Поѣздка, 1795—6 годахъ, по Тавридѣ и проч. Лондонъ 1802.

Стр. 104—106. „Монастырь св. Георгія мирное и тихое убѣжище, нынѣ обитаемое пятью греческими монахами.

Монахи существуютъ благотвореніями жителей и произведеніями своего красиваго сада, находящагося на склонѣ романтическихъ скалъ, обработываемаго ихъ собственными руками; свое время они правильно распредѣляютъ между молитвою и работою.

P. S. Забылъ вамъ сказать, что мѣстоположеніе монастыря плѣнительно-романтическое, а видъ изъ него одинъ изъ пріятнѣйшихъ и прелестнѣйшихъ въ свѣтѣ. Кельи и часовня высѣчены въ естественной скалѣ, а ихъ садъ даетъ не только много хорошаго подножнаго корма, но и разнообразные нѣжные цвѣты и вкусные плоды."

Примѣчаніе. Въ пропущенныхъ строчкахъ довольно длинной главы не заключается болѣе никакого фактическаго матеріала. Хвалитъ очень трудолюбивыхъ монаховъ, Екатерину и т. п. Указываетъ что русскіе этотъ монастырь считаютъ построеннымъ на мѣстѣ храма Діаны, что Палласъ думаетъ иначе. Большія подробности на эту тему находятся въ слѣдующей главѣ; все это къ нашему дѣлу не относится, да и само по себѣ представляетъ безынтересное повтореніе.

XI.

Сумароковъ, Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. Москва, 1800 г.

Стр. 122—123. „Верстъ 8 далѣе Херсонеса къ Балаклавѣ находится современный ему древностью Греческій Георгіевскій монастырь, который стоитъ въ полугорѣ великой крутизны надъ самымъ моремъ. Сія обитель, вмѣщающая въ себѣ небольшую оскудѣвшую церковь, притомъ нѣсколько келій обнесена каменною оградою... (описаніе красотъ природы)... Встрѣчающіяся повсюду въ Крыму изображенія св. Георгія служатъ доказательствомъ, что сей святой былъ въ отличномъ почтеніи у здѣшнихъ народовъ".

XII.

Измайловъ. Путешествіе въ полуденную Россію, Москва, 1802.

Ч. III. стр. 90—94. . . . „Сія церковь посвященная Богу и стоящая въ половинѣ горы между столѣтними деревьями..."

XIII.

Тоже. Новое изданіе. Москва 1805.

Ч. III. стр. 20 - 22. . . . „Храмъ посвященный Богу христіанскому, стоитъ въ половинѣ горы, отчасти скрытой въ тѣни лѣса. Въ горѣ видны пещеры, которыя служатъ кельями для монаховъ. Далѣе изъ нѣдръ утеса, струится чистая, холодная вода."

Примѣчаніе. Остальное, въ обоихъ изданіяхъ, пустая реторика о красотахъ природы, прелестяхъ дружбы и проч. Путешествовалъ въ 1799 г.

XIV.

Clarke. Travees in various countries Cambridge, 1810.

Стр. 500 - 501. „Monastery of St. George. Then follows the boy in which stands the Monastery of St. George, in a picturesque and singular situation, so placed among sloping rocks as to seem inaccessible. The few Monks who reside there have formed their little gardens upon terraces one above another.

. . . . . The Monks of the Monastery, in the ground behind their chapel, had recently found a small stone column, the schaft of which was seven feet light inches and a half in length, and thirteen inches in diameter. This column, together with a few broken slabs of marble, and other antiquities discovered there, seem to prove, supposing Formaleoni's positiw of Parthenium to be correct, that in this situation stood the old Chersonesus, which Strabo, after speaking of the new, describes as in ruins, and as occurring after the promentory."

Кларкъ. Путешествіе въ различныхъ странахъ. Кембриджъ 1810.

(1-е изданіе).

Далѣе слѣдуетъ бухта, гдѣ возвышается монастырь Св. Георгія, въ мѣстности замѣчательной и живописной, между обрывистыхъ скалъ, кажущихся неприступными. Нѣсколько живущихъ тамъ монаховъ устроили маленькіе садики по террасамъ лежащихъ одна надъ другою

. . . . . Монастырскіе монахи недавно нашли въ землѣ, позади своей часовни, маленькую колонну простого камня. Ея стержень былъ длин-

ною семь футовъ восемь съ половиной дюймовъ, а діаметръ тринадцать дюймовъ. Эта колонна, вмѣстѣ съ нѣсколькими кусками разбитыхъ мраморныхъ плитъ и другими найденными здѣсь древностями, повидимому подтверждаютъ, предположивъ что Формалеони точно указалъ мѣсто Парѳеніума, что здѣсь находился древнѣйшій Херсонесъ, описанный Страбономъ, послѣ разсказа о новомъ, какъ находящійся въ развалинахъ лежавшихъ далѣе мыса."

Примѣчаніе. Въ другомъ мѣстѣ (стр 564) Кларкъ указываетъ только, что видъ монастыря данъ въ соч. Палласа, и что ежегодное торжество (день Св. Георгія) о которомъ говоритъ Броневскій (посолъ польскій) еще празднуется монастыремъ.

Затѣмъ Кларкъ, на стр. 566, указываетъ и описываетъ развалины древнѣйшаго Херсонеса совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ (близь маяка) давая имъ новый планъ (стр. 551) Путешествовалъ въ 1800 году.

XV.

Сумароковъ. Досуги Крымскаго Судьи или второе путешествіе въ Тавриду. Спб. 1803.

Стр. 200--203. „Отдѣлившійся отъ утеса высокой горы уступъ, помѣщаетъ на себѣ сію обитель, которая будучи закрыта отъ поверхности хребтомъ оной, виситъ на остальной крутизнѣ, надъ самымъ моремъ. Весь тотъ ужасающій отрѣзъ до берега, разстояніемъ на версту, покрытъ по нисходящимъ ступенямъ фиговыми деревьями, дикими кедрами и виноградными кустами. Небольшой храмъ, униженныя кельи, древность, простота, сокрытое убѣжище отъ свѣта . . . . Открытый и господствующій надъ бездною деревянный проходъ, являетъ . . . . море . . . .

Изъ слѣдовъ отдаленныхъ столѣтій я видѣлъ тутъ только нечаянно открытую колонну, бѣлаго мрамора, длинною 4 аршина, въ поперешникѣ 5 вершковъ и закладенную въ оградѣ греческую надпись. [Надпись перепутана, потому и не приводится; она указана въ текстѣ по инымъ источникамъ].

Поврежденіе нѣкоторыхъ литеръ, включеніе въ оные иноязычныхъ, и неокончательный смыслъ не позволяютъ разобрать содержаніе оной, а открывается только то, что нѣкто Іеромонахъ Гервасій Сумеди упоминаетъ о другомъ своемъ собратѣ, называвшемся, какъ видно Евгеніемъ и означенъ 1175 годъ, чему теперь 628 лѣтъ."

Примѣчаніе. Въ пропускахъ и далѣе разсужденія о красотахъ природы, Парѳеній, Орестъ и прочее баснословіе. Путешествовалъ въ 1802 г.

XVI.

Исторія Россійской Іерархіи, собранная Новгородской Семинаріи Ректоромъ и Богословія Учителемъ, Антоніева монастыря Архимандритомъ Амвросіемъ. 1807—1815, (1-е изд.).

Ч. II. стр. LXL. *Балаклавскій Георгіевскій.* Въ 1806 г. при учрежденіи оному монастырю штата положено быть въ немъ Настоятелю, не сказано именно, игумену-ли или архимандриту; нынѣ состоитъ архимандритъ которому 1808 г. генваря 3-го дня по Имянному указу состоявшемуся на докладѣ Синода, повелѣно производить жалованье игуменное по 200 рублей.

Ч. III. стр. 23. Въ графахъ имѣется только: Балаклавскій Георгіевскій съ архимандріею (1811 г.) 3-го класса.

Ч. III. стр. 343. *Балаклавскій Георгіевскій* Екатеринославской Епархіи 3-го класса мужескій монастырь находящійся въ безуѣздномъ городѣ Балаклавѣ, по которому и названіе свое имѣетъ Балаклавскій а Георгіевскій по главной церкви. Въ 1806 г. : . (далѣе все почти тоже что выше показано въ ч. II. стр. CXL).

Ч. III. стр. 688—689. *Георгіевскій греческій* мужескій монастырь, на полуостровѣ Крымѣ, въ 10 верстахъ отъ города Ахтіари; (что прежде назывался Севастополь) и въ 8 верстахъ ближе къ Балаклавѣ отъ развалинъ знаменитаго въ древности Херсонеса, основаннаго Иракліотами почти за 500 лѣтъ до Рождества Христова, и который столь славенъ былъ въ тѣ времена по Тавридѣ, что весь полуостровъ по оному херсоническимъ назывался. Сей современный ему древностью монастырь стоитъ въ полугорѣ великой крутизны надъ самымъ моремъ. Мѣстоположеніе его соотвѣтствуетъ уединенію живущихъ въ немъ пустынниковъ; съ одной стороны отдѣляются они отъ міра возвышающимся надъ ними хребтомъ горъ, съ другой обтекающимъ моремъ, гдѣ повислые навѣсомъ каменіи разбросанные по скаламъ, плодовитые деревья придаютъ ему необычайный видъ. Встрѣчающіяся по всюду въ Крыму изображенія св. Георгія служатъ доказательствомъ что сей святой былъ въ отличномъ почтеніи у здѣшнихъ народовъ такъ какъ вообще у грековъ. Монастырь сей вмѣщаетъ небольшую оскудѣвшую церковь притомъ нѣсколько келій и обнесенъ оградой.

Примѣчаніе. Одинъ и тотъ-же нашъ монастырь описанъ какъ два различныхъ; первыя свѣдѣнія взяты очевидно изъ оффиціальныхъ документовъ; послѣднія (Ч. III. стр 688) главнымъ образомъ перепечатки Сумарокова перваго путешествія.

XVII,

Исторія Россійской Іерархіи собранная епископомъ бывшимъ Пензенскимъ и Саратовскимъ, Амвросіемъ, а нынѣ вновь пересмотрѣнная исправленная и умноженная. Изд, второе. Напечатанное съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I, часть 1-я Кіевъ. 2-е изд. 1827 г. стр. 478—479.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

О древнихъ греческихъ Епархіяхъ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи находившихся.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О Скиеской Епархіи.

«Скиеіею у грековъ именовались всѣ сѣверныя страны отъ рѣки Дуная и отъ Крымскаго полуострова. Нынѣ большая часть сихъ странъ въ предѣлахъ Россіи. Греческіе церковные историки 5-го вѣка, Ѳеодоритъ въ IV книгѣ гл. 35 и Созоменъ въ VI книгѣ гл. 21 и VII гл 19 своихъ исторій, согласно свидѣтельствуютъ что всѣми Скиескими церквами всегда издревле управлялъ одинъ епископъ имѣвшій каѳедру свою въ знаменитомъ торговомъ городѣ Томи, назначаемомъ на картахъ древней географіи не далеко отъ южнаго устья рѣки Дуная. Изъ епископовъ сей епархіи у Созомена и Ѳеодорита наименованъ одинъ только епископъ Ветраній, обличавшій Императора Валента въ Аріанской ереси. Въ росписи епархій греческихъ, учиненной при Императорѣ Львѣ Премудромъ около 891 года, скиеская сія епархія между самовластными или независимыми ни отъ кого кромѣ Патріарха поставлена степенью второю, по списку Беверскіеву. Можетъ быть тамъ пребывалъ и первый митрополитъ, или епископъ, около 861 г. посланный къ Руссамъ, о коемъ повѣствуетъ Константинъ Багрянородный, Кедринъ, Зоноръ и Глики».

Примѣчаніе. Затѣмъ слѣдуютъ статьи вторая и третья «О епархіяхъ Херсонской и Сурожской» относяшихся до Крыма но не заключающихъ даже и намека на Георгіевскій монастырь.

Вся эта глава цѣликомъ прибавлена, во 2-мъ изданіи митрополитомъ Евгеніемъ.

XVIII.

Reuilly. Voyage en Crimée etc. Paris, 1806.

P. 109—112. „Je fus bien reçu au monastère de Saint-George, situé sur un roc escarpé; on voit croitre disseminé çá et lá quelques arbres, et parmi eux le genévrier noir, ressemblant au cyprès; le monastère consiste, en une petite église, un réfectoir et quelques logemens de moyenne grandeur habités par les moines.

Рёльи. Путешествіе въ Крымъ и проч. Парижъ, 1806.

Стр. 100 – 112. Меня хорошо приняли въ Георгіевскомъ монастырѣ расположенномъ на обрывистой скалѣ; виднѣются нѣсколько растущихъ деревьевъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ и между ними черный можжевельникъ, похожій на кипарисъ; монастырь состоитъ изъ маленькой церкви, трапезы и нѣсколькихъ помѣщеній средней величины обитаемыхъ монахами."

Примѣчаніе. Далѣе описаніе картинъ природы, тишины и бури. Путешествовалъ въ 1803 году.

XIX.

Casteinau. Essai sur l'histoire . . . . de la Nouvelle Russie. Paris, 1820.

T. III, 203—206 . . . . „une très petite église et un grand réfectoir qui communique avec elle" . . . .

Кастельно. опытъ исторіи . . . Новороссіи. Парижъ, 1820.

T. III, 203—206 . . . . очень маленькая церковь и сообщающаяся съ нею большая трапеза . . . .

Примѣчаніе. Въ остальномъ авторъ отрицаетъ возможность искать здѣсь хр. Діаны; ни малѣйшаго слѣда развалинъ храма тутъ невидѣлъ; одна маленькая колонна, простого известняка, въ 1 ф. діаметр., ни по размѣрамъ, ни по качеству, не идетъ ни къ какому большему храму. Путешествовалъ въ 1807 году.

XX.

Перечень письма изъ Севастополя о красотѣ мѣста Георгіевскаго монастыря и о церковномъ благолѣпіи. Другъ юношества. 1812 г. № 11 (Ноябрь).

Стр. 69—75. „Мѣстоположеніе диковинное; монастырь малый и скудный"

Примѣчаніе. Заглавію не отвѣчаетъ пустота содержанія. Письмо писано неизвѣстному архіепископу путешественникомъ (Лопухинымъ), который говѣлъ въ монастырѣ, значитъ пробылъ тамъ довольно долго, нѣсколько дней.

XXI.

Описаніе монастырей въ Россійской Имперіи находящихся, изд. 8-е, Москва, 1834; изд, 4-е 1817 г.

Стр. 45. „Георгіевскій монастырь мужскій 3-го класса, Екатеринославской Епархіи, въ городѣ Балаклавѣ; (въ немъ церковь во имя Св. Георгія. Состоитъ подъ управленіемъ архимандрита).

Тамъ-же. „Георгіевскій Греческій монастырь, въ Крыму, въ 10 верстахъ отъ города Ахтіара (Севастополя) и въ 8 верстахъ отъ развалинъ знаменитаго въ древности Херсонесса. Сей монастырь, современный ему древностью, стоитъ въ полугорѣ великой крутизны надъ самымъ моремъ, гдѣ повислые по высотѣ каменья, разбросанные по скаламъ деревья и разстилающійся въ низу виноградъ придаютъ ему необычайный видъ. (Онъ вмѣщаетъ въ себѣ небольшую оскудѣвшую церковь, при томъ нѣсколько келій, и обнесенъ каменною оградою).“

Примѣчаніе. Всѣхъ изданій не видѣлъ, но въ 4-мъ 1817 года, стр. 11 и 32, почти тоже, исключая строчки взятыя въ скобки. Это столь распространенное, много разъ издававшееся, сочиненіе давало не только краткія описанія монастырей, но и служило, чѣмъ-то въ родѣ церковнаго альманаха. О нашемъ монастырѣ все взято изъ 1-го изд. Амвросія, т. е. изъ Сумарокова, съ тѣми-же ошибками—одинъ монастырь описанъ дважды.

XXII.

Подробное и вѣрное описаніе монастырей находящихся въ Россійской Имперіи. Москва 1829

Стр. 45. О Георгіевскомъ монастырѣ всего 20 строкъ; въ началѣ фразы о красотѣ мѣстоположенія, почти точно такъ какъ въ предъидущемъ „Опис. Монастырей“. Въ концѣ: „Въ семъ монастырѣ есть одна каменная церковь во имя Великомученика Георгія, но она приходитъ уже въ вѣтхость.“

Примѣчаніе. Очевидно описаніе относится ко времени ранѣе уничтоженія древней церкви, хотя и напечатано гораздо позже.

XXIII.

Алекс. Ратшинъ. Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. Москва, 1852.

Стр. 502. „Балаклавскій Георгіевскій мужскій 2-го класса въ мѣстечкѣ Балаклавѣ состоитъ подъ управленіемъ архимандрита. *О времени основанія его неизвѣстно.* Здѣсь соборная церковь Великомученика Георгія. Монастырь сей по духовному вѣдомству принадлежитъ къ Херсонской Епархіи.“

Тамъ-же. Георгіевскій, Греческій, мужскій, въ 12 верстахъ отъ Севастополя и въ 8 верстахъ отъ развалинъ знаменитаго Херсонесса. Сей монастырь, современный Херсонессу, стоитъ на скалѣ, почти отвѣсной, надъ

самымъ моремъ, мѣстоположеніе его необыкновенно живописно; онъ огражденъ каменною стѣною, внутри коей помѣщаются нѣсколько убогихъ келій и небольшая церковь во имя Великомученика Георгія."

Примѣчаніе. Очевидно все взято изъ предъидущаго „Опис. Монаст." съ тою-же ошибкою: одинъ и тотъ-же монастырь описанъ какъ два различныхъ. Далѣе авторъ даетъ опис. Успенскаго Бахчисарайскаго монастыря, обращая вниманіе на его пещерный характеръ, чего не замѣчаетъ въ Георгіевскомъ.

XXIV.

Броневскій (Владиміръ). Обозрѣніе южнаго берега Тавриды. Въ 1815 году. Тула, 1822.

Стр. 23. Георгіевскій Монастырь (Сначала нѣсколько словъ о храмѣ Діаны).

„Пріѣхавши на самый край крутаго берега омываемаго моремъ и спустившись немного внизъ, представляются удивленному взору нѣсколько бѣдныхъ строеній и небольшая церковь прилѣпленныя къ горѣ. Монахи изъ келій своихъ могутъ видѣть только небо и море. Не широкая терраса высѣченная въ скалѣ предъ монастырскими зданіями служитъ для проходу въ церковь; на ней углубляться въ размышленія небезопасно, ибо гора падаетъ тутъ по отвѣсу, а для схода внизъ къ морю сдѣлана лѣстница.

Древняя церковь посвященная Св. Георгію находящаяся во впадинѣ горы, существуетъ около 1000 лѣтъ, и есть первый христіанскій храмъ построенный Греками въ Крыму. 23-го Апрѣля стекается сюда множество поклонниковъ изъ дальнихъ мѣстъ; близость Севастополя и приношенія молельщиковъ обезпечиваетъ содержаніе монаховъ. Митрополитъ Хрисанфъ выѣхавшій изъ Греціи и получающій пансіонъ, своимъ попеченіемъ собралъ достаточную сумму, и оканчиваетъ теперь новую прекрасной архитектуры церковь. Въ старой церкви, нѣтъ богатыхъ украшеній, образа вообще грубой греческой живописи. Въ семъ печальномъ уединеніи, показываютъ одно дерево, на которомъ явился Чудотворный образъ Св. Георгія."

XXV.

О мѣстоположеніи Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Отечеств. Записки 1825 года часть 24.

Нѣсколько словъ исторіи Херсонеса; храмъ Діаны тамъ гдѣ монастырь. Камень лежащій въ морѣ будто бы похожъ на барана. Митроп. Хрисанфъ будто бы нашелъ храмъ тамъ гдѣ арка въ скалѣ (западнѣе мыса Фіоленты, версты двѣ отъ Георг. монастыря), онъ-же нашелъ въ ущельи,

гдѣ то мраморную колонну и пьедесталъ высокой работы; онъ-же (стр. 104) „вмѣсто вѣтхихъ и развалившихся хижинъ и пещеръ гдѣ до того иноки имѣли жительство“ устроилъ новый монастырь на мѣстѣ стараго „*построеннаго еще во время Татаръ*“. Затѣмъ нѣсколько словъ о красотѣ мѣста.

Примѣчаніе. Писано въ 1820 году.

XXVI.

Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ, въ 1820 году. Спб. 1823.

Стр. 84—85 „. . . до мыса Феолента, за коимъ представляется позлащенный крестъ, водруженный на самомъ краю утеса. Надобно близко подъѣхать, дабы выйти изъ обмана и увѣриться, что это крестъ церковной главы Георгіевскаге Монастыря, стоящаго на уступѣ горы, къ коему ведетъ спускъ крутый и опасный на лошадяхъ. Небольшой домикъ къ стѣнѣ прислоненный, жилище Архіепископа; за нимъ немногіе кельи, надъ коими видны опустѣвшія, осыпающіеся пещеры, въ коихъ прежніе отшельники обитали, наконецъ небольшая чистенькая, недавно отстроенная церковь,—вотъ все то что составляетъ обитель Георгіевскую. Сойди нѣсколько ступеней крыльца церковнаго и ты на террасѣ, какъ балконъ висящемъ надъ ужасною пропастью . . . . Не довѣряй полусогнившимъ деревяннымъ периламъ

Примѣчаніе. Далѣе философскія разсужденія и ничего фактическаго.

XXVII.

Гераковъ Продолженіе путевыхъ замѣтокъ. 1820—21. Петрорадъ, 1830.

Стр. 34—36. „Вѣка протекли, а храмъ Божій, хотя и былъ разоренъ безбожниками, но всегда возобновлялся. Шесть лѣтъ тому назадъ какъ нынѣ здѣсь живущій Митрополитъ Греческій, Хрисанфъ, выстроилъ церковь и кельи и хорошо поставилъ контрфорсы. Все дышетъ здѣсь чинностью, и старецъ Хрисанфъ 88 лѣтъ, весьма обращаетъ на себя вниманіе . . . . Онъ бодръ еще, не смотря на то что обтекъ Индостанъ, берега Малабарскіе и Коромандельскіе, Персію и Бухарію, часто былъ гонимъ судьбою; всѣ почти Европейскія Государства видѣли у себя сего просвѣщеннаго Архипастыря. Онъ не утвердительно однако говоритъ, что нигдѣ нельзя предполагать храма Ифигеніи, какъ на мѣстѣ выстроенной имъ новой церкви . . . . Митрополитъ Хрисанфъ показывалъ намъ бѣлый камень, открытый при созданіи новой церкви, на коемъ только по гречески начертанъ 1747 годъ. Старикъ самъ недоумѣвалъ, чтобы означалъ сей

камень. Въ Георгіевскомъ монастырѣ десять монаховъ, Грековъ, пришедшихъ изъ разныхъ странъ Греческихъ, и одинъ Малороссіянецъ. Въ сіе время они занимались собираніемъ винограда. Старикъ говорилъ мнѣ что у него была лодка въ которой пускался онъ до Севастополя, а нынѣ не можетъ сего сдѣлать — бурею унесена лодка, а другую нажить трудно и дорого.

XXVIII.

Lyall, Travels in Russia. London, 1825.

V. I, p. 299—300. „A small chapel with columns, erected about eight years ago, and some other new edifices, have a good deal altered the appearance of St. George's monastery Since Pallas's plate and vignette were publisched; but Nature is still the same, — still equally grand and majestic. Here is another small chapel, berides the houses of the monks, who have a most enviable residence.

St. George's is a Greek monastery, and can admit thirteen monks; but at our visit, it was inhabited by five solitary individuals. Its superior Platon was born in Little Russia, but is necessarly decended from Greek parents . . Above the convent, and one the lofty brow of the hill, is placed a very small chapel, with george and the Pragon cut in stone upon its lintel, and which is said by Pallas to have been erected by a Greek, who died near this Spot.„ (Затѣмъ обычныя разсужденія о Діанѣ, Пареeніи и проч.).

Ляйелъ. Путешествіе по Россіи. Лондонъ, 1825.

Т. I, 299—300. Маленькая часовня съ колоннами, построенная около восьми лѣтъ тому назадъ и нѣкоторыя другія новыя зданія во многомъ измѣнили внѣшній видъ монастыря св. Георгія сравнительно съ его изображеніями на рисункѣ и виньеткѣ Палласа; но природа все таже—грандіозна и величественна. Здѣсь находится еще маленькая часовня и дома служащіе завиднымъ жилищемъ монахамъ.

Георгіевскій монастырь греческій, могущій вмѣстить тринадцать монаховъ, но, при нашемъ посѣщеніи, ихъ было только пять. Ихъ настоятель Платонъ, родился въ Малороссіи но вѣроятно отъ родителей грековъ . . .

Надъ монастыремъ на краю обрыва находится очень маленькая часовня съ изображеніемъ св. Георгія съ дракономъ высѣченнымъ въ камнѣ перемычки; эта часовня по словамъ Палласа воздвигнута грекомъ умершимъ на этомъ мѣстѣ.

Примѣчаніе. Путешествовалъ въ 1822 году.

XXIX

Iones. Travels in Norway. . . Russia etc. London, 1827.

Vol. II 271—272. „The Monastery consists of a small church, a spacious refectory, and some tolerable apartments, with highly-cultivated terraces, the whole occupied by a bischop, and a few Greek monks: the former is a remarkably fire mar of eighty years old, and is said to speak eight different languages; perhaps French and Englisch are reckoned amongst the number, for he could pronounce a few, and only a few words of each. He told me he had been in India when the Marquis of Cornvallis was Governor general. The spot is certainly romantically and terrifically fine; it is celebrated for the pilgrimages and parties of pleasure to it on St. Georges Day, by Greek families throughout the Crimea . . . .

Extremely bad tast has led to the erection of two modern chapels on the summit of the cliff, which must diminish the interest of the approach to the monastery."

Дженсъ. Путешествіе въ Норвегію. . . Россію и проч. Лондонъ 1827.

Т. II. 271—272. Монастырь заключается изъ маленькой церкви, просторной трапезы и нѣсколькихъ сносныхъ жилищъсъ т еррасами покрытыми роскошною культурою, въ немъ помѣщаются епископъ и нѣсколько греческихъ монаховъ; первый замѣчательный восьмидесятилѣтній старикъ говорящій на восьми различныхъ языкахъ, можетъ быть въ этомъ числѣ находятся французскій и англійскій языки на которыхъ онъ едва могъ произнести по нѣсколько словъ. Онъ мнѣ сказалъ что былъ въ Индіи во время генералъ-губернаторства маркиза Корнваллійскаго. Мѣстность несомнѣнно романична и ужасающе прекрасна; она служитъ мѣстомъ богомолья и прогулокъ, въ день св. Георгія для многихъ греческихъ семей и всего Крыма. . . . . Крайне неудачно избрано мѣсто для постройки двухъ новѣйшихъ часовень на вершинѣ обрыва, которыя чрезвычайно уменьшаютъ прелесть вида при приближеніи къ монастырю.

Примѣчаніе. Сверхъ того нѣсколько словъ о необычайно жаркомъ положеніи на югѣ и жестокихъ буряхъ оттуда-же. Путешествовалъ въ 1823 г.

XXX.

Свиньинъ (п.) Обозрѣніе путешествія. . . въ 1825 году относительно Археологіи. Отеч. Зап 1826 г. Апрѣль, № 72.

Стр. 111—112. „Пустынная колокольня, какъ маякъ, указываетъ на крутой берегъ, подъ навѣсомъ коего скрытъ славный Георгіевскій мона-

стырь, существующій около 1000 лѣтъ, и потому почитающійся первымъ Христіанскимъ храмомъ, построеннымъ Греками въ Крыму. Къ сожалѣнію уже въ недавнія времена истребили остатки старой церкви ископаенной или, лучше сказать, выдолбленной въ горѣ; но на мѣстѣ оной, Митрополитомъ Хрисанфомъ выстроена новая прекрасной архитектуры. И стерли и драгоцѣнные признаки Діанина храма . . . . Въ монастырѣ живетъ достойный быть упомянутымъ маститый старецъ Димитрій Черновъ—163-хъ лѣтъ."

Примѣчаніе. Имѣется и неизбѣжный разсказъ объ Ифигеніи и проч.

XXXI.

Webster. Travels through the Crimea etc. London, 1830.

V, I., p. 68. „At St. George we saw the monastery, and the new church, in order to build w hich, the old one was destroyed. The monastery is a most healthily situated." (Далѣе по обычаю Діана и прочее).

Вебстеръ. Путешествіе по Крыму. . . Лондонъ, 1830.

Т. I. 68. Въ св. Георгіи мы видѣли монастырь и новую строющуюся церковь ибо старая была разрушена. Монастырь расположенъ въ весьма здоровой мѣстности.

Примѣчаніе. Путешествовалъ въ 1827 году. Говорится о началѣ постройки верхней церкви во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

XXXII.

Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase etc. Paris, 1843.

T. VI. p. 196—200. „ Je me rappellerai toujours l'effet magique que produisit sur moi la découverte de ce monastère . . . nous nous demandions toujours où était le monastère sur cette plaine rose. Voilà bien la pointe de Fanary et l'emplacement de Séwastopol dans le lointain; nous voyons aussi au bord du rocher une petite chapelle, vers la quelle nous avançons machinalement. O merveille! à peine nous sommes—nous penchés en tremblant sur cette corniche pour mesurer de l'oeil l'abime qui s'ouvre devant nous, qu'on lieu d'un précipice affreux. rongé par une mer sans fond, c'est une église, ce sont des habitation, des terrasses appuyées les unes sur les autres, des jardins, de beaux arbres, de vieux peupliers arrosés d'une belle source, sur lesquels nous planons. Tout cela est à 50 pieds au dessous de nous, sur une petite oasis suspendue comme par enchentement à quelques centaines de pieds au—dessus de la mer, au millieu d'une enceinte de roches noires, basaltiques, majestueusement élancées, qui tranchent d'autant plus avec la verdure dans

laquelle le monastère semble se cacher. Une porte taillée dans le rocher et une rampe d'escalier sont la seule entrée et le seul chemin de ce grand hermitage, crée d'abord pour les Troglodytes; car dans le voisinage de la petite église la muraille calcaire est percée de grottes antiques qui servent maintenant de caves, de poulaillers, et qui datent peut-être des premiers habitants de la Crimée. Les moines s'en étaient fait des céllules où il demeuraient encore en 1794 du temps de Pallas: aujourd'hui ils aiment mieux hors de terre.

Le monastère consiste en plusieurs corps de bâtiments, dont plusieurs sont déstinés aux étrangers. L'église rebâtie dernierement, fait regretter l'antique chapelle qu'on a détruite pour lui faire place. Une source, coule an—dessous des maisons dans un bassin en pierre, ombragé de peupliers. Plus bas sont desjardins terrassés avec quelques portions de vignobles.

Il n'y a pas longtemps q'un éboulement dans le voisinage du monastére a fait découvrir une colonne antique de pierre calcaire (d'Inkerman?). Taillée dans de très—justes proportions, elle a $7^1/_2$ pieds de haut et 13 pouces dans son plus grand diamètre. Elle a paru a Pallas de la plus haute antiquité. Ordinairement ce petit coin habité de la Chersonése est très solitaire. Mais le 23 avril, jour de la saint George, la scéne change: le bord du roches se couvre de huttes et de tentes; une foule de Grecs, surtout des femmes, y accourent de toute la Crimée; c'est le plus vivant tableau q'on puisse voir; les femmes grecques sont très jolies et embelissent la fête. On vend et on achété comme â un jour de marché. Mais bientôt l'heure du service approche; on se presse vers l'église qui ne peut contenir les fideles, et quand la bénédiction a été donnèe, ceux qui en ont la force se précipitent à qui pourra arriver le premier, au risque de se casser bras et jambes, sur le rivage, pour y puiser de l'eau qu' on conserve soigneusement pendant l'année, comme reméde contre toutes espéces de maladies."

Дюбуа де Монпере. Путешествіе по Кавказу и проч. Парижъ, 1843.

Т. VI. стр. 196—200. „Я всегда буду помнить волшебное впечатлѣніе полученное мною открытіемъ этого монастыря . . . мы все время спрашивали самихъ себя гдѣ былъ монастырь, на этой красноватой равнинѣ. Вотъ мысъ Фанари*), а вдали Севастополь; мы также видимъ на краю обрыва скалъ маленькую часовню, къ которой безучастно подвигаемся. О чудо! Лишь только мы боязливо нагнулись надъ этимъ обрывомъ, чтобъ глазомъ измѣрить бездну—открывающуюся передъ нами, какъ вдругъ, вмѣсто пропасти изрытой бездоннымъ моремъ, оказалась церковь, жилища, террасы одна подъ другою, красивыя деревья, старые тополя, орошаемые прекраснымъ источникомъ; надо всѣмъ этимъ мы парили. Все это на 50 футовъ подъ нами въ маленькомъ оазисѣ, какъ бы чудомъ висящемъ на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, огражденнымъ базальтовыми скалами рѣзко выдѣляющимися, своимъ чернымъ цвѣтомъ, на зелени, въ которой какъ-бы прячется монастырь" . . . .

*) Т. е. Херсонесскій. Пр. Б. Д.

Дверь вырубленная въ скалѣ и лѣстница, единственные входъ и дорога, въ это пустынножительство созданное троглодитами, ибо въ сосѣдствѣ маленькой церкви скала известняка пробита древними пещерами, сдѣланными быть можетъ еще первыми обитателями Крыма, а теперь служащими подвалами и курятниками. Монахи сдѣлали въ нихъ кельи, въ которыхъ еще жили въ 1794 году, во время Палласа; теперь они предпочитаютъ жить надъ землею.

Монастырь состоитъ изъ нѣсколькихъ строеній частью предназначенныхъ для посѣтителей. Недавно перестроенная церковь возбуждаетъ сожалѣніе о древней часовнѣ; разрушенной для образованія мѣста новой. Ниже домовъ родникъ течетъ въ каменный водоемъ отѣненный тополями. Еще ниже сады террасами и нѣсколько виноградниковъ.

Недавно, обвалъ земли, въ сосѣдствѣ монастыря, обнаружилъ древнюю колонну, извѣстковаго камня (инкерманскаго?). Тесанная очень правильно—пропорціонально, она имѣетъ $7^1/_2$ футовъ высоты и 13 дюймовъ въ наибольшемъ діаметрѣ. Палласъ считалъ ее самой далекой древности. Обыкновенно, этотъ маленькій обитаемый уголокъ Херсонеса очень пустыненъ, но 23 Апрѣля, въ день св. Георгія, все измѣняется: Край обрыва покрывается шалашами и палатками; толпы грековъ, особенно женщинъ, стекаются туда со всего Крыма; это самая жизненная картина, какую только можно видѣть; женщины, гречанки, очень красивы и украшаютъ праздникъ. Продаютъ и покупаютъ, какъ въ базарный день. Но вотъ приближается часъ службы и всѣ толпятся къ церкви, которая не можетъ вмѣстить вѣрныхъ; послѣ благословенія всѣ, имѣющіе достаточно силъ, стремятся на перегонки, съ опасностью сломать руки и ноги, на берегъ моря, чтобы почерпнуть воды тщательно сохраняемой въ теченіи года, какъ лекарство отъ всѣхъ родовъ болѣзней."

Примѣчаніе. Путешествовалъ въ нашихъ мѣстахъ въ 1832 и 1833 годахъ. Въ виду большой извѣстности этого писателя приложено все его описаніе, исключивъ лишь геологическія соображенія.

XXXIII.

Мурзакевичъ. Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году. Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 годъ, № 3.

Стр. 653. „Императоръ Александръ I, осматривая Крымъ, два раза посѣщалъ этотъ монастырь. Небольшал церковь, во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, достаточна для небольшаго числа братіи, которой часть находится на военныхъ корабляхъ Черноморскаго флота."

Примѣчаніе. Сверхъ того нѣсколько словъ о соотвѣтствіи мѣста монастыря съ отшельничествомъ, а въ концѣ соображенія о возможности нахожденія здѣсь храма Діаны.

XXXIV.

Статистическое обозрѣніе военно-портового города Севастополя за 1839 годъ. Журн. М. Вн. Дѣлъ, 1840 г. № 8. Ч. XXXVII.

Стр. 270. Начало построенія (Георг. монастыря) неизвѣстно. До 1816 года заключалъ въ себѣ небольшую высѣченную въ скалѣ церковь во имя св. Великомученика Георгія, а нынѣ выстроена, на томъ-же мѣстѣ, каменная церковь и нѣсколько отдѣльныхъ монашескихъ келій, съ разными при нихъ удобствами; столовою, залою и сходомъ въ монастырь со сводами. Древній образъ св. Георгія, Греки, по выходѣ изъ Крыма въ Маріуполь, взяли съ собою."

Примѣчаніе. Опис. весьма подробное, для Севастополя составлялось офиціально, мѣстными знающими людьми, (членами статистическаго комитета).

XXXV.

Demidoff. Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, etc. Paris. 1840.

Стр. 396—397. „Sur un pli de la roche et dans la partie supérieure de ce beau cirque naturel, s'élève le monastère de St. Georges. Autour du monastère se sont grouppès, de la façon la plus pittoresque, quelques maisons riantes; elles ont pour centre une assez belle église, dont le toit de métal rouge et la croix dorée brillent au milieu des austérités du paysage. Dix moines, sous les ordres d'un vénérable archévêque que nous avions rencontré à Sévastopol, habitent ordinairement cette majestueuse solitude; ce séminaire fournit presque tous les aumôniers de la flotte. Voilà pourquoi quatre d'entre eux seulement occupaient le monastère. Cinq de ces religieux servaient sur les Vaisseaux; quant au dixieme frére il était prisonnier chez les Circossilus, et le couvent amassait peu à peu et à grand, peine les 8.000 roubles exigés pour sa rançon. A côté de la simple habitation des solitaires, deux maisons plus spacieuses sont destinés aux familles qui viennent, à certaines époques, chercher une sainte retraite parmi ces rochers. Chacun peut se promener librement sur le plateau qui domine le couvent; on y parvient par un escalier vouté. Quant aux jardins des bons moines, une belle source leur prête sa fécondité et son murmure; ils s'en van descéndant vers une plage unie, ou nous attirait l'irrésistible attrait d'un bain abrité du vent et des vagues."

Демидовъ. Путешествіе въ южную Россію и Крымъ.

„На уступѣ скалы, въ верхней части этого красиваго природнаго цирка, возвышается монастырь св. Георгія. Вокругъ монастыря, самымъ живи-

тельнымъ образомъ размѣстились нѣсколько веселыхъ домовъ; посреди ихъ довольно красивая церковь, которой крыша изъ краснаго металла (sic.) и золоченый крестъ блестятъ промежъ суровостей пейзажа. Десять монаховъ, подъ началомъ почтеннаго архіепископа, котораго мы встрѣчали въ Севастополѣ, обыкновенно живутъ въ этой величественной пустынѣ Это убѣжище поставляетъ почти всѣхъ священниковъ для флота. Поэтой причинѣ только четверо изъ нихъ находились въ монастырѣ; пятеро иноковъ служили на корабляхъ; а десятый братъ былъ въ плѣну у черкесовъ и монастырь, мало по малу, съ великимъ трудомъ, накоплялъ 8,000 рублей потребованныхъ для его выкупа. Подлѣ простого жилища иноковъ, два болѣе обширныхъ дома предназначены семействамъ ищущимъ между этихъ скалъ, въ извѣстныя времена года, священнаго уединенія. Каждый можетъ свободно прогуливаться на площадкѣ господствующей надъ монастыремъ куда поднимаются по лѣстницѣ крытой сводомъ. Прекрасный источникъ разноситъ по садамъ добрыхъ монаховъ свое плодородіе и журчаніе; эти сады спускаются къ ровному морскому прибрежью. куда насъ неудержимо привлекла прелесть купанья защищеннаго отъ вѣтра и волнъ."

Примѣчаніе. Имѣется русскій переводъ изданный въ Москвѣ, въ 1853 году, стр. 363—364, но такъ какъ онъ не полонъ и недостаточно точенъ, то здѣсь представленъ другой. Путешествовалъ въ 1837 г.

XXXVI

Hommaire de Hell. Les steppes de la mer Caspienne etc. Paris, 1845.

T. II, p. 374—378. . . . „nous arrivâmes tout prés du couvent, mais sans q'un indiu quelconque, nous annoncons son voisinage. Aussi fûmes nous trés surpris lorsque le cocher, quittant joyeusement son siége, vint nous prier d'imiter son exemple. Interrogeant vainement du regard tous les environs, nous fûmes tentés de croire qu'il se moquait de nous, et nous héritâmes à le suivre dans un passage voûté, où il venait de s'engager, d'un air norquois qui nous semblait être le comble de l'impertinence. Mais, à l'extremité du passage, un cri d'admiration s'échappe de nos lèvres le monastèr, avec ses maisonettes adoséses contre le rocher, ses terrasses, son église à dôme vert ses jardins, sa riche végétation, s'offrit à nos yeux, suspendu à plusieurs centaines de pieds au dessus de la mer. Longtemps nous contemplâmes l'effet magique . . . "

Гоммеръ де Гель. Степи Каспійскаго моря и проч. Парижъ, 1845.

T. II, стр. 374—378. „ . . . мы подъѣхали совсѣмъ близко къ монастырю, но никакой признакъ не обнаруживалъ его сосѣдства. Поэтому мы были очень удивлены когда кучеръ, весело соскочивъ съ козелъ, подошелъ просить насъ послѣдовать его примѣру. Напрасно оглядывая всѣ

окрестности мы склонны были думать, что онъ смѣется надъ нами и колебались послѣдовать за нимъ въ сводчатый проходъ, куда онъ направился съ усмѣшкою казавшеюся намъ верхомъ нахальства. Но въ концѣ прохода у насъ вырвался крикъ восторга: монастырь съ своими домиками прислоненными къ скалѣ, террасами, церковью съ зеленымъ куполомъ, садами, богатою растительностью, предсталъ передъ нашими глазами висящимъ въ нѣсколькихъ стахъ футовъ надъ моремъ. Долго мы созерцали волшебный видъ . . . . "

Примѣчаніе. У этого автора (точнѣе авторши — его супруги написавшей всю описательную часть сочиненія) путешествовавшаго въ 1841 г., нѣтъ ничего фактическаго и я привожу эту выписку только какъ образчикъ впечатлѣній иностранца. Далѣе идетъ разсказъ о превосходствѣ западныхъ монастырей передъ православными и затѣмъ, въ самыхъ разныхъ выраженіяхъ: о дурномъ пріемѣ путешественниковъ въ монастырѣ, объ отсутствіи непродажнаго гостепріимства, удобствъ, чистоты и заботливости; о наихудшихъ нравственныхъ качествахъ монаховъ; о приготовленіи къ празднеству св. Георгія. Все это сильно преувеличено и для настоящихъ замѣтокъ не имѣетъ никакого значенія.

XXXVII.

Чернявскій. Балаклавскій Георгіевскій монастырь. Фельетонъ „Одесскаго Вѣстника" за 1850 г. № 75.

Прочитавъ объявленіе о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ, я, съ умиленіемъ подумалъ — чего не сдѣлаетъ добрая человѣка воля, посвященная во славу Божію?—Представилъ себѣ это живо потому особенно, что возстановленіе одного подобнаго святаго мѣста осуществилось предъ глазами нашими. Это было въ Балакловскомъ Георгіевскомъ монастырѣ.

Я знаю эту обитель съ 1792 года. Въ ней тогда были три полураз валившіеся келіи и церковь въ каменной пещерѣ, квадратной въ 2½ сажени, съ престоломъ, выдѣланномъ въ скалѣ. Все это и церковная утварь были бѣдны въ полномъ смыслѣ сего слова. Въ числѣ 3-хъ или 4-хъ человѣкъ монашествующихъ я нашелъ одного русскаго, 100-лѣтняго старца Калиника, жившаго отшельникомъ въ келіи ниже монастыря, самимъ имъ сложенной, куда я, съ помощью провожатаго арнаута, спустился. Глубокая старость съ бодрымъ духомъ, благочестіе и особенно ласковый пріемъ внушили во мнѣ къ нему душевное уваженіе. Онъ позволилъ мнѣ провести ночь въ его келіи, и въ продолженіе всей весенней лунной ночи, я пользовался его бесѣдою, въ особенности о времени татарскаго владѣнія Крымомъ; о святыхъ мѣстахъ въ горахъ крымскихъ, изъ коихъ въ великомъ уваженіи и у самыхъ татаръ урочища св. Безсребренниковъ Косьмы и Да-

міана и въ Масандрѣ Іоанна Предтечи; о томъ, что татары вообще имѣли уваженіе къ водамъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя освящены православной вѣрой, часто оныя посѣщали и какъ бы сближались съ христіанствомъ. Много интереснаго передалъ мнѣ сей старецъ, но я нынѣ сообщаю то, только, что болѣе относится къ предмету сей статьи. Онъ тогда считалъ время своего пребыванія въ Георгіевской обители 80 лѣтъ. Онъ засталъ, что татары, съ незапамятныхъ временъ, имѣли уваженіе къ цѣлебной силѣ воды, истекающей изъ родниковъ въ семъ монастырѣ. Въ послѣдствіи самъ многими опытами удостовѣрился въ томъ и употреблялъ оную, какъ даръ Божій, и симъ болѣе расположилъ татаръ къ святому мѣсту. Безмездное и удовлетворительное леченіе обратило многихъ мурзъ и беевъ, татарскихъ дворянъ, къ особенному уваженію къ сей обители. Не было примѣра, чтобы старшины ихъ приходили къ водѣ съ оружіемъ, которое оставляли на верху. Соблюдали постъ, привозили съ собой рыбу и фрукты. Леченіе происходило при діэтѣ: умываніе головы и всего тѣла, питье воды натощакъ, по роду болѣзней, отъ 5 до 10 дней. Этотъ старецъ увѣрялъ меня, что уваженіе татаръ къ водѣ причиною, что монастырь совсѣмъ не уничтоженъ, подобно другимъ святымъ мѣстамъ въ Крыму, а особливо въ послѣднее время предъ тѣмъ, когда Таврія присоединилась къ Россіи. На другой день по утру, я предложилъ почтенному старцу напиться со мной чаю, но онъ отвѣчалъ: „Боже сохрани! пейте и вы монастырскую воду и будете здоровы и долговѣчны какъ я". Я простился съ нимъ какъ сынъ съ отцомъ. И эта ночь осталась запечатлена въ душѣ моей на всю жизнь.

По прошествіи 10 лѣтъ, т. е. 1802 года, во второй разъ пріѣхалъ я по службѣ въ Севастополь, и въ тоже время посѣтилъ обитель и многоуважаемаго старца Калиника, котораго нашелъ на томъ-же мѣстѣ въ одинаковомъ здоровьѣ, а монастырь въ томъ-же видѣ. Въ послѣдствіи времени сей подвижникъ скончался 116 лѣтъ. Миръ праху твоему благочестивый старецъ Съ 1802 года я постоянно живу въ Севастополѣ; пріобрѣлъ землю п сосѣдству съ монастыремъ, и по первому моему впечатлѣнію благоговѣю къ сему святому мѣсту и бывъ, такъ сказать присвоеннымъ къ сей обители, видѣлъ ея возстановленіе. Въ то время управлялъ оною греческій митрополитъ Хрисанѳъ, который, въ послѣдствіи времени, съ значительнымъ пособіемъ адмирала Ушакова, на мѣстѣ пещеры построилъ церковь, снабдилъ оную всѣмъ потребнымъ и далъ приличный видъ монастырю.

По смерти сего митрополита опредѣленъ настоятелемъ митрополитъ же Агаѳангелъ, который вступилъ въ управленіе 1825 года. Съ сего времени обитель сія безпрерывно приводима была въ болѣе цвѣтущее состояніе. Не входя въ подробное исчисленіе всѣхъ построекъ и всего ея благоустройства, объясню главнѣйшіе предметы:

Начальствомъ опредѣлено, чтобы всѣ священнослужители Черноморскаго флота, до 35 лицъ, до востребованія ихъ на службу имѣли постоянное пребываніе въ семъ монастырѣ; для жительства имъ построены два большіе корпуса келій, со всѣми удобствами, и особо трапезная.

Для удобства схода съ крутой горы въ монастырь устроенъ на поверхности проходъ со сводомъ и приличными св. мѣсту вратами, при которыхъ, для пріема пріѣзжающихъ построенъ большой корпусъ въ 23 саж. длины, о 10 комнатахъ, одна отъ другой отдѣльныхъ, съ корридоромъ во всю длину строенія.

На вершинѣ горы, на мѣстѣ кладбища, построена вновь церковь со сводомъ внутри, и внизу для склеповъ, съ арками при входѣ, красивой архитектуры, съ мраморными украшеніями и ступенями во всѣхъ трехъ дверяхъ. Иконостасъ красивый, утварь церковная благолѣпна, ограда,—съ одной стороны, каменная на извести стѣна, а съ другой—чугунная красивая рѣшетка. Храмъ сей готовъ со всѣмъ потребнымъ для богослуженія.

Сія церковь, корпуса келій, трапезная, проходъ со сводами и домъ для проѣзжающихъ построены по правиламъ архитектуры прочно, изъ твердаго чистаго камня, на извести, съ употребленіемъ гдѣ нужно желѣза, а вмѣсто сосноваго, дубоваго крымскаго лѣса, извѣстнаго своимъ хорошимъ качествомъ; покрыты желѣзными листами.

Вмѣсто стараго развалившагося фонтана, сдѣланъ новый въ бо́льшемъ пространствѣ съ мраморною лицевою стороною и корытомъ для воды.—Далѣе, внизу, построенъ бассейнъ или резервуаръ для собиранія воды, истекающей отъ фонтана, на поливку зелени и фруктовыхъ деревъ.

Все это по возможности можно передать читателямъ; но какъ выразить весьма трудную работу контрфорсовъ? Они необходимы для благонадежности всего монастыря, а особливо прежней церкви, которая, по тѣснотѣ монастырскаго мѣста, построена на самомъ краю утеса, висящаго надъ глубиною. Должно представить себѣ какія были затрудненія на крутой пологости найти вѣрное основаніе для фундамента подъ контрфорсы. Какія нужны были со стороны утеса подставы для производства работъ! Но прежде того нужно было принять мѣры къ отводу воды, истекающей во многихъ мѣстахъ изъ каменнаго утеса на мѣста контрфорсовъ, которые въ продолженіе времени вода подмывала и дѣлала вредъ и самое разрушеніе. Но постоянное усиліе высокопреосвященнаго митрополита Агаѳангела отвратило всѣ препятствія. Контрфорсы по всѣмъ правиламъ архитектуры, съ мѣстнымъ приспособленіемъ, изъ твердаго чистаго камня на извести съ желѣзными укрѣпленіями въ мѣстахъ болѣе крутыхъ, сдѣланы длиною сплошь на 150 саж., вышиною отъ 3 до $6^1/_2$ сажень. На верху оныхъ, гдѣ составилась прекрасная площадь, сдѣланы по краямъ желѣзныя перила съ благонадежнымъ укрѣпленіемъ.

Послѣ сихъ многотрудныхъ и многостоившихъ работъ, благополучно и съ полнымъ удовлетвореніемъ о прочности и благонадежности оконченныхъ, можно только сказать мимоходомъ о значительномъ улучшеніи прежнихъ келій и всѣхъ зданій, планировкѣ мѣста, занимаемаго монастыремъ, исправленіи дорогъ и посадкѣ деревъ, которыя теперь осѣняютъ весь монастырь, а особливо главную площадь, ведущую въ церковь. Произведены немаловажныя, экономическія, необходимыя строенія на хуторѣ близь монастыря и особенно для зимняго содержанія овецъ, принадлежащихъ оби-

тели, Стойкость контрфорсовъ и другихъ главныхъ строеній вышепоименованныхъ, общимъ мнѣніемъ полагается *болѣе 100 тыс. рублей серебромъ*, кромѣ изящной утвари и благолѣпія въ церквахъ, не вѣками, но немногими годами созижденныхъ. Все это возстановлено безъ всякихъ издержекъ со стороны казны, съ помощью Божіею, съ благословеніемъ епархіальнаго начальства, доброю волей, искреннимъ желаніемъ и постояннымъ усиліемъ высокопреосвященнаго митрополита Агаѳангела, который, какъ представитель св. обители, какъ маститый архіерей, всѣми уважаемый, путями смиренномудрія и особенной привѣтливости ко всѣмъ посѣтителямъ монастыря, достигъ желанной цѣли.

Изъ числа близко знающихъ первобытное состояніе Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, едва ли кто остался въ живыхъ, а современные зрители не могутъ передать всего того, что мнѣ 83-лѣтнему старцу, болѣе полвѣка созерцающему, извѣстно; но видя лично, что высокопреосвященный митрополитъ Агаѳангелъ, совершивъ добрый подвигъ, извѣстный Богу, имѣетъ въ томъ свое утѣшеніе, и упокоеніе посвящая и послѣднее время жизни своей во благо обители, въ которой указалъ уже уголокъ вѣчнаго своего спокойствія,—я оставался въ молчаніи. Между тѣмъ, всѣ его труды и подвиги дошли до свѣдѣнія духовнаго начальства, и вслѣдствіе того, сей монастырь, состоявшій въ 3 классѣ, малоизвѣстный въ Россіи, возведенъ въ 1-й классъ. Почему-же теперь не узнать и всѣмъ православнымъ, что можетъ сдѣлать добрая воля человѣка, посвященная во славу Божію.

Изобразивъ благоустройство сей обители, присовокуплю нѣсколько словъ о единственномъ, величественномъ и живописномъ мѣстоположеніи оной. Сіе святое мѣсто сооружено Таврической губерніи на полуостровѣ Трахеѣ (каменной). Этотъ полуостровъ образуется съ южной и западной сторонъ Чернымъ моремъ, а съ сѣверной Севастопольскою рейдовою бухтою (въ древности Ктеносъ), съ восточной рѣкою Узень, нынѣ Чоргунъ, вытекающею изъ Байдарской возвышенности и впадающею въ Инкерманѣ въ Ктеносъ, наконецъ со стороны юго-восточной, отъ верхней части рѣки Чургуна, до бухты Балаклавской, именовавшейся въ древности Симболонъ, перешейкомъ не болѣе какъ въ двѣ небольшія мили, въ древности огражденнымъ каменной стѣной.

Монастырь сей построенъ на крутизнѣ высокой скалы, выдавшейся къ морю, вышиною отъ горизонта моря до монастыря перпендикулярно 230 сажень; пологость на югъ до 500 саж., на этомъ пространствѣ во всякое время года деревья, а особливо можжевеловыя зеленѣютъ, виноградники во множествѣ вездѣ тянутся съ дерева на дерево и красуются гирляндами и фестонами. Съ каждаго пункта изъ каждыхъ дверей и оконъ монастырскихъ видно необозримое море, красующееся во всю ночь мерцаніемъ звѣздъ, а иногда и луны; на разсвѣтѣ перспектива расширяется: утесы скалъ, нависшіе надъ монастыремъ и по сторонамъ онаго, а особливо мысъ Фіолентъ, извѣстный въ древности Парѳеніонъ, какъ-бы указатель съ моря мѣсто монастыря, представляютъ величественный и очаровательный видъ. Съ умиленіемъ взираемъ на плавающіе въ морѣ суда, а

особливо эскадры Черноморскаго флота, которыя, на извѣстномъ разстояніи салютуютъ монастырю пушечными выстрѣлами; здѣсь привѣтствуютъ ихъ колокольнымъ звономъ, а священнослужители во храмѣ Божіимъ молятся о благополучномъ ихъ плаваніи.

Мѣсто монастыря здоровое, чему благопріятствуютъ двѣ главные стихіи: чистый, горный и вмѣстѣ морской воздухъ и живая вода; о цѣлебномъ ея свойствѣ, кромѣ преданій старца Калиника и другихъ современныхъ наблюденій, можно заключить изъ того, что живущіе тамъ священнослужители Черноморскаго флота до 35-ти человѣкъ и весь причетъ монастырскій всегда находятся въ удовлетворительномъ здоровьѣ; многіе воздержанные достигали до глубокой старости, незная тѣхъ злокачественныхъ лихорадокъ и прочихъ недуговъ, которые иногда свирѣпствуютъ внутри Крыма. Гдѣ-же въ другомъ мѣстѣ все это совокупно можно видѣть?

Со стороны исторической обитель сія, по указанію бывшаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича, взятому изъ древнихъ Историковъ, стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ нѣкогда языческій храмъ Діаны, разрушенный, за 1206 лѣтъ до Р. Х., Орестомъ, сыномъ греческаго царя Агамемнона, братомъ Ифигеніи, бывшей жрицею въ семъ храмѣ. Есть и мѣстные факты, подтверждающіе о томъ. Но здѣсь не мѣсто, распространяться о семъ, отдаленномъ вѣками преданіи, имѣя въ виду священныя, услаждающія душу событія, собственно на полуостровѣ Трахеѣ, въ уголку нынѣшняго монастыря. Здѣсь святые слѣды стопъ св. Андрея Первозваннаго, слѣды, по коимъ христіанская вѣра перешла изъ Корсуня или Херсонеса въ Кіевъ. Тутъ чудотворное знаменіе въ морѣ мощей папы Римскаго Климента; здѣсь св Владиміръ принялъ крещеніе и чудотворно прозрѣлъ очами тѣлесными и духовными; отселѣ началось просвѣщеніе всей Россіи вѣрою во Христа Спасителя, благословляющаго Россію и Царствующихъ надъ нею Самодержцевъ; здѣсь память и прочихъ угодниковъ Божіихъ. Тутъ, наконецъ, монастырь во имя св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, охраняющее сіе священное мѣсто, распространявшее свою благодать на весь Крымъ. Сколько по его горамъ св. мѣстъ, которыя нынѣ съ помощію Божіею возстановляются!

Итакъ исчезло названіе Понта-Аксеносъ (негостепріимный). Теперь Черное море въ предѣлахъ благословенной Россіи протягиваетъ мощную дружескую руку ко всему роду человѣческому, всѣхъ привѣтствуетъ хлѣбомъ и солью.

Коллежскій ассесоръ *Леонтій Черняевскій.*

Севастополь, 20 августа.

Примѣчаніе. Эта статья, сама по себѣ весьма любопытная, помѣщена въ столь трудно находимомъ изданіи, что я счелъ полезнымъ перепечатать ее цѣликомъ, со всѣми разсужденіями автора, даже и тѣми которыя не заключаютъ въ себѣ ничего фактическаго. Я не выпустилъ и всѣхъ соображеній объ Орестѣ, Таврахъ и прочемъ, потому, что все это собрано авторомъ хотя и вкратцѣ но довольно полно и именно въ томъ видѣ какъ повторяется до нынѣ. Не мѣшаетъ и здѣсь указать до какого

невѣроятнаго предѣла доходитъ легковѣріе писателей и читателей, долгимъ повтореніемъ одного и того же, пріученныхъ не отличать вздорныхъ побасенокъ отъ подлинно историческихъ событій.

XXXVIII.

Домбровскій. Обозрѣніе южнаго берега Тавриды, пособіе для путешественниковъ. Одесса, 1850.

Стр, 37. „Дорога въ монастырь пустынна. Монастырь открывается неожиданно и то новая церковь, отстроенная недавно по образцу Петропавловской церкви въ Севастополѣ, во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Внутри поставленъ уже иконостасъ. Иконы работы художника Алексѣева. Собственно монастырь находится внизу: онъ, словно ласточкино гнѣздо, прилѣпленъ къ обрывистому высокому берегу. Видъ поразительный. Въ церкви св. Георгія Побѣдоносца погребенъ князь А. Н. Голицинъ, а за стѣною храма графъ Виттъ. На одной изъ площадокъ устроенъ, усердіемъ куппа Гущина, превосходный фонтанъ.»

XXXIX.

Обновленіе древнихъ памятниковъ христіанства въ Крыму. Отечеств. Записки 1853 г., № 7.

(Перепечат. изъ «Одесск. Вѣстника»)

Стр. 25. «Эта послѣдняя церковь (т. е. монаст. св. Георгія) существовала во все время владѣнія Татаръ Крымомъ, и остававшіеся христіане производили въ ней богослуженіе. Когда Русскіе заняли Крымъ, церковь эта была отдана поселившимся въ Балаклавѣ Грекамъ; затѣмъ поступивъ въ достояніе іеромонаховъ, которые назначаются въ море на черноморскій флотъ, она названа была Балаклавскимъ Георгіевскимъ монастыремъ; въ 1811 году, настоятель этого монастыря митрополитъ Хрисанфъ возобновилъ ее, а позже, митрополитъ Агаѳангелъ укрѣпилъ оврагъ, при ней контрфорсомъ, построилъ кельи для монаховъ и пріѣзжихъ и устроилъ кладбищную церковь въ честь Воздвиженія Креста Господня.

XL.

Milner. The Crimea its ancient and modern history. London, 1855.

307—310. The monastery dates from the tenth century, when a few Greek monks who refused to join in the heresy of Photius retired to the spot. It remained Greek till the accession of the Emperor Nicholas, who introduced

Russians; and the Slavonic language was substituted in the service of the church , . . .

Seventcen monks, besides the superior ocupied the monastery, when the Anglo French arrived in the neigh bour hood. The remainder, about twenty more, were engaged with the coopedup fleet. Father Suerondi, the archimandrite, distinguished from the rest of the fraterrnity by a gold cross upon hir breast, was immediately assured of freedom from all disturbance by a genera order, the execution of which was commited to a corps of Zouaves: «The convent of St. George is placed nu der the protection of the allied armies. Military men and other persons following the armies are forbidden to enter it by force, or to disturb in any way the security of its inhabitants, or violate the rights of property. At the Camp of Chersonesus, Oct. 2 1854.»

Мильнеръ. Крымъ и его древняя и новая исторія. Лондонъ, 1855.

307—310. Монастырь былъ основанъ въ десятомъ вѣкѣ, когда нѣсколько греческихъ монаховъ, отказавшихся присоединиться къ ереси Фотія, удалились въ эти мѣста. Онъ былъ греческимъ до воцаренія императора Николая, который ввелъ туда русскихъ, а славянскій языкъ въ богослуженіе . . . .

Семнадцать монаховъ съ настоятелемъ пребывали въ монастырѣ во время занятія его окрестностей англо-французами. Остальные двадцать были заняты на судахъ флота. Архимандритъ, отецъ Геронтій, отличающійся отъ прочей братіи золотымъ крестомъ на груди, былъ тогда-же обезпеченъ отъ всякихъ тревогъ слѣдующимъ приказомъ по арміи, исполненіе котораго возложено на отрядъ зуавовъ: «Монастырь св. Георгія поставленъ подъ покровительство союзныхъ войскъ. Военнымъ и всякимъ инымъ лицамъ слѣдующимъ за арміею воспрещается входить туда насильно, тревожить какимъ-бы то нибыло путемъ его обитателей или нарушать права собственности. Въ Херсонесскомъ лагерѣ, 2-го октября 1854 г.»

Примѣчаніе. Сверхъ того выписки разсужденія Гомеръ де Геля и указаніе на бывшій военный телеграфъ изъ монастыря въ Каліапрію.

XLI.

Лебединцевъ (прот. Арсеній) О. Θеодосійской викарной епархіи (Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости 1861 г. № 1, стр. 47—48).

„О началѣ Георгіевскаго монастыря, который, безъ сомнѣнія, есть древняя обитель, возбужденъ былъ вопросъ во время управленія имъ (1794 г.) греческаго архіепископа (Реондажскаго) Игнатія. Этотъ преосвященный нашелъ въ монастырѣ камень съ греческою надписью, удостовѣряющею, какъ сообщалъ объ этомъ преосвященному Іову*) правитель Таврической обла-

*) Еписк. Θеодосійскаго, (съ окт. 1792 по май 1796) которому подчиненъ былъ и Георгіевскій монастырь. Пр. Б Д.

сти Жегулинъ, что въ Георгіевскомъ монастырѣ храмъ состроенъ въ 1175 году, и что ктиторъ его іеромонахъ Гервасій, вышедшій изъ монастыря Пресвятыя Богородицы, Сумелла именуемаго, въ Трапезунтѣ. По донесеніи о семъ Св. Сиоду было предписано тому-же преосвященному Іову развѣдать отъ переселившихся изъ Крыма Грековъ «кѣмъ этотъ монастырь заведенъ и что окажется донесть»; но неизвѣстно что дознано преосвященнымъ.»

Примѣчаніе. Далѣе выборки мнѣнія Сумарокова, Кеппена и Чернявскаго, которые приводятся здѣсь въ подлинникѣ. Прочія свѣдѣнія авторъ почерпалъ изъ архивныхъ документовъ, какъ то указываетъ на стр. 44.

XLII.

Афанасьевъ. Путеводитель по Севастополю. Николаевъ, 1857.

Стр. 19. „Основаніе монастыря неизвѣстно. Преданіе глубокой древности указываетъ здѣсь храмъ Діаны, въ которомъ жрицею была Ифигенія, дочь царя Агамемнона. Видъ на море и на спускъ къ берегу къ подошвѣ горы, на которой расположенъ монастырь, превосходны. Во время осады Севастополя зданія монастыря служили отчасти къ помѣщенію французской арміи, о чемъ вамъ подробно разскажутъ мѣстные монахи.“

XLIII.

Telfer. The Crimea and Transcaucasia. London, 1876.

P. 28—29. „. . . The apartments within the monastery which were occupied by Miss Florence Nigtingole during the war, are schown by the inmates with un afferted satisfaction, for the remembrance of that lady is respectfully preserved; they are available to pilgrims and strangers desiring to pass the night.“

Тельферъ. Крымъ и Закавказье. Лондонъ, 1876.

28—29. . . . „Покои въ которыхъ жила въ монастырѣ во время войны миссъ Флоренсъ Нойтингаль охотно показываются привратникамъ; потому что память этой леди почтительно сохраняется; ихъ предоставляютъ для ночлега богомольцамъ и иностранцамъ.“

Примѣчаніе. Путешествовалъ въ 1874 году. Остальное обычное повтореніе всѣхъ путеводителей.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED

7E93713